

ОЦЕ ИЧЕ С

Г. Г. Дилигенский В ПОИСКАХ СМЫСЛА И ЦЕЛИ

Мин
XVI
Д-46

Г.Г. Дилигенский

В ПОИСКАХ СМЫСЛА И ЦЕЛИ

ПОЛИТИЗДАТ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

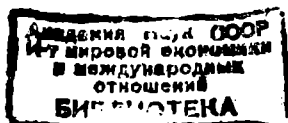

Г.Г.Дилигенский

В ПОИСКАХ СМЫСЛА И ЦЕЛИ

*Проблемы массового сознания современного
капиталистического общества*

Москва
Издательство
политической
литературы
1986

71 339

87

Дилигенский Г. Г.

Д46 В поисках смысла и цели: Проблемы масс. сознания соврем. капиталист. о-ва.— М.: Политиздат, 1986.— 256 с.— (Критика бурж. идеологии ревизионизма).

Какими потребностями, интересами наполнена жизнь людей в современном капиталистическом обществе? Чем и как определяются их главные жизненные ориентиры? На эти непростые вопросы отвечает в своей книге доктор исторических наук лауреат Государственной премии СССР Г. Г. Дилигенский. Обстоятельный анализ сознания классов, социальных слоев буржуазного общества опирается на богатый фактический материал, включающий данные социологических опросов, личных наблюдений и размышлений автора. В книге раскрываются особенности современного этапа общего кризиса капитализма, динамики классовой борьбы и политической обстановки в капиталистических странах.

Рассчитана на пропагандистов, лекторов, преподавателей вузов, слушателей системы партийной учебы.

0302020300—079
Д 079(02)—86 87—86

66.018

ИФБ

© ПОЛИТИЗДАТ, 1986 г.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XX века — время глубоких революционных изменений во всех сферах жизни человеческого общества. Переход от капитализма к социализму и коммунизму, соревнование двух мировых социально-политических систем, социалистические и национально-освободительные революции, крушение колониализма, борьба мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся государств, массовых демократических движений против империализма, его политики агрессии и угнетения, за демократию и социальный прогресс — так в новой редакции Программы КПСС характеризуется основное содержание современной эпохи истории человечества.

Для мирового капитализма последние десятилетия нашего столетия — время обострения его общего кризиса. Мобилизовав новые технико-экономические, политические и идеологические ресурсы, значительно усовершенствовав свою экономическую и социально-политическую стратегию, империализм не смог тем не менее затормозить развитие мирового революционного процесса, предотвратить углубление своих внутренних противоречий. В 70—80-е годы резко обострились кризисные явления и процессы в мировой капиталистической экономике, империализм потерпел новые серьезные поражения на международной арене. Сложившаяся ситуация вызвала резкое усиление наиболее агрессивных и реакционных тенденций в политике и идеологии капитализма. Они выразились в росте милитаризма и усилении конфронтации

с социалистическими странами, в попытках сорвать наметившийся процесс разрядки международной напряженности. Внутри капиталистических стран тактика ограниченных социальных реформ и компромиссов уступает место откровенно консервативной, антирабочей политике, попыткам «социального реванша». В результате расширяется почва для поляризации и противоборства противоположных классовых сил.

80-е годы войдут в историю как время мощного подъема массового антивоенного, других демократических движений во многих капиталистических странах, трудных, напряженных стачечных боев рабочего класса. Обстановка экономического кризиса, наступление реакции, усиление военной угрозы выдвинули новые сложные задачи перед коммунистическими партиями капиталистических стран, перед всеми политическими и профессиональными организациями трудящихся.

Капиталистическое общество переживает ныне критический переломный момент своей истории. Если прогрессивным и демократическим силам не удастся помешать развитию современных тенденций империалистической политики, это приведет к социальному регрессу, деградации условий жизни миллионов людей, усилению угрозы мировой термоядерной войны. И напротив, успешная борьба против реакции и милитаризма может открыть путь к прогрессивным социальным преобразованиям и ограничению власти монополистического капитала, к упрочению дела мира.

От чего же зависит ход борьбы противоположных социально-политических сил и, следовательно, направление общественного развития, историческая динамика противоречий капитализма?

Очевидно, что эту динамику определяют как объективные экономические и социальные процессы, происходящие в капиталистическом мире, так и те, которые разворачиваются за его пределами: развитие мирового со-

циализма, стран, борющихся за экономическую и политическую независимость от империализма. Не менее очевидно то влияние, которое оказывает на нее деятельность организованных политических сил: партий, правительств, общественных движений, представляющих интересы различных классов и других социальных групп капиталистического общества. Однако, как ни важны все эти факторы, характер их воздействия на общественно-политическую жизнь зависит от того, как они отражаются в сознании и деятельности основной массы членов общества — тех сотен миллионов людей, которые являются основными участниками и действующими лицами исторического процесса. Именно историческая практика народных масс, характер их вовлеченности в общественно-политическую деятельность — иными словами, человеческий фактор определяют в конечном счете динамику общественного развития в каждый конкретный период.

«По мере расширения и углубления исторического творчества людей,— писал В. И. Ленин,— должен возрасти и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»¹. Масштабные революционные изменения нашей эпохи, естественно, повышают роль народных масс в историческом процессе. С этим непосредственно связано обострение идеологической борьбы в современном мире: она представляет собой не только столкновение противоположных теоретических концепций, но и борьбу за умы и души людей, масс. От того, куда и за кем пойдут массы, какие идеи и взгляды будут определять их *общественную практику*, зависит и соотношение различных общественных сил, и все будущее общественно-историческое развитие.

Понимание ведущих тенденций развития сознания, общественного и политического поведения масс приобретает ныне все более важное значение для уяснения про-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540.

цессов, происходящих в капиталистическом обществе, возможных последствий его современного кризиса, перспектив и путей его революционного преобразования. Этим вопросам возрастающее внимание уделяют в своей работе коммунистические партии капиталистических стран. Определяя свой курс борьбы против реакционной политики и власти монополий, за мир, демократию и социальный прогресс, коммунистический авангард трудящихся отдает себе отчет в том, насколько важно, как подчеркивал В. И. Ленин, «*трезво следить за действительным состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса... именно всей трудящейся массы (а не только ее передовых людей)*»¹.

Понять «действительное состояние» сознания масс во многих отношениях труднее, чем, скажем, уяснить смысл идеологических концепций или политики правительств и партий. Прежде всего потому, что внешние, поддающиеся наблюдению проявления этого сознания далеко не всегда ясны и отчетливы, чаще всего они изменчивы, аморфны. Идеи и взгляды, разделяемые людьми, массами, так или иначе выражают их духовный внутренний мир, а мир этот чрезвычайно сложен, нередко противоречив, в нем сочетаются самые различные запросы, стремления и представления людей, следы влияния на них различных идеологий.

Спекулируя на этих особенностях духовной жизни масс, многие школы буржуазной философии и социологии вообще отрицают наличие у них собственного сознания. Еще К. Маркс и Ф. Энгельс решительно отвергли взгляды тех, кто видел в массе «*неопределенный предмет, в силу чего она не способна ни выполнять какое-нибудь определенное действие, ни вступать в какое-нибудь определенное отношение к чему-нибудь*»². В совре-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 42.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 171.

менных условиях подобные взгляды развиваются в концепциях так называемого «массового общества», в социологических теориях, сводящих содержание истории к «круговороту социальных элит». «Большинство людей не имеет мнения,— писал, например, один из основателей теории «массового общества» — Ортега-и-Гассет.— Народ никогда не имел никаких идей; он не обладает теоретическим пониманием бытия вещей. Неприспособленность к теоретическому мышлению мешает ему принимать разумные решения и составлять правильные мнения. Поэтому мнения надо втискивать в людей под давлением извне, как смазочное масло в машину»¹. А представители так называемой франкфуртской школы (Г. Маркузе, Ю. Хабермас) утверждают, что, опираясь на систему массового потребления и массовой информации, капитализм способен осуществлять «тотальный контроль» сознания и поведения масс и потому массы не в состоянии субъективно осознать объективные классовые противоречия, свое зависимое и эксплуатируемое положение².

Подобные теории явно направлены против выводов марксистско-ленинского учения о решающей роли народных масс в истории, о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса. Марксизм-ленинизм определяет эту роль не только объективным положением и интересами трудящихся классов, но и уровнем их развития как субъекта сознания и исторического действия. Ему чужда какая-либо недооценка влияния буржуазной идеологии на трудящихся; эта идеология, писал В. И. Ленин, «стихийно всего более навязывается рабочему»³. Марксизм-ленинизм обосновал вместе с тем перспективу

¹ *Ortega y Gasset J.* Der Aufstand der Massen. Berlin, 1959, S. 140.

² *Marcuse H.* L'homme unidimensionnel. P., 1968, p. 10—11; *Ha-bermass J.* Kultur und Kritik. Frankfurt a. M., 1973, S. 70, ff.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 41.

преодоления буржуазного идеологического влияния путем развития классовой борьбы трудящихся, освоения ими социалистической идеологии, деятельности революционной партии рабочего класса. Буржуазные, реформистские и ревизионистские концепции массового сознания отрицают эту перспективу. Они служат основой для доказательства либо исторической необходимости «власти элит», отношений господства и подчинения, либо неспособности к революционному действию основной части масс. Но и в том и в другом случае ставится задача опровергнуть марксистско-ленинское учение о революционном преобразовании капиталистического общества.

Из всего сказанного очевидно: центральные проблемы общественного развития и современной идейно-теоретической борьбы неразрывно связаны с проблемами массового сознания. Исследование состояния и динамики сознания масс в условиях современной эпохи, присущих ему механизмов отражения общественной деятельности является одной из актуальных задач марксистско-ленинской мысли.

В последние годы было опубликовано немало интересных работ советских и прогрессивных зарубежных ученых по вопросам личности, психологии классов и массового общественно-политического сознания отдельных капиталистических стран. Однако в марксистском обществоведении пока не проводилось обобщенного анализа процессов, происходящих в психологии и сознании масс в рамках всего капиталистического мира. Попытку такого анализа и представляет собой настоящая книга.

В современной марксистской литературе массовое сознание рассматривается как наличное или реальное сознание больших общественных групп, общества в целом, как особый компонент (сфера) общественного сознания, отличающийся от других его компонентов тем, что оно формируется всей массой членов общества, а не пред-

ставителями специализированных видов духовно-познавательной деятельности¹.

В чем же состоит специфика массового сознания, его своеобразие, позволяющее выделить его как особую сферу или вид общественного сознания?

Когда мы говорим об общественном сознании той или иной эпохи, мы обычно имеем в виду системы представлений, которые созданы специализированной духовной деятельностью. Это вполне оправдано: ведь в идеологии и науке, в профессиональном искусстве и религиозных учениях содержание общественного сознания выражено в наиболее развитой, последовательной и обобщенной форме, полнее всего выявляющей исторический уровень его развития, выработанные им знания, идеалы, ценности. Однако содержание общественного сознания не исчерпывается всеми этими продуктами специализированной духовной деятельности: в него входят знания, представления, вырабатываемые всей массой членов общества. Так, наряду с официально исповедуемыми религиями в течение длительных исторических периодов сохраняются народные верования, наряду с профессиональной литературой и искусством — народное творчество, фольклор; развитые философские системы сосуществуют с так называемой «народной философией».

Продукты специализированного сознания, выработанные им знания и идеалы, вкусы и ценности в тех или иных формах, в той или иной мере усваиваются массами, образуют органический компонент их духовного мира. Тем не менее познавательная деятельность масс сохраняет непосредственную связь с их собственной повседневной практикой. Знания и представления, воспринятые ими из «немассовых» сфер общественного сознания, взаимодействуют с теми, которые вырабатываются самими

¹ См.: Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968, с. 169, 172.

массами в процессе их практики, являются продуктом непосредственно психического отражения действительности.

Если обыденное сознание обычно противопоставляется научному или теоретическому, как включающее лишь представления, почерпнутые из непосредственного житейского опыта людей, то массовое сознание не ограничено этими рамками; в него могут входить как научные, так и «обыденные» представления. Оно представляет собой отражение всей совокупности объективного бытия людей и объективного мира в целом.

Эта универсальность массового сознания обуславливает его чрезвычайно многосторонние, разветвленные связи с другими сферами и уровнями общественного сознания. Как отмечает Б. А. Грушин, оно обладает свойством вбирать в себя продукты всех этих сфер, черпать свое содержание из идеологии, науки, художественного творчества, обыденных «эмпирических» представлений. Это свойство позволяет рассматривать его как «суммарное выражение уровня или состояния общественного сознания той или иной эпохи, взятого в целом»¹. В этом взаимодействии различных — идеологических, научно-теоретических, психических — способов отражения объективного мира, различных источников знания, собственно, и заключается *специфика массового сознания как особого вида общественного сознания*.

Необходимость выделения массового сознания в особую категорию обусловлена тем, что оно формируется и развивается под влиянием своих собственных механизмов и закономерностей; будучи связано с другими видами общественного сознания, оно в то же время обладает по отношению к ним определенной самостоятельностью. Если не учитывать этой его самостоятельности, многие

¹ Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 61.

важные факты и явления общественной жизни останутся непонятными и непредсказуемыми.

Исследуя массовое сознание как вид сознания общественного, мы, естественно, должны опираться на методологические принципы анализа духовной жизни общества, выработанные марксистской социальной философией и социологией. Это означает, что содержание массового сознания должно быть понято в его обусловленности: типом общественных отношений и социальной структуры, интересами основных классов и других массовых социальных групп, образующих общество. Тесное переплетение массового сознания с идеологией требует выяснения идеологической и, следовательно, классовой сущности различных его типов.

Специфика массового сознания вызывает вместе с тем необходимость в исследовании присущих именно ему механизмов детерминации, формирования и развития. Эти механизмы не могут быть поняты, исходя только из общепсихологических и общесоциологических принципов анализа явлений сознания. В той мере, в какой массовое сознание формируется самими массами, его содержание совпадает с общественной психологией, является продуктом социально-психологических процессов. Оно представляет собой сферу, в которой осуществляется взаимодействие идеологии и общественной психологии. Отсюда ясна необходимость социально-психологических методов его исследования.

Субъектами и творцами массового сознания являются все члены общества — индивиды, объединенные различными групповыми, социальными связями. Конечно, и другие виды общественного сознания также творятся индивидами, однако анализируя идеологические, научные или религиозные системы, мы вправе абстрагироваться от духовной деятельности создавших их людей. Будучи пущенными в общественный оборот, эти системы приобретают надиндивидуальный характер: они стано-

вятся общим достоянием и в этом смысле являются для большинства усваивающих их людей «внешним», объективным условием их духовной жизни. Иначе обстоит дело с массовым сознанием: сферой, «пространством», в котором оно формируется и существует, является духовная жизнь людей во всем многообразии ее проявлений, взаимодействие индивидуальных сознаний, происходящее в процессе общения людей и получения ими социальной информации. В качестве его субъектов и творцов люди выступают одновременно и как индивиды, и как члены массовых, действующих в масштабах всего общества социальных общностей — в этом состоит специфическая диалектика данного вида общественного сознания.

Признание индивидов субъектом массового сознания не означает отождествления этого сознания с индивидуальным. Далеко не все содержание сознания образующих массу людей входит в сознание этой массы. В нем запечатлены лишь те знания, представления, нормы, ценности, убеждения, которые являются общими, типичными для данной совокупности индивидов. Массовое сознание отличается, следовательно, во-первых, социальной типичностью всех образующих его компонентов, во-вторых, их признание, санкционирование той или иной массовой общностью.

Двуединая — одновременно индивидуальная и групповая — природа субъекта массового сознания означает, что оно существует и проявляется на двух основных уровнях. С одной стороны, в социально обусловленных и социально типичных характеристиках сознания индивидов, в различных *социальных типах личности*, присущих определенному обществу в определенный исторический период. С другой стороны, в *сознании больших социальных групп* — классов и иных массовых общностей — в тех групповых потребностях, целях, интересах, ценностях, которые осознаны и признаны людьми, ощущающими свою принадлежность к данной группе.

Историческая определенность массового сознания, реальность его собственного содержания полнее всего проявляется именно в тех его компонентах, которые присущи социальным типам личности и социальным группам. Ведь эти типы, как и групповые общности, существующие в данном обществе, представляют собой относительно устойчивые образования; они определяют поэтому исторически конкретную структуру массового сознания.

В настоящей книге массовое сознание капиталистического общества исследуется на личностном и групповом уровнях. Такой подход, как надеется автор, позволит читателю лучше представить себе духовный облик людей, живущих в этом обществе, волнующие их заботы и проблемы. И в то же время он позволит понять ведущие тенденции сознания основных классов и других социальных групп, воздействующие на все общественное развитие в условиях современного капитализма.

В первой части книги рассматриваются типы и явления массового сознания, обусловленные капиталистическими общественными отношениями, существующие на всем протяжении истории капитализма. Во второй ее части более конкретно анализируются тенденции этого сознания в период после второй мировой войны, особенно в 70—80-х годах нашего века.

Часть первая

ЛИЧНОСТЬ И ГРУППА

В СИСТЕМЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Капитализм, как и вообще любая общественная формация, порождает определенные социальные типы личности. Совокупность этих типов образует личностную структуру общества, представляющую собой один из важнейших уровней или «разрезов» структуры массового сознания. Каковы же основные признаки, позволяющие выделять отдельные социальные типы личности? Очевидно, что ими не могут быть психические свойства людей, относительно независимые от тех общественных условий, в которых они живут (характер, темперамент и т. д.). Речь может идти в данном случае лишь о социально обусловленных и социально значимых свойствах личности — таких, которые отражают общественное положение человека и его отношение к данной общественной действительности.

Классовое положение определяет социально типичные свойства личности, но определяет неоднозначно, порождая различные типологические варианты личностных ориентаций. С другой стороны, аналогичные ориентации возникают и на основе неодинаковых условий социально-классового положения: представители различных классов и слоев нередко имеют сходные ориентации, но приходят к ним различными, классово обусловленными путями. Иными словами, в основе каждого социально-

психологического типа личности лежит определенный «набор» объективных социальных ситуаций, а каждая такая ситуация порождает многовариантный, но ограниченный создаваемыми ею рамками «набор» этих типов. Такие типы характеризуются прежде всего направленностью личности, ее *жизненной ориентацией*, в которой находят свое выражение ее отношение к окружающей действительности и к самой себе, ее потребности, мировоззрение, интересы, вся ее, так сказать, жизненная линия.

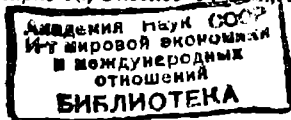
1

Двойное отчуждение

Исследование личностной структуры капиталистического (как и любого другого) общества предполагает выявление существующих в нем социально типичных жизненных ориентаций, выражаемых ими потребностей и мотивов людей. Как же воздействует капитализм, принципиальные, «сущностные» черты капиталистических отношений на мотивационную сферу личности, на жизненные ориентации людей?

По словам К. Маркса, отношения товарного производства «вместе со всеобщим отчуждением индивида от себя и от других впервые создают также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей», систему «всесторонних потребностей и универсальных потенций»¹. Маркс обращает здесь внимание на *всеобщие*, выходящие за рамки классовых границ свойства индивидуальной жизни, коренящиеся в капиталистических общественных отношениях. Марксов анализ капиталистического отчуждения, антигуманной сущности капитализма органически сочетается с выявлением принципиально

¹ Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, т. 46, ч. I, с. 101, 105.

новых качеств индивида, сформированных этим общественным строем, присущим ему типом общественной связи людей.

Как показано в трудах классиков марксизма-ленинизма, многих философских и исторических исследованиях, становление капитализма означало качественно новый этап в длительном историческом процессе *индивидуализации* человека, автономизации личности¹. «...Именно капитализм, — писал В. И. Ленин, — оторвавший личность от всех крепостных уз, поставил ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового — равной всякому другому товаровладельцу), и создал подъем чувства личности»².

Порожденное капитализмом отчуждение индивида от его социальных связей, превращение этих связей в противостоящие ему и независимые от него отношения меновой стоимости воздействуют на наиболее глубокие, в том числе подсознательные, уровни его мотивации. С одной стороны, происходит, как уже говорилось, освобождение его личностных потенций и способностей, индивидуализированные формы бытия усиливают, закаляют эти потенции: ведь отдельный человек живет теперь «на свой страх и риск», вынужден сам определить свое место в мире обезличенных общественных отношений. С другой стороны, человек — это *«индивидуальное общественное существо»*³, он не в состоянии ощущать себя полностью одиноким, изолированным от других людей, нуждается в психологических, субъективных связях с ними. Возросшее с ростом индивидуализации личное самосознание и достоинство, «чувство личности» повышает потребность в самоутверждении, но человек может самоутвердиться лишь в своих отношениях с другими людьми, в совместной с ними деятельности. Сочетание тенденций к автоно-

¹ См.: Кон И. С. Открытие «я». М., 1978, гл. II.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 434.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 119.

мии, к выделению из общности и к слиянию, к интеграции с ней вообще, очевидно, составляет одну из важнейших особенностей человеческой психики; взаимосогласование этих тенденций — одна из важнейших функций психической деятельности, источник многих специфически человеческих потребностей. Капиталистические общественные отношения значительно затрудняют такое взаимосогласование индивидуальной и социальной сторон человеческой жизни, порождают острый, антагонистический конфликт между ними.

В советской психологической литературе отмечалось, что субъект способен эмоционально переживать потребности и блага других людей и общества в целом так же, как он переживает свои собственные потребности. К этому можно было бы добавить, что данная способность, в силу социальной природы человеческого бытия, является в то же время одной из наиболее глубоких «базовых» потребностей человека — «базовых» в том смысле, что она порождает различные, более конкретные, по-разному «опредмеченные» потребности в сфере отношений с другими людьми.

Изолируя личность, превращая человеческую жизнь в «войну всех против всех», капиталистические отношения препятствуют реализации этой потребности. Освобождая внутренние потенции индивида, они в то же время придают этим потенциям односторонне гипертрофированную форму индивидуалистического присвоения, превращают индивидуализацию в индивидуализм.

Индивидуальные потенции и стремления, пробуждаемые и стимулируемые капитализмом, вместе с тем наталкиваются в своем развитии на узкие рамки человеческой деятельности, создаваемые капиталистическим отчуждением. Имманентное противоречие между возросшей автономией индивида и реальными возможностями ее проявления многократно описано в марксистской литературе. Это противоречие обострялось в ходе историче-

ского развития капитализма — гуманистический идеал свободного индивида, выдвинутый на заре капиталистической эры мыслителями Возрождения и Просвещения, выродился в условиях зрелого буржуазного общества в свободу погони за чистоганом.

Человек, включенный в капиталистические отношения, испытывает двойное отчуждение — и от самого себя, содержания и целей своей собственной деятельности, и от других людей, от общества. Питаемый капитализмом индивидуализм подавляет потребности личности в позитивных психологических связях с другими людьми, а присущий ему тип общественных связей крайне сужает, обедняет сферу проявления личностных потенций и способностей. В результате ущербными, «дефицитными» оказываются и индивидуальная, и социальная стороны психической жизни личности. К. Маркс характеризовал эту психологическую ситуацию как «полную опустошенность»¹.

Было бы, разумеется, нелепостью утверждать, что «полностью опустошенными» являются все люди, живущие в условиях капиталистического общества. Речь идет в данном случае о *тенденции*, порождаемой природой капиталистических отношений. В реальной жизни ей противостоят многообразные контртенденции, о которых речь пойдет ниже: что бы ни говорили идеологи социального пессимизма, процесс отчуждения не может полностью, абсолютно овладеть массовым сознанием, однозначно определять все реально существующие типы личности. Тем не менее он не является просто некой теоретической абстракцией: по мере развития капитализма он вполне явно, «эмпирически» доминирует в сознании и поведении многих совершенно реальных, живых людей.

В этом плане особенно показателен тип буржуазной личности, ярко воплощенный в классической художест-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 105.

венной литературе XIX—XX веков. Вспомним хотя бы диккенсовского мистера Домби. Это преуспевающийделец, у которого стремление к процветанию и престижу фирмы полностью подавляет и подчиняет все естественные человеческие чувства и мотивы. Сын дорог ему лишь как будущий компаньон и наследник, жена с аристократической внешностью — украшение вывески фирмы, дочь — нечто излишнее и раздражающее, ибо она бесполезна для «дела». Домби становится человеком, способным к любви и нежности к близким, лишь когда он терпит крах, перестает быть капиталистом.

Под влиянием исторических изменений, происходящих в капиталистическом обществе, порождаемые им социально-психологические типы в той или иной мере модифицируются. Однако основополагающие, сущностные черты буржуазного типа личности воспроизводятся самими капиталистическими общественными отношениями. Эти черты полностью сохраняют свое значение и в условиях современного капитализма. Их воздействие на общественную психологию и сознание выходит далеко за рамки класса капиталистов. Хорошо известно, что идеи и ценности господствующего класса занимают господствующее, доминирующее место в общественном сознании. Масштабы и устойчивость этого духовного господства определяются конкретными историческими условиями — ходом идеологической борьбы, соотношением классовых сил. Однако во всех классах и слоях буржуазного общества всегда в той или иной мере проявляются личностные и групповые ориентации, тяготеющие к системе мотивов, норм, ценностей буржуазного сознания. Именно поэтому очень важно поближе присмотреться к психологическим механизмам, формирующим такие ориентации, обеспечивающим их функционирование, определяющим меру и факторы их внутренней устойчивости.

Семья у голубого бассейна

В сборнике интервью американского публициста Стадса Теркла представлен бизнесмен, который мог бы служить хрестоматийным образцом американца, «сделавшего самого себя». Это Уорд Квал — президент крупной радиовещательной корпорации. Квал родился в бедной семье, работал шофером, диктором, вел спортивную хронику в газете. «Я не хотел, — рассказывает он, — навсегда оставаться диктором. Я всегда чувствовал, что, если имеешь какую-либо способность, стремись к первому месту. Это все, что меня интересует... Конечно, я был вторым вице-президентом, первым вице-президентом, исполнительным вице-президентом. Но я имел только одну цель в жизни — стать президентом».

«Первое место» — это вербализованное значение, символ такой направленности потребностей, смысл которой — процесс осуществления власти. Данное значение психологически более приемлемо для американского бизнесмена, чем прямая ориентация на власть, ибо оно больше соответствует вошедшей в буржуазное общественное сознание «этике достижений», ценности индивидуального успеха. Поэтому Квал выталкивает из сознания подлинное содержание своих мотивов («я никогда не имел желания царствовать»). Но это содержание все равно дает себя знать: уже достигнув предела карьеры, Квал не испытывает кризиса жизненных целей — «я работаю семь дней в неделю, и я люблю это» (он работает даже в машине, когда едет в свой офис). Но любит он в действительности именно деятельность, в которой реализуется его власть над другими людьми («я — капитан, подающий сигналы... мои люди функционируют как сплоченная команда») ¹.

Тип личности, представленный Квалом, можно счи-

¹ Terkel S. Working. N. Y., 1974, p. 390—393.

тать своего рода идеальным продуктом капиталистической индивидуализации. Для этого типа характерны максимальная индивидуальная активность и вместе с тем безраздельная концентрация ее на интересах «дела», высшая цель которого не зависит от личных мотивов капиталиста, а определяется законом наращивания прибыли. Без таких квалов было бы невозможно становление и развитие капитализма как общественной формации. Но при всей своей целостности и целеустремленности этот тип личности таит в себе самом зародыши собственного разложения. Подчинение всех разнообразных потенций индивида, всего «человеческого богатства» гонке за прибылью требует подавления множества естественных человеческих задатков и мотивов, питает тем самым крайнюю форму отчуждения, сплошь и рядом непереносимую для личности. Исторически развитие капитализма ведет ко все более широкому распространению порождаемых им норм бытия личности и вместе с тем, ужесточая условия конкуренции, делает все более трудным «идеальное» соблюдение этих норм. В результате на базе и в пределах буржуазного образа жизни складываются типы мотивации и поведения, знаменующие собой распад «классической» модели буржуазной индивидуальности.

Разобраться в этих процессах нам поможет одна семейная история, привлекавшая в начале 70-х годов внимание американских журналистов и социологов. Семья Лаудов стала известной в Соединенных Штатах благодаря многосерийному телевизионному фильму. Режиссер хотел «снимать в течение долгого времени среднюю американскую семью», чтобы «показать их поведение и систему ценностей». На деле получилось так, что во время съемок — и, очевидно, под их влиянием — в жизни семьи произошли драматические события, вскрывшие подлинное содержание семейных отношений, психологии и поведения каждого из Лаудов. О них подробно рассказано

в очерке американской писательницы А. Ройфи, дающем ценный материал для социально-психологического анализа всей этой истории¹.

Начнем со старших Лаудов. Билл — 50-летний калифорнийский бизнесмен (фирма по продаже запчастей к горнодобывающим машинам) — «крупный привлекательный мужчина с открытой, теплой, рекламной улыбкой». Его жена Пат (45 лет) — «красивая, хорошо и модно одетая женщина. Она окончила колледж, но ее разум и душа спят», — пишет А. Ройфи. Интерес ее жизни — соответствовать социальному стандарту благополучия, процветания, приличия, внешнего обаяния. Других интересов нет. «Пат не вяжет, не шьет, не выращивает хризантем, не рисует, не читает, не ходит в кино». Так же построена жизнь всей семьи: «Высший признак ее духовной активности — звуки рок-музыки. Они ничем не увлекаются, ничем не интересуются... Когда Лауды дома, они проводят время, бездумно лежа вокруг голубого бассейна во внутреннем дворике дома — вокруг бассейна, который стал символом американского благосостояния». Их ценностная ориентация: «Лауды превыше всего ценят удачу, успех, но их не заботит то, каким способом человек успеха добился».

У Билла Лауда — постоянные связи «на стороне». Пат уже пять лет знает об изменах мужа, но, испытывая глубокую депрессию, живет по-старому. Лишь когда Лаудов начинают снимать для телевидения, Пат внезапно решается на развод. Почему именно в этот момент? «Камера, — замечает А. Ройфи, — неожиданно послужила катализатором взрыва, который обнажил все, что до того было скрыто, запрятано глубоко-глубоко». Взрыв произошел потому, что съемки вынуждали играть привычную роль лучше, правдоподобнее, чем в отсутствии посторонних глаз, полнее вжиться в нее. А это сделало

¹ Русский перевод очерка см.: Ровесник, 1979, № 12.

противоречие между видимостью и реальными отношениями невыносимым.

Что делает психологически возможной такую жизнь, какую ведет чета Лаудов и какую она продолжала бы вести, не став случайно объектом телевизионной съемки? Как организуется система их мотивов, в чем проявляется личность обоих супругов? Как определить направленность, иерархию их потребностей? Чтобы разобраться в этих вопросах, мы должны обратиться к некоторым проблемам и понятиям психологической теории.

* * *

Наиболее глубоким уровнем или «звеном» процесса мотивации являются, как считают многие психологи, состояния неудовлетворенности, ощущения недостатка, выступающие как стимул поиска, осознания предмета потребности, способного снять психическую напряженность¹. Такого рода «потребностные состояния» представляют собой «внутренний» источник процесса мотивации личности, движущую силу осознания, «опредмечивания» потребностей.

Существует немало психологических теорий, описывающих «внутреннюю» мотивацию как биологическую, а «внешнюю», социально обусловленную как «оформление» врожденных биологических импульсов. В действительности внутренние стимулы не сводимы ни к первичным жизненным потребностям (в пище, тепле, продолжении рода и т. д.), ни к врожденным способностям и задаткам. Наряду с потребностями физического существования в них проявляется вся совокупность «сущностных сил» личности, то есть ее задатков и способностей, не просто запечатленных в генетическом коде, но развитых условиями и обстоятельствами ее предшествующей дея-

¹ См.: Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М., 1971, с. 2—6.

тельности. Понятно, что эти условия и обстоятельства коренятся в объективной социальной ситуации человека и ее динамике: в частности, в характере его первичной социализации, воспитания, способах и содержании выполнявшихся им видов деятельности, развивших те или иные его склонности и способности. Как отмечалось выше, важным психическим источником напряженного, «потребностного» состояния психики является необходимость регулирования взаимоотношения между индивидуальной автономией и поддержанием связей с социальной общностью. Совокупность этих «внутренних» (интрапсихических) факторов создает предпосылки направленности, определяет в общих чертах те процессы и виды деятельности, которые способны приносить человеку максимальное удовлетворение. В соответствии с теорией установки Д. Н. Узнадзе, эти предпосылки можно определить как «первичную установку», представляющую собой «направленность поисковой активности на предмет потребностей»¹.

Если первичная установка определяет общее направление поиска, то его результаты, предметное содержание потребностей выражаются в формировании фиксированных установок. Фиксированные установки возникают вследствие столкновения потребностей, ищущих свои предметы, с ситуациями, в которых эти потребности удовлетворяются, они закрепляют в психике готовность к определенному способу удовлетворения потребностей. Преобразование потребностей в определенный устойчивый мотив личности происходит именно в форме фиксированной установки; система фиксированных социальных установок выполняет роль потребностей.

В приведенном определении фиксированные установки совершенно закономерно названы социальными. Лю-

¹ Асмолов А. Г., Ковальчук М. А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии.— В кн.: Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977, с. 155.

бой мотив, чтобы приобрести устойчивость, реально регулировать, направлять деятельность личности, должен быть *осознан*, войти в сознание человека в виде определенных значений — целей, ценностей, образов желательного будущего. А такие значения не могут быть выработаны человеком индивидуально — они представляют собой продукт общества, общественного сознания.

Возникает при этом вопрос: как именно в процессе формирования мотивации взаимодействуют внутренние личностные стимулы с продуктами общественного сознания? Это, вероятно, один из самых трудных вопросов наук о человеке. Теоретические представления, наиболее распространенные в современной буржуазной литературе, решают его упрощенно, односторонне. Так, с точки зрения структурно-функциональной социологии и культурной антропологии личность усваивает (интериоризирует) социальные нормы и ценности; фрейдистская психология противопоставляет естественные биологические потребности человека подавляющему и репрессирующему их воздействию общественных норм. В сущности все эти подходы игнорируют роль *собственной психической активности личности* в выработке ею *социально значимых* мотивов. С одной стороны, личность с ее собственными импульсами и мотивационными ориентациями, с другой — «система», общество с его требованиями, ожиданиями, нормами. Почему же требования и нормы других людей интериоризируются личностью, становятся для нее «своими»? Само понятие интериоризации лишь констатирует, но не объясняет этот процесс.

Не объясняет его и широко применяемая в современной социологии концепция социальных ролей, ролевого поведения личности. Бесспорно, роли, выполняемые человеком в процессе его деятельности, — важное звено социальной детерминации мотивов. Через психологическое усвоение той или другой из ролей, заданных его социальным положением, человек конкретизирует свои потреб-

ности, приучается сосредоточивать их на определенном виде деятельности, выполнять нормы, социальные требования, диктуемые ролью. Однако, как справедливо подчеркивается в марксистских исследованиях, неправомерна абсолютизация ролевого подхода¹: в лучшем случае он раскрывает процесс приспособления мотивов к заданным условиям деятельности, но не источники и механизмы собственной активности личности в формировании своих мотивов. Ролевой подход оставляет без ответа вопросы о том, почему личность из ряда видов и целей деятельности выбирает в качестве реализатора своих потребностей одни и пренебрегает другими, почему ее мотивы способны не только приспособливаться к объективным условиям, но и устремляться к преобразованию этих условий.

Путь к решению проблемы намечает, на наш взгляд, концепция личностного смысла деятельности, разрабатываемая в советской психологии². Она исходит из представления, что в психике личности взаимодействуют сфера «значений-понятий» — обобщенные образы действия, нормы, ценности — и сфера личностных смыслов. В значениях-понятиях отражены знания человека об окружающей действительности, в смысловой сфере личности — его субъективное отношение к этой действительности. Обе сферы формируют мотивы: мотив может быть усвоен человеком из доступных ему значений-понятий (знаков), осознан им в качестве необходимого и может быть «мотивом для себя», выражающим личностный смысл его деятельности. Мотив-значение и личностный смысл могут в той или иной мере совпадать или расходиться. В обоих случаях они принимают форму установки, при-

¹ См., напр.: Социальная психология. Л., 1979, с. 83, 84.

² См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977; Асмолов А. Г., Братусь Б. С., Зейгарник Б. В. О некоторых перспективах смысловых образований личности. — Вопросы психологии, 1979, № 4.

чем если в сознаваемом мотиве ведущую роль играет знание («когнитивная образующая» установки), то личностный смысл часто остается неосознанным, и установка имеет тогда бессознательный, аффективный характер.

Очевидно, чем полнее совпадает мотив, осознанный, воспринятый личностью из «резервуара» социальных знаний и ценностей, с мотивом — внутренним побуждением, с личностным смыслом, тем более велика мотивирующая сила соответствующей установки, ее влияние на реальное поведение. Личностным смыслом обладают те мотивы человека, те направляемые ими действия, в которых он может выразить свою индивидуальность, совокупность своих собственных способностей и потребностей, развитых его жизнью в обществе.

Есть ли «личностный смысл» в жизни Лаудов? С Биллом тут, казалось бы, все ясно. Сфера приложения его личных способностей, индивидуальной автономии, инициативы — бизнес, частное предпринимательство. Предпринимательская деятельность для буржуа — это обычно не нечто вынужденное, а ощущаемое субъективно как проявление его личной свободы, как главная потребность. Процесс этой деятельности и удовлетворяет и воспроизводит потребность в ней, является ее внутренним источником. В то же время данная потребность подкрепляется социально — всей системой ценностей буржуазного образа жизни, альфа и омега которой деньги, индивидуальный деловой «успех». Стало быть, в психологии процветающего бизнесмена должно достигаться идеальное слияние внешних и внутренних мотивов, общепризнанных значений-понятий и личностного смысла.

Должно, но достигается ли? Мы не знаем, насколько в действительности Билл Лауд увлечен своим бизнесом, но нам известно, что в частной жизни он совсем не следует буржуазной морали, предполагающей прочные семейные связи, соблюдение приличий, необходимое для престижа и процветания дела. Еще менее очевидны соб-

ственные «внутренние» потребности его жены Пат: она ведь сама не занимается ни бизнесом, ни вообще чем бы то ни было определенным. Сопоставляя известные нам факты, мы замечаем: к Лаудам трудно применить психологические категории, характеризующие мотивацию как *процесс*. Где у них «потребностные состояния», «психические напряжения», «поисковое поведение»? Ослаблена собственная мотивационная активность личности; в сущности, Лаудов ничего глубоко не волнует, не интересует, а если и волнует (переживания Пат из-за неверности мужа), то глубоко прячется, подавляется.

Лауды, пишет А. Ройфи, «не способны и не хотят думать... В этой семье вообще не существует понятий добра и зла... Они похожи на неандертальцев». Оно и понятно: ведь и мысль, и моральное чувство порождаются потребностью решить проблемы своих отношений с миром, а у Лаудов эти проблемы решены раз и навсегда.

Под властью стандарта

В процессе своего становления любая личность вынуждена осуществлять отбор и взаимное соподчинение, «систематизацию» многообразных переживаемых ею психических стимулов, как «внутренних», так и «внешних», создаваемых объективными условиями жизнедеятельности и влиянием социальной среды. Такой отбор необходим, чтобы придать минимальную устойчивость, определенность психической жизни личности и ее поведению, его задача — выработка некоего единого принципа саморегулирования мотивов: он может быть назван *мотивационной стратегией*. Мотивационная стратегия — это еще не направленность. Она лишь необходимая предпосылка жизненной ориентации, орудие, служащее ее выработке и реализации.

Мотивационную стратегию Лаудов можно определить

как *стратегию стандартизации*. Ее суть — в максимальном приспособлении мотивов и всех видов деятельности к заданным социальным ролям, в данном случае к ролевым нормам процветающего бизнесмена, отца и матери благополучного семейства, «стопроцентного американца», к классовым ценностям успеха и благополучия. Те же ролевые нормы («маски», по выражению А. Ройфи) пронизывают их поведение в сфере семейных отношений и общения. Билл Лауд играет роль, когда после разрыва с женой пишет сыну: «Твоя мать — единственный человек, которого я люблю всем сердцем». Пат тоже играет роль, когда после развода она убеждает всех, что у нее полностью сохранились бодрость и оптимизм; принятая роль требует именно такого «благополучного» мироощущения. Похоже, ролевой подход, который мы только что оценили как слишком узкий, неадекватный, *в данном случае* оказывается в основном достаточным. Не случайно модель «ролевого человека» рождена именно американской социальной психологией.

Объективной основой стратегии стандартизации выступает в данном случае социальная ситуация преуспевающего буржуа. Однако в буржуазном обществе имеется немало других ситуаций, порождающих эту стратегию, превращающих ее в одну из наиболее типичных. Именно поэтому она заслуживает достаточно обстоятельного анализа.

Почему и как становится возможным такой тип психологии личности? Глубочайшая его основа — индивидуализм: положение и деятельность личности в системе капиталистических отношений обуславливает одностороннее, гипертрофированное развитие «потребностей для себя»; «потребности для других» подавляются в зародыше, атрофируются. Стандартизация — способ «заместить» эти потребности.

Психологической наукой доказано, что реальность любой потребности проявляется в ее эмоциональном пе-

реживании; эмоция — «сигнализатор» потребности¹. Отрицательные эмоции — ощущения недостатка, беспокойства — отражают неудовлетворенную потребность; положительные — чувство удовольствия — процесс ее удовлетворения. Более или менее повторяющийся, ставший привычным процесс удовлетворения отражается в эмоционально-нейтральном состоянии человека².

Именно к такой эмоциональной нейтральности, самозащищенности тяготеет психика Лаудов. Как же эта душевная спячка, индифферентность сочетается с дефицитом социальных мотивов — потребностей в психологической связи с другими, органически присущими — повторим это еще раз — социальной природе человека? Дело, очевидно, в том, что такого рода потребности могут быть действительными «потребностями для других», и тогда потребности и интересы этих других — конкретных людей или социальной общности — переживаются субъектом как свои собственные, наполняются для него личностным смыслом. Если же такое переживание отсутствует, связь с другими может осуществляться чисто демонстративно, символически — в автоматическом следовании нормам, стандартам поведения, принятым в данной общности, в выполнении предписываемых ею ролевых ожиданий. В таком поведении нет личностного смысла, а потому нет эмоционального переживания: человек просто демонстрирует самому себе и другим людям свою общность с ними. Таков механизм стандартизации, соответствующего ей ролевого поведения.

Для индивидуалистической личности, объективно и субъективно противостоящей другим людям, стандартизация — лишь превентивное символическое средство избежать полной, психически непереносимой изоляции.

¹ См.: Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М., 1975, с. 26.

² См.: Магун В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности. Л., 1983, с. 22—26.

Парадоксальное следствие такой стратегии состоит в том, что индивидуализм сочетается с утратой индивидуальности, потребности «для себя» доминируют в мотивации, но проявляются лишь в стандартных, социально предписанных формах.

Стратегия стандартизации глубоко ущербна, и это сказывается в поведении принявшей ее личности. Стиснутая стандартизированными мотивами индивидуальность требует своего выявления. Билл Лауд выявляет ее в сексе, в супружеских изменах. «В этом мире,— замечает А. Ройфи,— мужчины нуждаются в алкоголе и жепщинах, чтобы защититься от мыслей». Можно сказать точнее: мысль для Лаудов недоступна, а порожденная обезличиванием неосознаваемая внутренняя неудовлетворенность находит простейший выход — анестезию в чувственном удовольствии. Оно становится средством, подкрепляющим стратегию стандартизации.

Соединение нормативного поведения с примитивным биологическим самоуслаждением вообще органически присуще буржуазной личности, буржуазному образу жизни и культуре. С одной стороны, законы погони за прибылью требуют от капиталиста максимальной концентрации на интересах «дела», подчинения им всех других побуждений, самодисциплины и самоограничения. С другой стороны, капиталистический бизнес, как отмечает американский социолог Д. Белл, «своей продукцией и рекламой... стимулирует удовольствия, сиюминутные радости, расслабление и психологическое освобождение. Надо быть собранным днем и раскованным ночью»¹.

В психологическом смысле подобные «расслабление и освобождение» формируют особый тип мотивационной стратегии, которую можно назвать *стратегией ситуации*.

¹ Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N. Y., 1976, p. 71—72.

онных разрядок. Такого рода разрядки, вообще говоря, присутствуют в той или иной мере в жизни любого человека и, локализуясь в сфере досуга, выступают в качестве необходимого дополнения к другим, доминирующим видам деятельности. Подобный Биллу Лауду «ролевой человек» с подавленными интеллектуальными, этическими, эстетическими потребностями способен «разряжаться» лишь самым примитивным, чувственно-биологическим способом.

В рамках буржуазного образа жизни стратегия ситуационных разрядок может приобретать и ведущее, доминирующее значение в мотивационной структуре личности. В этом отношении показателен пример младших Лаудов. 17-летний Грант ненавидит школу и не хочет работать. «Он никак не поймет, почему он должен работать: ведь у него и так есть все, что можно купить за деньги!» Типичная история в современной буржуазной семье, как и в обществе в целом: комфорт, бездумное удовольствие — не просто элемент образа жизни, но и одна из высших ценностей. Ее соединение с ценностями бизнеса, делового успеха, расслабленности — с собранностью противоречиво. Становящаяся личность не всегда способна сразу вобрать этот ценностный гибрид, тем более что детский и подростковый опыт избалованных детей больше приучает к удовольствиям, да и вообще расслабляться в этой обстановке куда легче, чем укреплять волю. Отсюда трудности буржуазных «деловых» отцов со своими бездельными сыновьями.

Случай старшего сына, 20-летнего Лэнса, сложнее, драматичнее. Он живет в Нью-Йорке «в мире пьяниц, наркоманов, торговцев наркотиками». Сам тоже то ли алкоголик, то ли наркоман. Вечно требует денег у родителей. По рассказу А. Ройфи, Лэнс сообщает телезрителям, что он хотел бы быть персонажем из детской книжки, «вечным игривым ребенком, который никого не любит, ничего не делает, ничем никому не обязан и никогда

не вырастает во взрослого — в того, кто позволяет себе горечь любви, работы, забот».

Перед нами образец мотивационной стратегии, суть которой в возбуждении и удовлетворении сиюминутных ситуационных потребностей, не связанных никаким общим ценностным, смыслообразующим принципом, никакой общей целью, кроме принципа чувственного удовольствия. Соответствующее ей сознание и поведение характеризуется в социологической литературе оторванностью личности от моральных корней, подчиненностью параноидным, эмоциональным, не связанным между собой порывам и влечениям, отсутствием логики поведения и ответственности перед кем бы то ни было, иррациональностью поступков.

Известный специалист по социологии досуга Ж. Дюмазедье, исследуя тенденцию превращения досуга из только компенсирующей (по отношению к труду) в «генерализирующую», самодовлеющую активность, выдвигая «развлекающегося человека» в центр современного капиталистического общества, отмечает, что в результате происходит кардинальная десоциализация индивида, его все более полный разрыв с обществом¹. Такая ситуация социального одиночества чревата психической и поведенческой неустойчивостью, тяжелыми стрессами и аномалиями.

Возвращаясь к Лэнсу Лауду, отметим, что он — порождение своей семейной и социальной среды. Становление личности — период обострения напряженности психики, поиска способов самоутверждения. Лэнс, которого уже в раннем детстве отличала особая индивидуальная активность (слишком высокая, по мнению психиатров), видимо, вел этот поиск особенно интенсивно. Обезличивающие стандарты семьи не могли удовлетворить пробудившуюся индивидуальность, а бездуховная

¹ Dumazedier J. Sociologie empirique du loisir. P., 1974, p. 61.

и антиинтеллектуальная атмосфера окружающей среды определяла бедность альтернатив. В результате — бегство в гедонистский индивидуализм. Ситуация достаточно типичная в процессе социализации детей «среднего класса».

Агрессивные «лидеры» и потребители наслаждений

На примере семьи Лаудов мы познакомились с одним из наиболее распространенных типов буржуазной личности. Мы увидели также действие «ферментов», разлагающих этот тип изнутри: далеко не каждая личность способна безболезненно воспроизводить опустошающую ее стратегию стандартизации, целиком вписываться в роль, которая задается ей буржуазным образом жизни. Однако в рамках общей классовой ситуации буржуа-предпринимателя данный тип является далеко не единственно возможным.

Например, описанный выше крупный предприниматель Квал дает нам образчик мотивационной стратегии, которую можно определить как *стратегия лидерства*. Применяющая ее личность не просто следует пассивно нормам своей социальной роли, но активно использует свои отношения с другими как сферу собственного самутверждения, «опредмечивания» своих потребностей, реализации личностного смысла. Стремление к власти, влиянию, престижу организует и регулирует ее мотивацию и волю, осуществление власти переживается эмоционально, как дающее максимальное удовлетворение.

Различные мотивационные стратегии капиталиста могут корениться как в особенностях индивидуальной психологии, так и в объективных условиях его предпринимательской деятельности. Например, положение наследника семейного дела, уже в начале своего жизненного пути обладающего прочным положением в мире

бизнеса, не всегда требует волевых и мотивационных качеств, необходимых бизнесмену, который «выбивается в люди» (в качестве основателя собственного дела или управляющего, делающего карьеру в крупной корпорации). Если капиталист сам руководит производством и коммерческой политикой своей компании, в его деятельности могут присутствовать какие-то творческие элементы, а это позволяет ему в той или иной мере использовать еще одну мотивационную стратегию — *самовыражение в созидательной деятельности*. Один из бизнесменов, опрошенных Ст. Терклом, говорил ему, что бизнес для него — это прежде всего инженерное искусство. «Я не инженер, но у меня есть идея, и я отчасти совершенствую машины... Мы делаем эти разнокалиберные вещи не для того, чтобы получить финансовое вознаграждение. Я получаю личное удовлетворение, когда вижу, как эта железная штука делает определенную работу... Мое «я» в этом»¹.

Каковы бы ни были эти индивидуальные особенности мотивационных процессов, все они в конечном счете обслуживают ведущую жизненную ориентацию буржуазной личности — *ориентацию предпринимательскую*. Прорывание «дела», наращивание прибыли — это неизбежно и ведущая осознанная цель, и «образ желательного будущего» капиталиста. Поскольку этот ведущий мотив в общем и целом задан объективной социальной ситуацией буржуа, самоочевидными целями предпринимательской деятельности, функция социальных знаний как источника мотивов, как средства осознания потребностей крайне сужается. Она сводится, во-первых, к чисто «прагматической» информации, необходимой буржуа для успеха в конкурентной борьбе и отстаивания своих классовых интересов; во-вторых, к идеологически ценностному оправданию (легитимизации) буржуазного образа жизни и, наконец, в-третьих, к нормативным стандар-

¹ Terkel St. Op. cit., p. 394, 396.

там — «правилам», позволяющим ему (как мы видели это на примере Лаудов) «вписываться» в определенную систему социальных связей.

Если для становящейся буржуазной личности, стремившейся освободиться от феодальной зависимости и сословного неравноправия, было крайне важно понять, как человек может воздействовать на общественную действительность, то победивший капитализм снимает для нее эту проблему. Не только потому, что буржуазия больше не заинтересована в изменении существующих порядков, но и по причинам познавательного характера: как показал К. Маркс, господство товарного производства мистифицирует общественные отношения между людьми; эти отношения принимают «в их глазах фантастическую форму отношения между вещами»¹. Стихийные силы рынка, определяющие судьбы отдельных личностей, отражаются в буржуазном сознании как «надчеловеческие»; товаропроизводитель противопоставляет им свою индивидуальную энергию, предприимчивость и деловую сметку, но он знает, что не в состоянии контролировать эти силы, сознательно направлять их действие. Общественная действительность остается для него сферой непознаваемого.

Таким образом, и объективная ситуация буржуазной личности, и особенности ее мотивационной структуры значительно снижают уровень ее интеллектуальных и познавательных потребностей.

Буржуазный индивидуализм порождает различные типы личности — агрессивного стяжателя-лидера, стандартизированного конформиста, гедониста, — но во всех случаях он духовно обедняет личность, сужает ее интеллектуальные и культурные горизонты.

Распространяясь далеко за пределы собственно буржуазного класса, индивидуализм, основанные на нем мо-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.

тивационные стратегии и ориентации выступают как один из важнейших базисных компонентов массового сознания капиталистического общества.

2

Ориентация на выживание

Личностная структура капиталистического общества формируется на основе присущих ему процессов классовой дифференциации. В условиях развитого монополистического капитализма большинство населения капиталистических стран принадлежит по своему объективному классовому положению к пролетариату или испытывает процесс пролетаризации. Что же касается различных социальных слоев, занимающих промежуточное положение между буржуазией и рабочим классом (мелкие городские и сельские производители, интеллигенция, часть служащих и т. д.), то они чем дальше, тем больше становятся зависимыми от крупного капитала и буржуазного государства, подвергаются в той или иной мере капиталистической эксплуатации. Отношения эксплуатации и социальной зависимости от господствующих классов определяют, таким образом, положение основной массы трудящихся капиталистических стран. Многие весьма распространенные типы личностных мотивов и ориентаций представляют собой психологический продукт этих отношений.

В капиталистическом обществе та или иная часть трудящихся — и прежде всего пролетарские слои — живет в условиях жестоких материальных лишений, непосредственно испытывает голод и нищету или постоянно ощущает их угрозу. Такая ситуация, вопреки утверждениям апологетов капитализма, отнюдь не только продукт ранних фаз капиталистической индустриализации. Конечно,

бедность современного пролетария отличается от бедности рабочего начала или середины XIX века: изменение общественно необходимого стандарта потребления меняет и конкретные параметры достатка и бедности, формы проявления нищеты. Современная рабочая семья может жить в квартире с удобствами и телевизором, но не иметь средств на нормальное питание или же окататься на улице, не имея возможности выплатить повысившуюся квартплату. Материальная бедность оставалась уделом широких слоев трудящихся даже в период высоких темпов экономического роста, достигнутых капитализмом в 50—60-х годах XX века; ее масштабы резко возросли в условиях кризисов 70—80-х годов, роста безработицы и дороговизны. Необеспеченность материального положения трудящихся — рабочих, служащих мелких «самостоятельных» производителей — выражается, однако, не только в явной бедности. Даже обладая прожиточным минимумом и «нормальным» потребительским стандартом, многие из них живут под угрозой утраты этого стандарта, вынуждены постоянно бороться за его сохранение.

Подобная объективная ситуация часто сосредоточивает мотивы личности на элементарных потребностях физического существования (в их исторически обусловленных, общественно необходимых формах), укрепляет у нее жизненную ориентацию, которая выражается в установках типа «прожить как-нибудь», «остаться на поверхности», «сохранить то, что есть». Ее правомерно назвать *«ориентацией на выживание»*.

Один из рабочих-автомобилестроителей, опрошенный английским социологом Г. Бейноном, так описал свое отношение к жизни: «Я просто приспособился к этому. Все зависит от обстоятельств. Я женат и должен платить за дом по закладной... Я просто закрываю глаза и терплю. Я думаю о детях и о следующей премии, которую должен получить. Так и все остальные. Эта работа ужас

на, но ее нужно выполнять. Что можно поделать?»¹. Эмпирические исследования, посвященные рабочей молодежи, показывают, что такой тип мировосприятия складывается у многих еще на относительно ранних стадиях жизненного цикла. Так, большинство молодых англичан — выходцев из низкооплачиваемых слоев рабочего класса — еще в школьные годы убеждаются в невозможности добиться чего-либо в жизни и не строят никаких планов на будущее. Они бросают учиться и берутся за любую неквалифицированную работу. Их главный интерес в жизни — развлечения, общение со сверстниками, уличные «банды»². Этот «молодежный образ жизни» взаимосвязан с подчиненностью жизненным обстоятельствам, пассивностью и фатализмом: зная, что в будущем его не ждет ничего, кроме борьбы за выживание, молодой человек стремится получить «сейчас и здесь» свою долю «свободы», которой он лишится, войдя во «взрослую» жизнь.

У взрослых, семейных людей ориентация на выживание часто сливается с *ориентацией на семью*. Такому типу направленности личности соответствует мотивационная стратегия, которую можно назвать «приспособлением к возможному». Суть ее состоит в смещении различных духовных и морально-этических потребностей на потребности физического существования: удовлетворение последних становится способом самовыражения личности — она утверждает себя в деятельности, смысл и цель которой — «остаться на поверхности», прокормить себя и семью. Если эту стратегию укрепляют семейные роли (отца и мужа, матери и жены), она способна выражать интенсивно переживаемые личностью потребности «других» — близких людей, тогда она тесно переплетается с иной, альтруистической стратегией («жизнь для дру-

¹ *Beynon H. Living with Capitalism. Class Relations and the Modern Factory. L., 1977, p. 113.*

² *Ashton D. N., Field D. Young Workers. L., 1976, p. 51—53.*

гих»). Семейные отношения, любовь и долг к близким людям очень часто являются главным, а то и единственным источником положительных эмоциональных переживаний, радости и удовлетворения для тех, кто придерживается ориентации на выживание, и семья как ценность нередко образует подлинный психологический смысл этой ориентации.

Понятно, что подобные системы мотивов обусловлены материальной необеспеченностью, узостью жизненных возможностей широких слоев эксплуатируемых трудящихся. В более «благополучных» объективных ситуациях устремления личности часто выходят за пределы сохранения статус-кво, выражаются в более или менее долгосрочных жизненных планах. Среди наемных работников, обладающих относительно обеспеченным материальным и профессиональным положением, особенно служащих, специалистов, чиновников и т. д., широко распространена *ориентация на социальное продвижение, на карьеру* в рамках фирмы или государственного учреждения, а также как бы проецируемая в будущее предпринимательская ориентация — стремление обзавестись собственным «делом». Вместе с тем в психологии людей, принявших такие ориентации, нередко обнаруживаются существенные черты сходства с теми, кто вынужден ориентироваться на элементарное «выживание». Одной из таких черт, неоднократно отмечавшихся в социологической и социально-психологической литературе, является отчуждение личности от *внутреннего содержания* своей собственной деятельности: человек ориентирован на определенные цели не «изнутри», не своими собственными внутренними побуждениями и склонностями, а «извне» — нормами своей социальной среды. Поэтому принятая им ориентация не дает ему подлинного удовлетворения, за высоким уровнем притязаний на деле скрывается все та же стратегия приспособления, пусть не к материальной, но все равно к внешней, социальной необходимости.

...Во Французском институте общественного мнения мне показали как-то несколько так называемых «автобиографий будущего» — сочинений, в которых молодые люди 20—23 лет рассказывали, как они представляют свою жизнь в ближайшие 50 лет. Один из них — учащийся технического училища — мечтал стать техником, потом инженером, исследователем в области электроники. Подробные планы семейной жизни (вплоть до замужества будущей дочери!), покупки машины, загородного дома, интересных отпусков. Свою карьеру он рассчитывает завершить начальником цеха на крупном заводе. И далее следует такая фраза: «Этой работы трудно добиться, но выполнять ее скучно». А потом он пишет об усталости от жизни и о пенсии в 55 лет... Итак, скука, опустошенность как итог многолетней гонки за карьерой, скука, «запланированная» в 20 лет!

Конечно, у подобных молодых людей представления о собственном будущем совсем иные, чем у рабочего, знающего, что он всю жизнь будет в поте лица работать ради куска хлеба. Но и для них то, чем они собираются заниматься всю жизнь, нечто чуждое, «должное»; источник самоутверждения личности — не ее собственная деятельность, а социальное вознаграждение — статусы, карьера, создающие материальную базу счастливой семейной жизни.

При всем многообразии конкретных форм капиталистического отчуждения личности они имеют общую социальную и психологическую природу. Ощущая свою трудовую деятельность как нечто вынужденное, «предписанное» извне, человек соответственно и относится к ней: стихийно или сознательно отделяет ее от сферы своих *собственных* потребностей — семьи, потребления, досуга, воспринимает труд лишь как орудие, средство удовлетворения этих потребностей. Поэтому на самых разных «этажах» социальной структуры воспроизводятся сходные системы мотивации личности, отражающие прису-

щий капитализму тип взаимоотношений индивида и общества. Даже стремясь добиться «успеха», продвигаясь по лестнице рангов и статусов, человек, в сущности, *приспособливает* свои мотивы к заданной социальной роли, к вписанной в нее схеме «успеха»-вознаграждения.

Принципиально иные системы мотивации возникают в тех случаях, когда человек обладает объективными и субъективными возможностями противопоставить отчуждающему воздействию социальной зависимости творчески-созидательное отношение к своему труду. Мотивационная стратегия, выражающая такое отношение, нацелена на самовыражение в созидательной деятельности — труд становится центральной сферой потребностей и интересов личности, мобилизующей и активизирующей ее потенции. Понятно, что необходимой предпосылкой такой *творчески-трудо*вой жизненной ориентации является доступность труда, в содержании которого творческий элемент преобладает над стандартизированными, рутинными функциями. Таков труд многих квалифицированных рабочих, представителей научной, технической, преподавательской, художественной интеллигенции.

Творчески-содержательный труд сам по себе, разумеется, еще не формирует психологическую вовлеченность человека в трудовую деятельность: для этого необходима также и соответствующая внутренняя установка личности, направленность ее интересов и потребностей. Чтобы принять творчески-трудо

вую ориентацию, человек должен преодолеть мощное влияние противостоящих ей денежно-карьерных норм и ценностей. А сделать это ему удастся далеко не всегда, даже если содержание его труда дает ему такие возможности.

В целом жизненные ориентации, основанные на психологическом приспособлении личности к отношениям эксплуатации, отчуждения, социальной зависимости, невозможно объяснить исключительно ни объективным социально-экономическим положением человека, ни ин-

дивидуальными особенностями его психического склада. Помимо этих факторов в условиях капитализма действуют специфические социально-психологические и идеологические механизмы, придающие дополнительную ценность материально-потребительским и карьерным мотивам личности и стимулирующие ее установку на приспособление.

Чтобы удовлетворять свои материальные потребности, человек должен зарабатывать деньги, а деньги в капиталистическом обществе — это не только средство обмена, но и высшая ценность, мерило социального достоинства личности. С точки зрения господствующих ценностных норм человек, подавивший в себе все иные помыслы и потребности (например, в интересном труде и отдыхе, в познании, общении и т. д.) ради погони за заработком, отнюдь не является неполноценной личностью: напротив, он выполняет свой долг перед богом и другими людьми. Буржуазная культура создала идеальный образ скромного труженика, честно обеспечивающего необходимых себя и семью и не думающего о большем. Для многих трудящихся капиталистических стран и сегодня «деньги определяют различие между счастливыми и менее счастливыми», «рост заработка... мерило роста, чтобы чувствовать себя полноценным человеком» (из интервью с молодыми французскими рабочими) ¹.

Очевидно, тревога за «экономическую безопасность», отношение к заработку, деньгам как к высшей ценности могут доминировать в мотивах личности и тогда, когда в действительности речь идет не о «выживании», но о сохранении статус-кво, достигнутого ранее жизненного уровня. Иными словами, люди, обладающие относительным материальным достатком, нередко не отличаются психологически — по типу своих мотивов и ориентаций — от тех, кто живет в настоящей бедности, едва сводит кон-

¹ *DalINVAL M.* Une autre idée des français. P., 1977, p. 40; *Idi-art P.* Les jeunes travailleurs de 15 à 25 ans dans la France d'aujourd'hui. P., 1963, p. 62.

цы с концами. Получается, что в *различных* объективных ситуациях возникают *аналогичные* ориентации.

В подобном явлении нивелирования, стандартизации индивидуальных мотивов проявляется воздействие на них буржуазного *общественного сознания*, доминирующих в обществе мировоззренческих ценностей. Человек, живущий в капиталистических общественных условиях, побуждается и самими этими условиями, и отражающими их иллюзорными формами общественного сознания воспринимать деньги не только как средство удовлетворения своих потребностей, но и как самостоятельную «высшую» потребность. Поэтому он нередко склонен отождествлять и благо своей семьи, и смысл своей трудовой деятельности, и возможности досуга с данной потребностью, принимать средство «выживания» за содержание и цель жизни, «подгонять» к этой цели все свои другие потребности и интересы.

Если ценности, насаждаемые буржуазной идеологией, внушают массам представление о деньгах, заработке как о высшем, наиболее необходимом благе, то присущая этой идеологии система представлений о человеке и его месте в обществе стимулирует к примирению с данным социальным положением, к психологическому приспособлению к нему. Еще в условиях докапиталистических обществ сложилась идеологическая модель социальных отношений, основанная на освященном религиозными предписаниями принципе естественного долга. В силу этого принципа материальное и социальное положение человека предначертано ему божественной волей: «низшие» должны быть удовлетворены своей судьбой и подчиняться «высшим», «высшие», со своей стороны, должны заботиться о «низших».

Капитализм, особенно в период своего становления, в той или иной мере наследует эту иерархически-патерналистскую модель; ее влияние до сих пор чувствуется в тех странах Западной Европы, в которых исторически

особенности перехода к капитализму обусловили живучесть восходящих к феодальным традициям черт массового сознания: пиетета к «вышним» классам, психологии «подданных». В Японии, где переход от феодального к развитому капиталистическому обществу произошел за каких-нибудь несколько десятилетий, иерархически-патерналистская модель социальных отношений еще сегодня играет ведущую роль в системе капиталистической эксплуатации.

В то же время развитие капитализма, усвоение массами буржуазно-демократических идей, секуляризация массового сознания неизбежно расшатывают эту модель. Она испытывает процесс внутренней эволюции: ее примитивно-мифологическое обоснование заменяется более рациональным, различие между «низшими» и «вышними» из врожденного и освященного превращается в различие по уровню знаний, компетенции, умения организовывать социальную жизнь и управлять ею к «всеобщему благу». Параллельно происходит формирование новой, меритократической (то есть основанной на принципе «воздаяния по заслугам») модели оправдания отношений господства — подчинения. Характеризующий ее образ общества основан на принципах *социального отождествления* всех его членов и *индивидуального успеха*: каждый «низший» в результате индивидуальных усилий может заслужить положение «высшего»; различия в социально-классовом статусе — это различия чисто функциональные, в принципе преодолимые для индивида. Наиболее последовательное развитие эта модель получила в США.

Становление меритократической модели отражает процесс индивидуализации личности, сопутствующий развитию капитализма, и в то же время подчинение этого процесса целям капиталистической эксплуатации. Капитализм заинтересован в максимальном использовании рабочей силы наемного работника, в том числе и тех дополнительных ресурсов его трудовой активности, которые

создает развитие индивидуальных потенций и стремлений. Это развитие влечет за собой существенные сдвиги в психической структуре личности; очевидно, под его влиянием усиливается описываемое в психологической литературе противоречие между «я» реальным и «я» идеальным¹. Психологический смысл меритократической модели состоит в том, что она формирует идеальное «я», соответствующее идеалам и ориентациям *буржуазной личности*, и внедряет его в массовое сознание. «Трудись упорно, зарабатывай деньги, и, если повезет, ты выбьешься наверх, станешь собственником и, следовательно, свободным человеком» — таков вкратце принцип поведения индивида, внушаемый этой моделью. Те же, кому не повезло, должны утешаться тем, что в игре всегда есть проигравшие, а социальные различия между людьми в природе вещей. Социальный фатализм, психология приспособления, примирения с действительностью, распространенные в той или иной части эксплуатируемых трудящихся, в сущности, тоже несут на себе печать индивидуалистического буржуазного мировоззрения: они выражают принятие человеком норм общественной жизни, основанных на принципах межличностной конкуренции.

Индивидуализм пронизывает, таким образом, все описанные выше типы мотивации личности. Заботится ли человек о собственном выживании или о наращивании прибыли, получает ли он удовлетворение в карьере или творческом труде, его потребности замкнуты на самом себе и в узком кругу семьи, оторваны от потребностей всех других людей или прямо противостоят им. Присущая социальному существу человека тенденция к психологическому слиянию с другими, с человеческой общностью подавлена или искажена, ее бытие характеризует

¹ См.: Зейгарник Б. В., Братусь Б. С. Очерки по психологии аномального развития личности. М., 1980, с. 127.

социальная изоляция, обедненность общественных связей и отношений. Более трети опрошенных в начале 80-х годов западноевропейцев признались, что они испытывают «часто» или «время от времени» чувство одиночества¹, 47% жителей Соединенных Штатов остро ощущали «дефицит общности» с другими людьми².

Индивидуалистический образ жизни неполноценен, ущербен по самой своей природе, поэтому он таит в самом себе — какими бы ни были связанные с ним «вознаграждения» — источник внутренней неудовлетворенности, опустошенности личности. Еще в середине XIX века А. де Токвиль отмечал «странную меланхолию, которую можно часто наблюдать у обитателей демократических стран посреди окружающего их изобилия, а также охватывающее их, среди спокойного и удобного существования, чувство отворачивания к жизни»³. А столетие спустя создатель знаменитых «антиутопий» О. Хаксли в предельно обобщенной форме выразил неполноценность всех мотивов, ценностей, видов деятельности, доступных «человеку Запада». «Патриотизм недостаточен. Но и все остальное тоже недостаточно. Недостаточна наука, недостаточна религия, недостаточны искусства, политика и экономика, а также любовь, долг, действие, сколь бы бескорыстным оно ни было; созерцание, каким бы возвышенным оно ни было. По правде говоря, ничто не достаточно». Такие подлинно человеческие, абсолютные ценности, как любовь, долг, бескорыстие, воспринимаются как недостаточные, очевидно, лишь потому, что в них не могут найти своего выражения потребности, обуженные и искаженные индивидуалистическим отношением к миру.

¹ Stoetzel J. Les valeurs du temps présent: une enquête européenne. P., 1983, p. 182.

² Yankelovich D. New Rules, N. Y., 1981, p. 251.

³ Tocqueville de A. De la démocratie en Amérique. P., 1961, p. 138.

«Борьба дает смысл нашей жизни»

Среди «автобиографий будущего», которые я перелистывал во Французском институте общественного мнения, мне попалось сочинение 20-летнего студента педагогического училища. Вначале оно показалось похожим на те, о которых я рассказывал выше. Те же мечты о счастливой семейной жизни, успешной работе, размышления о предстоящих материальных трудностях... Но через минуту я понял, что ошибся: передо мной совсем другой человек. Будущий учитель отчетливо сознает всю неполноценность «жизни для себя». Став главой семьи, размышляет он, «все больше и больше становишься эгоистом, думаешь только о своем счастье и о счастье своих близких — жены, сына или дочери». Но потом, продолжает он, «я констатирую... что солидарность — это не абстракция, что она действительно существует и что нужно строить ее из своих собственных материалов. И я стану более внимательным к проблемам мира — каким я был в юности. Профсоюз для меня — это больше не членский билет, который берешь по привычке, он становится близким другом. На профсоюзных собраниях я заслуживаю уважения моих товарищей, они выбирают меня профдеlegatesм».

В мечтах будущего учителя общественная и профессиональная деятельность занимают одинаково важное место. Его работа, считает он, «интересна и полезна (что бывает редко)». В работе главное — ее содержание; он мечтает стать воспитателем в молодежном клубе, другом молодых. К тридцати годам «в профессиональном плане я практически достигну своей цели, но в плане требований трудящихся, единства эксплуатируемого класса в борьбе с эксплуататорами — работы непочатый край. Надо работать по ночам, чтобы готовить уроки, организовывать собрания по обсуждению программ для предстоящих муниципальных или законодательных выборов...

Дел становится все больше и больше, но, несмотря на усталость, чудесно жить для общества, быть близким к живому человеческому миру. Надо продолжать кампанию за всеобщее разоружение... организовывать петиции, марши». И здесь же профессиональные проблемы: к сорока годам «я почувствую, что старею, для моих учеников я уже не друг, каким был раньше, а учитель, я пытаюсь внушить им доверие, но они относятся ко мне настороженно; значит, я должен буду обновить мое образование, чтобы научиться понимать их». Личные планы вписываются в перспективы страны, общества: к тому времени «Учредительное собрание принимает новую конституцию, превращающую Францию, столь славную своим революционным прошлым, в первое государство Запада, осуществляющее переход к социализму».

Прочтя эти выдержки, иной скептически настроенный читатель, возможно, подумает: «Это же типичный юношеский идеализм, что от него останется к тридцати, сорока годам?» Да, конечно, в мыслях нашего студента много наивного; приобретя жизненный опыт, он, вероятно, будет реалистичнее представлять себе трудности борьбы за социализм или всеобщее разоружение. Не исключено, что он вообще изменит своим мечтам, уступит давлению жизненных обстоятельств, уйдет в свою скорлупу. Но, как бы ни сложилась его жизнь, можно утверждать: к двадцати годам у этого человека сформировалась ясная и определенная жизненная ориентация, совершенно отличная от ориентаций многих его сверстников. В зависимости от разных объективных и субъективных обстоятельств она может в дальнейшем ослабеть, уступить место другим, но может и окрепнуть, утвердиться в качестве ведущей. Ее можно назвать ориентацией *на группу, на интересы большой социальной общности*.

В основе этой ориентации лежит мотивационная стратегия «жизнь для других», самоутверждение в деятельности, направленной на удовлетворение потребностей дру-

гих людей, реализацию психологических и деятельных связей с ними. Эти «другие» — не только семья, но и ученики, товарищи по работе, класс эксплуатируемых, в конечном счете человечество. Принятая стратегия пронизывает всю мотивационную сферу личности: и отношение к труду, и интересы, и общественно-политические установки. Поэтому ориентация на группу гармонически сочетается в психике с другими: с ориентацией на творческий труд, на семью; личность свободна от ощущения ущербности, эмоционального дефицита, какие мы видели на примере других типов мотивации, не нуждается в компенсаторных мотивах и действиях.

Столь целостная и последовательная жизненная позиция возможна потому, что она ясно *осознана*, выражена в мировоззрении, воплощающем групповые, классовые интересы. Применяя приведенные выше психологические понятия, можно сказать, что в данном случае мотив-значение вполне совпадает с мотивом — личностным смыслом, социальные ценности — с потребностями. Человек знает, чего он хочет, а это знание дано ему *классовой идеологией*. Наш студент не был и не будет рабочим. Но психологически и идеологически он ориентирован на цели рабочего класса, в нем нетрудно угадать человека, близкого к рабочему движению, вероятно, к коммунистической партии. Он впитал коллективистские идеалы и ценности рабочего класса, и это помогает ему избежать ловушки индивидуализма.

Очевидно, такой тип личности может существовать тогда и постольку, поскольку существует социальная группа, осознавшая себя как единая общность и вырабатывавшая свою систему ценностей, свое групповое мировоззрение. И не только мировоззрение, но и такую опирающуюся на него систему мотивов и целей, которые переживаются индивидом как свои собственные, побуждают его действовать в интересах «других», группы. В условиях капитализма коллективистский тип личности возника-

ет в результате определенного исторического процесса — развития рабочего движения, классового сознания пролетариата, пролетарской организованности, партийности.

Этот процесс исследован во многих исторических и социологических трудах. Первый из них — «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Еще в 1845 году Энгельс показал, как и почему формируется пролетарский коллективизм: «Если... рабочему не предоставлено никакого иного поприща для проявления своих человеческих чувств, кроме протеста против своего положения, то вполне естественно, что именно в этом протесте рабочий должен обнаружить свои самые привлекательные, самые благородные, самые человеческие черты»¹ — гуманность, свободу от буржуазного благоговения перед деньгами, классовую солидарность и способность подняться выше личных интересов, относительную независимость в суждениях и реализм мышления.

В наши дни эти наблюдения звучат так же актуально, как и полтора столетия назад. Работая над этой книгой, я перерыл немало материалов, рассказывающих о переживаниях, мыслях и делах рядовых людей Запада. И почти всякий раз, когда я встречал в них людей, у которых коллективистские мотивы — не только идеал, но и закаленное жизненным опытом «ядро» личности, это были люди из рабочей среды.

Вот, например, судостроитель из Сен-Назера (западная Франция), профсоюзный активист, 55 лет. Обычная пролетарская биография. Вырос в рабочей семье: «Дома я все время слышал разговоры о рабочем классе, о проблемах рабочего класса». Пошел в школу, потом начал учиться на инженера. Из этого ничего не вышло: отца уволили в тридцать восьмом за участие в забастовке, пришлось пойти работать на завод. Это и последующие события своей жизни он осмысливает и оценивает не с

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 438.

точки зрения личных успехов и неудач, а меркой классовых ценностей. «Физический труд,— размышляет он,— не отталкивает меня, совсем наоборот. Я не знаю, получал ли бы такое же удовлетворение, если бы выполнял умственный труд. Когда видишь, как некоторые инженеры эксплуатируют или пытаются эксплуатировать рабочий класс... С моральной точки зрения я предпочитаю быть там, где наковальня, а не у молота... Я не жалею ни о чем».

Теми же классовыми критериями оценивает он и конкретное место работы. В молодости он перешел из химической промышленности на судостроительный завод, где зарплата была выше. Однако работа на верфи нравится ему не только из-за материальных преимуществ — здесь выше боевитость трудящихся, «жизнь активиста намного интереснее». Ибо именно активное участие в борьбе своего класса составляет главный смысл его жизни. «Это вечная борьба с эксплуататорами. Она будет продолжаться, пока существует капиталистический строй. Борьба дает смысл нашей жизни»¹.

Другая страна, во многом иная рабочая среда... Рассказ рабочего-печатника, тоже профсоюзного активиста, Роберта Дойла. Он происходит из бедной дублинской семьи, воспитывался с четырех лет в сиротском приюте. В молодости участвовал в боевой организации «Ирландской республиканской армии», потом вступил в британскую компартию, сражался в интербригаде во время гражданской войны в Испании. Неоднократно подвергался арестам. Его рассказ поразительно не похож на все остальные автобиографии сборника: это не отчет о *собственной* судьбе и переживаниях, но размышление о проблемах своей социальной группы, того профессионального слоя английского рабочего класса, с которым связан

¹ Из сборника автобиографий профсоюзных активистов: *Autobiographies de militants CGTU — CGT présentées par J. Peneff*. Nantes, 1981, p. 145—155.

Дойл. Размышление достаточно горькое: автор пишет не только о тяжелом бесперспективном положении рабочих своей отрасли, порожденном технической рационализацией производства и увольнениями, но и о низком уровне классового сознания рабочих, узости их интересов, трудности пропаганды социалистических идей в их среде¹. В отличие от французского судостроителя, он не рассказывает ничего ни об успехах своей общественной работы, ни о своих отношениях с товарищами. И несмотря на это, читателю совершенно очевидна глубокая личная вовлеченность Дойла в интересы его класса, которые образуют ведущий, доминирующий мотив всей его духовной жизни и деятельности.

Подобный тип сознания принципиально отличен от рассмотренных выше. Не только по ценностным ориентациям, но и по всей психической, прежде всего мотивационной, структуре. Важную роль играют в ней *идеалы*, усвоенные личностью. Многие люди, живущие в условиях капитализма, не ограничивают свои мотивы и деятельность приспособлением к своему социальному положению, пределами внешней необходимости: силой, помогающей человеку выйти за эти пределы, являются идеальные образы, источник которых восходит к высшим, ценностно-идеологическим уровням общественного сознания.

По словам К. Маркса, «наши потребности... порождаются обществом; поэтому мы прилагаем к ним общественную мерку, а не измеряем их предметами, служащими для их удовлетворения»². Здесь, в сущности, указан один из важнейших путей включения идеального в мотивационную сферу психики: люди формируют свои потребности, исходя из условий собственной жизни и вместе с тем опираясь на идеалы, служащие общественной меркой. Общественные идеалы способны формировать такие

¹ Work. Twenty Personal Accounts. L., 1968, p. 22—33.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 446.

цели и ориентации личности, которые воздействуют на всю систему ее мотивов.

Буржуазные идеалы «успеха», достижения победы в конкурентной борьбе активизируют индивидуалистические мотивы личности, ее агрессивность по отношению к другим людям, стяжательские инстинкты. В той или иной мере они способны воздействовать и на психологию эксплуатируемых трудящихся. Однако объективное положение, условия жизнедеятельности рабочего класса формируют в нем предрасположенность к принципиально иным — коллективистским идеалам. В большинстве случаев эти условия не содержат возможностей индивидуального «выхода», успеха в жизни. Повседневный опыт отношений в капиталистическом производстве постоянно убеждает рабочего, что даже незначительное улучшение его положения достигается только на основе классовой солидарности, коллективной борьбы. Практика такой солидарности и борьбы усиливает, закаляет в нем коллективизм — способность психологически отождествлять свои потребности с потребностями других людей — коллектива, класса. Свои личные возможности и интересы он воспринимает через призму возможностей и интересов, силы своего класса. В этом — основа групповой, коллективистской жизненной ориентации личности, ее восприимчивости к идеалам и ценностям, способным подтверждать, укреплять, развивать такую ориентацию, к классовой социалистической идеологии. В этом также одна из важнейших психологических основ массового революционного сознания.

Существует и несколько иной путь формирования этой ориентации. Его первичным звеном является не протест против собственного неудовлетворительного положения, но общественные идеалы, как таковые, их доминирующая роль в структуре мотивации личности. Психической предпосылкой этой их роли является интенсивность интеллектуально-познавательных и моральных потребностей, на-

правленных на интересы «других», человеческой общности,— такой уровень интеллектуального и всего психического развития человека, при котором жизнь «для себя», узкоиндивидуалистический способ существования становятся для него невозможны. Понятно, что идеалом, способным выразить подобную направленность личности, подчинить себе ее мотивы, может быть только идеал гуманистический и демократический, свободный от индивидуального и группового своекорыстия.

Выходцы из привилегированных классов и слоев, отдающие себя борьбе за такие идеалы, примыкают к подлинно прогрессивным общественным движениям. Они играют важную роль в деятельности таких движений, особенно в выработке и пропаганде их идеологии. Достаточно напомнить о том значении, которое В. И. Ленин придавал передовой интеллигенции в деле формирования социалистического сознания и внесения его в рабочий класс.

Последовательно коллективистский тип индивидуального сознания формируется на основе психических связей личности с особым типом социальной общности. Общность, объединяемая лишь узкогрупповыми интересами, либо защитой своих особых прав и привилегий, своего рода «групповым эгоизмом», такой тип личности выработать не в состоянии. Принципиально иной характер имеет развитое классовое сознание рабочего класса. Его отличает не только коллективизм, но и широта общественного кругозора, заинтересованность в судьбах всего общества. «Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же,— писал В. И. Ленин,— тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов со-

временного общества»¹. Такая «открытость миру», направленность сознания на всю систему общественных связей и отношений, на не ограниченную какими-либо групповыми рамками человеческую общность — существенная особенность последовательно коллективистской психологии рабочего класса и вместе с тем последовательно коллективистского типа личности.

Наиболее гармоничный и динамичный тип личности развивается в тех случаях, когда у человека есть активная заинтересованность в судьбах других людей, общества и когда эта заинтересованность определяет как направленность его интеллектуально-познавательной деятельности, так и его личные мотивы и цели. Совершенно закономерно, что люди из других социальных слоев, обладающие подобным психическим складом, столь часто приходят в рабочее движение, ориентируются идеологически на его цели и ценности.

Характер связей индивида с группой, социально-психологический и идеологический облик группы, на которую он ориентирован, являются, таким образом, важнейшими определяющими факторами социально типичных черт личности.

«Я» и «мы»

Мы подошли, таким образом, к одной из ключевых проблем массового сознания — к взаимосвязи между его личностным и групповым уровнями. Чтобы разобраться в этой проблеме, надо поближе присмотреться к тому, что же представляет собой групповое сознание в капиталистическом обществе, каковы механизмы его связи с индивидуальными мотивами людей.

Основными групповыми субъектами общественного сознания при капитализме являются, как известно, соци-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 69—70.

альные классы. В то же время, образуя фундамент группового членения капиталистического общества, классы — далеко не единственный вид составляющих его групп. Принадлежа к определенному классу (или межклассовому слою), человек входит одновременно в национальные и этнические, профессиональные, локальные, демографические (например, женщины, молодежь) и другие группы. Множественность групповых связей людей выражается также в принадлежности отдельного индивида к группам «субъективным» — *сознательным* объединениям людей на основе общих целей и ценностей. Такие «субъективные» группы объединяют, например, членов и избирателей политических партий, сторонников различных идейно-политических, религиозных и философских доктрин, участников общественных движений. Конечно, «субъективные» группы вторичны по отношению к социально-классовым, возникают на основе осознания (истинного или ложного) объективно обусловленных мотивов и интересов, однако они не являются простым продолжением социально-классовой структуры, относительно самостоятельны по отношению к ней. Так, в составе членов и тем более избирателей любой крупной политической партии мы обычно встречаем представителей разных социальных классов и слоев.

Рассматривая групповые связи индивида, мы должны, таким образом, исходить из его принадлежности к *разным* группам, которые соотносятся между собой, выражаясь математическим языком, либо как множества и подмножества (например, класс и профессиональная группа внутри класса), либо как пересекающиеся множества (классы и этнические, демографические, а также политические, конфессиональные и другие группы).

Группы разного вида становятся субъектами массового сознания лишь постольку, поскольку они представляют собой не просто некие, выделяемые по тому или иному признаку множества людей, но *социально-психологиче-*

ские общности. Очевидно, все названные выше группы — не только «субъективные», что самоочевидно, но и «объективные» — являются реально или потенциально такими общностями. Так, класс — это социальная группа, характеризующаяся не только определенным местом в производственных отношениях, но и известными общими социально-психологическими свойствами. Очевидно, что именно эти свойства групп как социально-психологических общностей определяют их место и роль в структуре массового сознания, их способность формировать психологию и сознание индивидов.

Социально-психологические общности — феномен, неотъемлемо присущий общественному характеру человеческого бытия, их объективную основу образует совместная деятельность людей. Как справедливо подчеркивает Г. М. Андреева, путь к социально-психологическому пониманию группы состоит в выделении черт, свойственных ей как субъекту социальной деятельности, таких групповых образований, «как групповые интересы, групповые потребности, групповые нормы, групповые ценности, групповое мнение, групповые цели»¹.

Соглашаясь с этим положением, необходимо в то же время констатировать, что все названные «групповые образования» не являются чем-то само собой вытекающим из совместной групповой деятельности. Непосредственная причинно-следственная связь между процессом такой деятельности и групповыми социально-психологическими характеристиками имеет место главным образом в так называемых «первичных», или «контактных», группах, например в семье, трудовом коллективе и т. д. Поскольку же речь идет о больших, то есть действующих в масштабах всего общества, социальных группах, эта связь гораздо более сложна, опосредована. А ведь именно такие большие группы и выступают в качестве субъекта массо-

¹ Андреева Г. М. Социальная психология, М., 1980, с. 179, 180.

вого сознания. Их общие интересы, потребности, ценности становятся социально-психологической реальностью, фактами сознания лишь в результате исторического *познавательного процесса*, осознания людьми своих объективных групповых связей и отношений (например, классовых, национальных) и формирования связей идейно-психологических.

Специфическая функция группового сознания состоит в *познании общественных связей людей, объединяющих их общих потребностей, интересов, целей, в конституировании на основе такого познания социально-психологических групповых общностей*. Общественные связи людей — один из компонентов их объективного бытия, и независимо от того, как они отражаются в групповом сознании — истинно или ложно, в реалистическом или извращенном, мистифицированном виде, именно познание этих объективных связей формирует содержание группового сознания.

Разумеется, функции различных идеологических, политических и иных коллективных представлений несводимы только к конституированию групповых общностей; эти представления отражают различные аспекты общественной действительности, регулируют разные стороны деятельности людей в обществе. Понятие «общественное сознание» поэтому шире, чем групповое. Однако, в той мере, в какой подобные представления объединяют ту или иную социальную общность, они входят в групповое сознание. Существуют и такие системы представлений, которые вырабатываются именно как средство идентификации и обособления данной группы (например, представления о классовом членении общества, национальное сознание).

Групповое сознание отнюдь не сводится марксизмом к сумме сознаний индивидуальных. К этому сознанию относятся лишь те компоненты сознания личности — ценности, цели, установки, убеждения и т. д., которые выра-

жают ее психологическую связь с группой. Не совпадая с индивидуальным, групповое сознание в то же время не является некой «внеличностной», «надиндивидуальной» субстанцией, оно существует лишь как элемент сознания образующих группу личностей.

Одна из особенностей взаимоотношения между групповым и индивидуальным сознанием состоит в том, что групповые ценности, установки и т. д. играют неодинаковую роль в сознании связанных с группой индивидов; люди различаются по уровню вовлеченности в «свою» группу. Причем не только фактическая принадлежность к социально-классовой или национальной группе, но и формальная принадлежность к группам политическим никак не предопределяют этого уровня (например, человек в силу семейной традиции считает себя верующим католиком и голосует за соответствующую партию, но содержание католической доктрины и данная политическая ориентация не играют существенной роли в его мировоззрении).

Выработанные группой ценности, установки, нормы поведения сохраняют значение *групповых* психологических характеристик, если они присущи хотя бы части — более или менее значительной — членов группы, представляют собой органический компонент хотя бы некоторых существующих в ней социально-психологических типов. Они нередко реализуются в качестве общегрупповых лишь в особых ситуациях группового действия, когда же таких ситуаций не возникает, находятся у многих в потенциальном состоянии. Так, в рабочем классе любой капиталистической страны есть люди, психологически ориентированные на активное участие в забастовочном движении, есть рабочие, не обладающие такой ориентацией, есть, наконец, и такие, которые принципиально отрицают забастовочную борьбу. Но в момент обострения классовых конфликтов многие противники забастовок

включаются в общую борьбу¹. Этот пример показывает значение внутригрупповых объективных и психологических связей как реальной основы группового сознания: ведь именно такие связи обеспечивают передачу импульсов к групповому действию, идущих от активной части группы к другим ее частям, перевод из потенциального в актуальное состояние групповых мотивов и установок.

3

Уровни групповой общности

Каким же образом все эти черты и особенности группового сознания проявляются в условиях капитализма?

Прежде всего становление капиталистических отношений привело к значительному усложнению групповой структуры массового сознания. Разрушив прежнее сословное членение общества, капитализм породил принципиально новую классовую структуру. Формирование нового господствующего класса — буржуазии сочеталось с борьбой между отдельными его фракциями, различающимися как по своим ближайшим интересам, так и по традициям, по степени связи с социальными силами и политическими институтами, унаследованными от докапиталистических отношений. Эта борьба вызвала к жизни формирование конкурирующих между собой идейно-политических течений — радикально-республиканских, либеральных, консервативных, каждое из которых стремилось привлечь на свою сторону массовые слои трудящихся. В результате складывались массовые идейно-политические общности, параллельно с которыми продолжали существовать унаследованные от прошлого конфессио-

¹ Cousins J., Brown R. Patterns of paradox: shipbuilding workers images of society.— In: Working Class Images of Society. London — Boston, 1975, p. 74—79.

нальные, локальные, этнические и иные культурные группы, игравшие в зависимости от условий конкретных стран большую или меньшую роль в политической жизни.

По мере развития рабочего движения на исторической арене появляется и приобретает растущее значение принципиально новая групповая общность — организованный пролетариат, выдвигающий свою собственную систему идеологических, политических, морально-этических ценностей. Во второй половине XIX века противостояние буржуазии и пролетариата превращается в большинстве капиталистических стран в важнейший фактор групповой дифференциации массового сознания, так или иначе влияющий на все его проявления. Это противостояние не привело к какому-либо упрощению групповой структуры массового сознания, однако оно в значительной мере определило ее дальнейшую историческую динамику.

Классовая борьба пролетариата вынуждает буржуазию сосредоточивать все больше усилий на идеологическом и социально-психологическом обеспечении своего господства. Деятельность политического и идеологического аппарата капиталистического общества — государства, буржуазных партий, образовательных и религиозных институтов, средств массовой коммуникации и пропаганды — пронизана стремлением обеспечить и укрепить социально-психологическую общность трудящихся масс с господствующим классом.

Естественно, что все виды группового сознания, так или иначе выражающие собственные интересы и устремления отстраненных от власти социальных групп, тем более протест против власти господствующего класса, строятся на принципе выделения этих групп из такой общности. Наиболее последовательно этот принцип конституирования групповой общности реализуется в классовом сознании пролетариата. Как отмечал В. И. Ленин, «самосознание рабочих означает понимание того, что интересы всех рабочих данной страны одинаковы, солидар-

ны, что они все составляют один класс, отдельный от всех остальных классов общества»¹.

Формирование таких видов сознания, конституирование социально-психологических общностей, способных со своих собственных позиций выступать на общественно-исторической арене, быть субъектом исторического действия,— процесс достаточно сложный, многоступенчатый. В истории капитализма были и есть теперь социальные группы, такой способностью не обладающие. К. Марксу принадлежит яркая характеристика одной из таких групп.— французского парцельного крестьянства прошлого века. «...Громадная масса французской нации,— писал он,— образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов,— они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации,— они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени...»²

Нарисованный К. Марксом портрет французского крестьянства позволяет выделить одну из наиболее существенных характеристик групповой психологии. Такой характеристикой является *уровень групповой общности*. У парцельных крестьян, как показывает Маркс, этот уровень крайне низкий. Такого рода группы, в рамках которых людей объединяет только типическое *сходство* социальных и социально-психологических черт, можно назвать *типологическими*.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 102.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 207—208.

В рамках таких групп функционируют определенные внутригрупповые связи и групповое сознание, но его *содержание* ограничено общими религиозными верованиями, культурой, морально-этическими нормами; у них есть своя (в данном случае крестьянская, мелкобуржуазная) обыденная жизненная философия, но нет своей собственной групповой идеологии и политического сознания. Защиту своих общегрупповых интересов они поэтому «делегировать» другим группам или «сильным личностям» (отсюда анализируемый Марксом бонапартизм французских крестьян).

Этому содержанию соответствует узкий («местный», по определению Маркса) *масштаб* групповых связей. Фактически они замыкаются в основном в рамках *непосредственной социальной среды* (семейной, локальной, профессиональной). Непосредственная социальная среда является в данном случае главным источником, из которого индивиды усваивают групповые ценности, нормы, установки; она осуществляет стихийное воспроизводство типов сознания, передает от поколения к поколению традиции, привычные представления, придающие устойчивость этим типам.

Иначе выглядят психологические характеристики тех групп, которые обладают общностью в том смысле, в каком это слово применено Марксом в приведенной цитате, групп, выступающих в качестве субъекта исторического действия. Составляющие их люди не просто психологически похожи друг на друга (как картофелины в мешке), но объединены определенными общими целями. Их психологию также характеризуют специфические для каждой группы социально-психологические типы личности, но не только они. То особое психическое свойство, которым обладают такие группы, присущий им уровень социально-психологической общности можно определить как уровень солидарности.

Содержание группового сознания не сводится при

данном уровне общности к общим культурным нормам, оно включает осознанные групповые интересы и цели и воплощает их в политические идеи и ценности. Необходимыми условиями формирования таких групп являются выражающая их интересы идеология и групповая организация. Отсюда ясно, что их внутригрупповые связи не могут ограничиваться общением в пределах непосредственной социальной среды: они осуществляются по каналам общегрупповой организации и информации (собрания, различные документы, распространяемые органами группы, групповая пресса, литература и т. д.) и в процессе коллективных действий (манифестаций, забастовок, маршей и т. д.).

Развитая солидарность и полное ее отсутствие, характерное состояние для типологических групп, — это, так сказать, две крайние точки — высшая и низшая — в шкале уровней групповой общности. В реальной действительности, разумеется, существует множество промежуточных уровней, которые могут быть выявлены лишь на основе конкретного анализа. Тем не менее один из этих уровней необходимо выделить, поскольку он важен для понимания специфики групповой психологии в целом. На этом уровне члены большой социальной группы более или менее отчетливо сознают свою принадлежность к ней, общность своего положения и интересов, но не выработали конкретного понимания общих целей, составляющих необходимое условие действенной солидарности. Иными словами, такие группы обладают собственным самосознанием, выражающимся в групповом самоотождествлении (самоидентификации). Соответствующий уровень групповой общности может быть определен как уровень идентификации.

Решающим историческим фактором сплочения группы, развития ее солидарности является *групповое действие* — массовые общественно-политические (или культурные, идеологические) движения, вдохновляемые интере-

сами, ценностями, целями группы. Именно такие движения более всего содействуют развитию групповой организации и идеологии; когда же такие организация и идеология уже существуют, устойчивость их массового влияния в огромной степени зависит от интенсивности направляемых ими действий масс. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, развитие классового сознания рабочего класса происходит в процессе соединения социалистической идеологии с массовым рабочим движением, его необходимыми условиями являются политическая и организаторская деятельность вооруженной этой идеологией пролетарской партии и в то же время борьба самих масс¹.

Дифференциация массового сознания

Наличная, существующая в каждый данный момент групповая структура массового сознания — результат ряда взаимосвязанных социальных и исторических процессов, во многом различных в отдельных капиталистических странах. Поэтому, обладая определенными общими чертами, присущими капитализму в целом, она вместе с тем имеет национально-специфический характер. Здесь мы можем выделить только некоторые, наиболее существенные и распространенные типы больших социально-психологических общностей, порожденных историческим развитием капиталистического общества.

В сложной сети межгрупповых отношений этого общества главным и определяющим является антагонизм пролетариата и буржуазии. Разумеется, условия и пути формирования каждой из противоположных классовых

¹ См., напр.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314; т. 41, с. 78.

социально-психологических общностей принципиально различны. Буржуазный государственный и партийно-политический механизм, предпринимательские организации, другие органы господствующего класса не только охраняют устои его власти, его социальные привилегии, но и выполняют важную функцию согласования и регулирования порождаемых капиталистической конкуренцией внутриклассовых противоречий. Во всех сферах общественной жизни — в системе образования, в области потребления, культуры, досуга, информации — действуют механизмы, обеспечивающие воспроизводство социально-психологической общности самой буржуазии, ее обособление от других классов и вместе с тем ее духовную гегемонию в обществе — распространение ее влияния на другие классы и слои.

Рабочий класс формирует свою социально-психологическую общность в длительной напряженной борьбе против подрывающих ее сил — деморализующего воздействия эксплуатации и социального гнета, распространяемого по множеству каналов влияния буржуазной идеологии. Как показывает исторический опыт, эта идеология способна перерабатывать и интегрировать многие идеи и ценности, выдвигаемые эксплуатируемым классом, присваивать их себе и создавать, таким образом, компромиссные, служащие сохранению классового господства идейно-политические системы (например, различные варианты реформизма). Сам факт существования рабочих профессиональных и политических организаций еще не является поэтому достаточным условием подлинной классовой самостоятельности пролетариата. Последовательное развитие его классового сознания, формирование его как духовно и политически независимой от буржуазии, объединяемой собственными потребностями и интересами общности, происходит, как показал В. И. Ленин, лишь на основе идеологии, доказывающей возможность и необходимость революционного ниспро-

вержения капитализма. Массовое влияние такой идеологии — научного социализма — является, следовательно, важнейшим показателем уровня социально-психологической общности рабочего класса. Она — важный компонент структуры массового сознания капиталистических стран, однако ее уровень разный в различных региональных и национальных условиях; он относительно изменчив, во многом зависит от динамики экономической и общественно-политической ситуации.

В качестве примера приведем данные общенационального опроса французских рабочих, отражающие относительно высокий для современной капиталистической страны уровень их классовой общности на рубеже 60-х и 70-х годов. По этим данным, 11% опрошенных рабочих-мужчин и 6% женщин обладали тогда развитым классовым политическим сознанием: активно участвовали в организованном рабочем движении, разделяли социалистическую идеологию, большая часть политически примыкала к коммунистической партии. Небольшая (4—6%) часть опрошенных рабочих, идентифицируя себя с рабочим классом и систематически участвуя в экономических забастовках, не проявляла интереса к политической жизни. Самая большая группа опрошенных — 58% мужчин и 61% женщин — отличалась неустойчивостью своего общественно-политического поведения и подверженностью противоположным идеологическим влияниям. В определенных ситуациях, особенно в периоды подъема массовой борьбы рабочего класса, они смыкались с его активной частью, были склонны, как замечают авторы исследования, «оспаривать существующий строй»; в других ситуациях, напротив, сближались по своим позициям с защитниками этого строя. Еще 15% мужчин и 8% женщин были враждебны рабочему движению и ориентировались на индивидуальное «продвижение» (путем карьеры на предприятии или приобретения собственного «дела»), и, наконец, 12% мужчин и 20% женщин отличались покорно-

стью судьбе и отсутствием сколько-нибудь явно выраженных общественно-политических позиций¹.

Приведенные данные (кстати сказать, по своей детальности и методике анализа уникальные для западной социологической литературы о рабочем классе) интересны прежде всего как отражение внутренней социально-психологической и идейно-политической дифференциации промышленного пролетариата одной из крупных капиталистических стран. Количественные соотношения различных группировок, как это обычно бывает в подобных опросах, носят, разумеется, приблизительный, ориентировочный и в какой-то мере конъюнктурный «одномоментный» характер². Важно, однако, не столько количественная определенность этих соотношений, сколько отраженный в них характер социально-психологической общности промышленного пролетариата.

Можно констатировать, что эта общность проявляется в двух основных формах: у части рабочих она выражается в последовательной и устойчивой ориентации на классовую идеологию и политику, у большинства носит в той или иной мере потенциальный характер. Для части рабочих характерна пассивная связь со своим классом, еще одна группа психологически отделена от него, ориентируется на противоположную общность. Но при всей этой разнородности основная масса французского промышленного пролетариата обладает — актуально или потенциально — качествами действенной, солидарной общности: практика классовой борьбы вновь и вновь объединяет большинство рабочих на основе защиты их общих интересов.

¹ Capdevielle J., Mouriaux R. Essai d'analyse typologique des familles syndicales.— In: L'ouvrier français en 1970. P., 1970, p. 105—128.

² Существенно, что опрос проводился в период, психологически неблагоприятный для рабочего движения,— через несколько месяцев после поражения левых партий на выборах 1968 года.

Разумеется, если бы аналогичные исследования проводились в других капиталистических странах, в большинстве их они дали бы во многом иную картину. В тех из них, где в массовом рабочем движении доминируют реформистские силы, пролетарская классовая солидарность тоже существует, но выражается главным образом в тред-юнионистском (по известному ленинскому определению) типе массового сознания и соответствующих ему идейно-политических установках (защита классовых интересов в рамках существующего строя).

Можно утверждать, что при всех межнациональных различиях, при всех различиях в формах проявления и масштабах классовой солидарности пролетариата тот или иной уровень такой солидарности характеризует его как социально-психологическую общность развитого капиталистического общества. При этом в каждой стране характер и степень этой общности отражает ход и результаты идеологической и политической борьбы классов, национально-своеобразные условия формирования и развития пролетариата, исторически сложившийся идейно-политический облик его массовых организаций, его культуру.

Иначе обстоит дело с теми социальными группами, которые не относятся целиком ни к пролетариату, ни к буржуазии, или занимая промежуточное положение между ними, или частично сливаясь с отдельными слоями основных классов. Что касается мелкой городской и сельской буржуазии, обострение ее противоречий с крупным капиталом, с одной стороны, влияние на нее примера организованного рабочего движения, с другой, развивают в ее среде тенденцию к организации и коллективной защите своих интересов. Новая и новейшая история капиталистических стран знает немало примеров массовых движений фермеров и крестьян, торговцев и ремесленников. В наше время в странах развитого капитализма вряд ли можно найти полную анало-

гию тому типу мелкобуржуазной общности, какой описан в марксовой характеристике парцелльного крестьянства.

При всем при том мелкая буржуазия остается наиболее раздробленным и наименее самостоятельным политически классом капиталистического общества. В этом сказывается ее объективное положение, особо мощное и разрушительное воздействие на нее законов капиталистической конкуренции. В условиях монополистического капитализма мелкий собственник-производитель постоянно испытывает угрозу разорения, его экономическая деятельность превращается для него в борьбу за выживание, требующую максимального напряжения всех его сил. Эта борьба развивает крайний индивидуализм, чаще всего подавляющий тягу к групповой солидарности. Большей частью эта солидарность практически ограничивается рамками внутриклассовых профессиональных групп — фермеров, мелких торговцев, производителей того или иного вида продукции.

Экономическая зависимость мелкой буржуазии от крупного капитала во многих случаях дополняется психологической зависимостью, обусловленной слабостью ее позиций в конкурентной борьбе и ориентацией на частнособственнические, буржуазные ценности. Поэтому она в большинстве случаев «доверяет» защиту своих политических интересов буржуазным партиям и течениям, наиболее консервативные политические силы черпают свою массовую базу в мелкобуржуазной среде. В странах с политически влиятельным рабочим движением (например, во Франции, Италии) проявляется и противоположная тенденция — ориентация части мелкобуржуазных слоев на совместную с рабочим классом борьбу против монополистического капитала. В целом внутриклассовая социально-психологическая связь мелкой буржуазии ограничивается в основном рамками культурной, типологической общности и классовым самоотождествлением, ос-

нованным на противопоставлении «своей» группы как крупной буржуазии, так и рабочему классу; групповая солидарность проявляется лишь спорадически и в относительно узких масштабах.

Весьма диффузны, раздроблены также и так называемые новые средние слои — массовые группы наемных работников умственного труда. Прежде всего в силу разнородности своего социально-классового положения — высший слой управляющих, административных работников, чиновников практически сливается с крупной буржуазией, рядовые служащие — объективно часть современного рабочего класса. Крайне разнородны и профессиональные ситуации, содержание трудовой деятельности различных групп. Достаточно сравнить в этом плане, с одной стороны, инженерно-техническую, производственную интеллигенцию, с другой — научных работников, преподавателей, представителей гуманитарных профессий. Отсюда и особенности группового сознания этих слоев: культурная и идентификационная общность (представление о «своей» группе), солидарность интересов проявляются главным образом в рамках профессиональных групп различного масштаба (например, инженерно-технические и административные кадры, учителя, преподаватели высшей школы, творческая интеллигенция и т. д.), в тех же рамках действуют организации и движения новых средних слоев. Представления же, отражающие общность этих слоев («белые воротнички», «образованный класс», «специалисты», «профессионалы» и т. п.), обычно носят крайне расплывчатый характер и не способны играть существенную роль в мотивации группового поведения. Раздробленность, узость возникающих в данной среде общностей порождают сильную тенденцию к корпоративизму, то есть такому групповому сознанию, которому присуща замкнутость, сосредоточенность на узкогрупповых интересах, слабый интерес к коренным проблемам общественного развития. В целом вряд ли мож-

но говорить о новых средних слоях как о некой единой социально-психологической общности.

Более «открытые», общественно значимые групповые ориентации проявляются в этих слоях, лишь когда они объединяются психологически и практически с более развитыми социальными общностями. Такое сближение может осуществляться в разных направлениях. Так, широкие массы служащих, испытывая объективный процесс пролетаризации, в растущей мере отходят от традиционного отождествления со своей собственной профессиональной группой и осознают себя частью рабочего класса (этот процесс отражают многочисленные массовые опросы)¹. Для интеллигенции весьма характерен процесс идейно-политической и социально-психологической дифференциации — одна ее часть ориентируется на основополагающие ценности капитализма, пытаясь внести свой вклад в его «совершенствование», в «рационализацию» или «гуманизацию» капиталистических порядков, другая часть — разная в разных странах и конкретно-исторических условиях — проявляет оппозиционность капитализму или же непосредственно смыкается политически и идеологически с рабочим движением².

На групповое сознание определенных групп интеллигенции воздействует их особая социальная роль — функция «мыслящей части общества», производителя и распространителя знаний, идей, культурных ценностей. Эта роль, с одной стороны, содействует расширению их кругозора далеко за пределы узкогрупповых проблем и интересов: научная и творческая интеллигенция, студенчество нередко проявляют способность формировать новые культурные и идеологические общности, массовые

¹ См.: *Песчанский В. В.* Служащие в буржуазном обществе (На примере Англии). М., 1975.

² См.: *Шляхтун П. А.* Интеллигенция в современном буржуазном обществе. Киев, 1980; *Кувалдин В. Б.* Американский капитализм и интеллигенция. М., 1983.

движения, выступающие за решение крупных общественных проблем. С другой стороны, особенности профессиональной деятельности и психологии интеллигенции, индивидуализм, оторванность от широких масс порождают в ее среде специфические культурные общности, в сознании которых оппозиция буржуазным ценностям и образу жизни сочетается с элитаризмом, пренебрежительным отношением к общественно-политической жизни, к проблемам положения народных масс. При всей своей малочисленности подобные общности играли и играют в ряде стран заметную роль в идеологической и культурной жизни.

Рассмотренные социально-психологические общности тем или иным образом взаимодействуют с другими уровнями групповой структуры сознания. Наиболее общезначимый из них — национально-государственная общность; далее следуют общности культурные и идеологические, в том числе конфессиональные, политические (объединяющиеся вокруг тех или иных политических ориентаций и выражающих их партий и движений). С точки зрения своего «состава» все они обладают теми же чертами внутренней дифференциации (по степени активной приобщенности к ним различных людей), что и социально-классовые группы.

Отмеченный выше факт множественности групповых психологических связей индивида в конечном счете отражает сложность, «многомерность» индивидуального сознания, его мотивационной и познавательной сфер. Различные мотивы и знания человека — ценностные ориентации и нормы образа жизни, общефилософские и общественно-политические представления — усваиваются и формируются им в условиях капиталистического общества из различных источников, поэтому они относительно независимы друг от друга и могут существовать как бы на параллельных плоскостях. В этой «параллельности» заложена возможность сочетания различных групповых

ориентаций в одном и том же индивидуальном сознании. В зависимости от конкретных условий жизнедеятельности личности, ее направленности и ценностного содержания принятых ею групповых ориентаций, их психологической «силы» эти последние могут быть нейтральными, индифферентными по отношению друг к другу или вступать в конфликт, или совпадать, взаимно подкреплять друг друга. Обычно наличие какой-либо очень сильной групповой ориентации ведет к подчинению ей других компонентов сознания.

В качестве примера можно привести взаимоотношение национального и классового пролетарского сознания. Очевидно, если национальное сознание не перерастает в национализм, в настроения этнической обособленности, обе эти групповые ориентации могут просто мирно уживаться друг с другом. У тех же людей, у которых «пролетарская» ориентация является особенно сильной, доминирующей, она не просто сосуществует с другими (в том числе с национальной), но активно воздействует на них. Так, рабочий с высоким уровнем классового сознания не только придерживается коллективистских норм и ценностных ориентаций своего класса, но и разделяет революционную пролетарскую идеологию и научное атеистическое мировоззрение; он — одновременно последовательный интернационалист и патриот, убежденный в совпадении ближайших и коренных интересов рабочего класса с интересами нации.

«...С самого детства,— рассказывает хельсинкский рабочий-судостроитель Эйно Килпи,— нас старались воспитывать в духе «национальных границ»... И будто нет того общего, что нас объединяло бы с другими, есть только то, что разъединяет». Вступив в коммунистическую партию, изучая в партийной школе историю международного коммунистического движения, Килпи, по его словам, «особенно как-то прочувствовал», что он «один из участников всемирно-исторической борьбы. Я писал кур-

совую работу о фашизме и, пока изучал тему, все нагляднее убеждался, что цели у рабочих разных стран общие, борьба наша общая. Для нас, коммунистов, это становится главным содержанием жизни»¹.

Другой пример — соотношение религиозного и пролетарского классового сознания. Многие верующие рабочие разделяют идеи классовой солидарности трудящихся, принимают активное участие в классовой борьбе, но в то же время голосуют за буржуазные конфессиональные партии (или даже являются их членами), здесь налицо конфликт групповых ориентаций². В то же время многие религиозные трудящиеся в некоторых западноевропейских странах поддерживают политически рабочие, в том числе коммунистические, партии. Здесь нет соответствия различных ориентаций, но нет и острого конфликта: определенный уровень классовой ориентации, участия в классовой борьбе не вступает в противоречие с выполнением религиозных обрядов или с верой в морально-этические принципы христианства. Разумеется, при ином, более высоком уровне — например, для руководителей и идеологов революционных рабочих партий — такое сочетание становится невозможным.

Столь же многообразны и взаимоотношения между групповыми (идеологическими, политическими, этическими и т. д.) и личностными жизненными ориентациями. Так, сильная доминирующая предпринимательская ориентация (у капиталиста или мелкого буржуа), очевидно, несовместима с социалистической идеологией.

В целом для наиболее распространенных в капитали-

¹ Коммунисты в массах. Прага, 1981, с. 299.

² По словам одного западногерманского профсоюзного активиста, члена буржуазной партии ХДС, «в «черном» лагере (то есть в ХДС.— С. С.) мы «красные», а в «красном» лагере (то есть в профсоюзах ОНП.— С. С.) мы «черные» (цит. по: Сокольский С. Л. Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983, с. 29).

стическом обществе типов индивидуального сознания характерно сосуществование различных по содержанию и направленности, противоречивых, часто слабо выраженных и «пассивных» групповых ориентаций. В западной литературе нередко утверждается, будто современные массовые коммуникации, особенно телевидение, воздействуют как фактор, унифицирующий массовое сознание, стирающий границы между различными его групповыми типами. В действительности эффект массовых коммуникаций, скорее, противоположен: распространяемые ими в масштабе всего общества взгляды и представления не вытесняют те, которые усвоены в рамках различных групп, но как бы наслаиваются на них, еще более увеличивая противоречивость, «многомерность» отражения в сознании общественных связей и отношений.

Для понимания динамики массового сознания решающее значение имеет тот факт, что любая, даже самая слабая, пассивная, так сказать, «спящая» групповая ориентация личности обладает способностью к активизации, «пробуждению». Это обстоятельство создает своего рода резерв для групп, обладающих собственной организационной и идеологической структурой. Каждая группа стремится мобилизовать этот резерв, активизировать те массовые групповые ориентации, которые соответствуют ее мотивам и целям.

В современной идеологической борьбе значительную роль играют усилия монополистической буржуазии увязать групповые ориентации различных видов — национальные, культурные, профессионально-корпоративные и т. д. — с ее собственными идейно-политическими ориентациями. На многие из таких ориентаций стремятся опереться и противостоящие ей социально-политические силы.

Конкретный результат в конечном счете определяется соотношением классовых сил в идеологической борьбе. Так, в тех случаях, когда (например, во время сопротив-

ления фашизму) рабочее движение доказывало свою решающую роль в борьбе за национальные интересы, национальное сознание становилось важным резервом сознательного авангарда рабочего класса. Религиозные верования трудящихся традиционно служили одной из идеологических опор капиталистических порядков, однако в последние десятилетия рабочему движению ряда стран удалось вовлечь значительную часть трудящихся-католиков в борьбу за социальный прогресс.

Коммунистические партии капиталистических стран в своей политике исходят из реальности антимонополистических потенций самых различных общностей — как социально-классовых (городские средние слои, крестьянство и фермерство), так и политических, включающих часть самого рабочего класса (например, социалистические и социал-демократические партии), религиозных и культурных, тех, которые формируются вокруг массовых общественных движений (антивоенного, экологического, молодежного, женского и т. д.).

Границы большинства из существующих в тот или иной момент социально-психологических общностей, степень вовлеченности в них масс чрезвычайно подвижны. Объективные изменения в социальной структуре, обострение тех или иных социальных и политических проблем, возникновение движений, привлекающих внимание к этим проблемам, крупные классовые и иные общественные конфликты — словом, все значительные явления и события в жизни капиталистического общества так или иначе воздействуют на динамику и соотношение групповых ориентаций масс. Эти особенности массового сознания ярко проявляются в условиях современной эпохи, насыщенной бурными изменениями во всех сферах человеческой жизни.

Единство истории в зеркале сознания

Массовое сознание современного капиталистического общества глубоко расколото, дифференцировано. Каждый из существующих его типов, психология каждой из социально-классовых групп обладают в данной исторической обстановке своей собственной своеобразной динамикой. Наряду с ней существуют, однако, определенные общие направления, тенденции развития массового сознания как целого. Они порождаются прежде всего единством той объективной общественно-исторической действительности, которую отражает сознание. Разумеется, в каждом конкретном случае такое отражение опосредуется особенностями положения, опыта и познавательными возможностями субъектов сознания, но, живя в одном и том же обществе, в одну и ту же историческую эпоху, они не могут полностью изолироваться от опыта и продуктов сознания других субъектов, общества в целом.

Динамика массового сознания обусловлена в конечном счете динамикой объективного общественного развития — эволюцией производительных сил, производственных и иных социальных отношений. Это объективное развитие меняет конкретное содержание проблем, возникающих перед людьми в процессе их жизнедеятельности, и при всем многообразии вырабатываемых в рамках различных типов сознания подходов к решению такого рода проблем само их содержание обладает определенной общностью. Более того, одной из важнейших движущих сил развития различных типов группового и личного сознания является «освоение» им этих проблем, тех или иных способов их решения. Но это значит, что в процессе развития массового сознания происходят изменения *в иерархии и сфере его интересов*: в зависимости от конкретных обстоятельств социально-экономического и социально-политического развития его внимание концентрируется на тех

или иных проблемах общественной и личной жизни. Подобные изменения представляют собой один из существенных аспектов динамики массового сознания в целом, и без них недостаточно ясны особенности развития сознания отдельных социальных групп, эволюция его личностной и групповой структуры.

Единство массового сознания данного общества выражается, однако, не только в реакции различных его субъектов на одни и те же явления общественной жизни, в актуализации в нем одних и тех же проблем, порождаемых социальными изменениями. Сами способы этой реакции, формы опосредования меняющейся объективной действительности в психологии и поведении, в ценностных и жизненных ориентациях членов данного общества также обладают определенными общими чертами. Эти последние порождены прежде всего тем, что в рамках данной общественно-экономической формации даже представители противоположных классов «включены» в одну и ту же систему общественных отношений. Те требования, которые предъявляет каждый исторический тип этих отношений к жизнедеятельности людей, формируют у них устойчивые «общеформационные» способы восприятия объективных ситуаций и реакций на них, которые так или иначе взаимодействуют с восприятиями и реакциями, характерными для различных социальных групп. Такого рода устойчивые компоненты общественной психологии обладают качеством «традиции», передаются от поколения к поколению. Выше отмечалось, что одним из таких устойчивых компонентов, своего рода «общим знаменателем» психологии и поведения, соответствующим условиям капитализма, является индивидуализм.

Осуществляя свою духовную гегемонию, господствующий класс, как уже отмечалось, распространяет свои идеи и представления «на всю толщу» общества. Но и те идеи, которые вырастают из борьбы с духовной гегемонией буржуазии, также обычно выходят за пределы породивших

их общественных групп, становятся в той или иной мере достоянием разнородных по своему социальному положению масс. Любая идеология по своему происхождению и содержанию имеет классовый характер, однако возникающие на ее основе тенденции массового сознания часто приобретают в рамках определенного исторического периода более широкие, «межгрупповые» общественные масштабы, становятся показателями состояния массового сознания капиталистического общества в целом.

Помимо подобных общеформационных явлений сознания существуют типы восприятий и ценностных ориентаций, сформированные в рамках национальных (а также поднациональных, региональных, например западноевропейской) общностей. При всей сложности тех эмоциональных, поведенческих, культурных и мировоззренческих явлений, которые образуют национальный психический склад, включающий, помимо всего прочего, национально-типичные черты характера, темперамента и т. п., в нем могут быть выделены относительно устойчивые содержательные, в частности ценностно-ориентационные, компоненты. Для США, например, такими компонентами являются культ индивидуального успеха на поприще «свободного предпринимательства», сочетание конформизма по отношению к существующим социальным нормам и институтам с ориентацией на максимальную независимость индивида в рамках этих норм и институтов¹; общество воспринимается как сфера игры индивидуальных интересов, как нечто подчиненное по отношению к ним. В буржуазной Германии развитие национальной психологии выработало иной тип индивидуализма: личность соотносит все свои индивидуалистические цели с неукоснительным выполнением долга, предписанного ей местом в социальной иерархии; стоящие над человеком со-

¹ См.: Гаджиев К. С. США: эволюция буржуазного сознания. М., 1981, гл. IV.

циальные институты, и прежде всего государство, признаются высшим регулятором его жизнедеятельности. Отсюда специфическое для этой психологии «государственное сознание», предполагающее ощущение тесной зависимости личных судеб от силы государства, чиновничество, пиетет перед законом¹. Для французской национальной психологии характерно своеобразное и противоречивое сочетание социального неконформизма, то есть склонности к отрицанию разумности и естественности существующих институтов и норм общественной жизни, логически-рационального регулирования индивидуального поведения и значительной роли гедонизма в личных жизненных ориентациях.

Разумеется, подобные исторически сложившиеся особенности психологии выступают лишь в виде тенденций, сосуществующих с различными контртенденциями, многие из которых развиваются и усиливаются под влиянием нового исторического опыта нации. Тем не менее эти относительно устойчивые компоненты выступают как фактор, влияющий на сознание и поведение различных социально-классовых групп и тем самым обуславливающий определенную общность динамики массового сознания в рамках национальных обществ.

Важнейшим механизмом, конституирующим, воспроизводящим и трансформирующим ту или иную общность, являются межгрупповые психологические, культурные и идеологические связи. В сущности, те или иные системы этих связей, возникающие в ходе исторического развития каждого общества, представляют собой реальную основу ценностно-ориентационных компонентов. Такого рода компоненты, как правило, восходят к ценностям и нор-

¹ В современной ФРГ этот тип сознания, хотя он значительно потеснен развитием демократических установок и настроений, все еще является довольно распространенным. См., напр.: *Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. Ein schwieriges Vaterland: Zur politischen Kultur Deutschlands. 2. Aufl. München, 1979, S. 130.*

мам определенной социальной группы (класса, слоя), которой на том или ином историческом этапе удается распространить свои представления и ориентации в масштабах всей нации.

Естественно, что наибольшими возможностями такого «распространения» в капиталистическом обществе обладал и обладает класс буржуазии. Вместе с тем важно учитывать, что формирование наций и национальной психологии происходило в условиях, когда этот класс также еще только формировался и по своей структуре и сознанию значительно отличался от современного капиталистического класса. Кроме того, он не обладал еще развитым аппаратом идеологического воздействия. В этих условиях реальное влияние на национальные особенности психологии могли оказать наиболее многочисленные, представлявшие действительно массовые слои народа либо тесно связанные с этими массами группы этого класса; и от идейно-психологического облика таких групп как раз и зависело конкретное содержание тех ценностей и представлений, которые они вносили в национальную психологию. Так, в психологии американцев глубже всего укоренились черты предприимчивой и демократически ориентированной мелкой буржуазии, представлявшей собой основную силу формирования американской нации. Революционная, антифеодално настроенная мелкая буржуазия, наиболее активную часть которой составляла радикальная интеллигенция, наложила неизгладимый отпечаток на психологию французской нации. Немецкая «культура верноподданных» воспроизводит характерные особенности идейно-психологического облика бюргерства — той наиболее многочисленной части буржуазного класса, которая в силу особенностей исторического развития страны долгое время зависела политически и духовно от абсолютистского государства. Так называемая «почтительность», которая обычно признается устойчивой чертой британской национальной пси-

хологии¹ и подразумевает признание незыблемости традиционных общественно-политических порядков, очевидно, объясняется исторически тем фактом, что в процессе своего становления английская буржуазия сливалась с земельной аристократией и воспринимала некоторые существенные черты феодально-аристократического мировоззрения.

Психические особенности нации нельзя в то же время рассматривать как некое застывшее, совершенно неизменное образование. Они эволюционируют под воздействием процессов и событий национальной истории, причем решающее воздействие на их динамику оказывают те социальные группы, которые выступают в качестве ведущего субъекта исторического действия в решающие, поворотные моменты социально-политического развития. Чем шире и чаще роль такого субъекта переходит к антикапиталистическим силам, прежде всего к национальному и международному рабочему классу, тем менее абсолютной становится культурно-идеологическая гегемония буржуазии, тем большее влияние на национальную психологию оказывают враждебные капитализму ценности и представления. Это влияние особенно четко проявляется в странах, в которых существует мощное политически и идеологически самостоятельное рабочее движение.

В целом для современного капиталистического общества характерны процесс интенсификации межгрупповых социально-психологических, культурных и идеологических связей и вместе с тем их возрастающая сложность, противоречивость, разнонаправленность. Ослабление былой групповой изоляции, с одной стороны, расширяет возможности господствующего класса навязывать массовому сознанию свои нормы, ценности, представления; находя-

¹ Almond G. A., Verba S. The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton, 1963, p. 257.

щийся в его руках разветвленный аппарат идейно-психологического воздействия, контролируемые им средства массовой информации и так называемая «массовая культура» в огромной мере содействуют решению этой задачи. С другой стороны, возрастающая общественная активность масс, наличие и укрепление социально-политических сил и движений, осуществляющих массовое давление на господствующий класс, положили конец его монопольной роли в формировании общих, объединяющих моментов содержания массового сознания. Межгрупповые связи все чаще идут не только «сверху вниз» в русле культурно-идеологической гегемонии господствующего класса, но и «снизу вверх»: власть имущие вынуждены принимать те или иные ценности, принципы, цели, выработанные в процессе борьбы с их гегемонией. Поэтому общие надгрупповые черты массового сознания приобретают новое качество, все чаще выступают как продукты борьбы противоположных идейно-мировоззренческих принципов, что определяет их возрастающую внутреннюю противоречивость.

Если рассмотреть в комплексе все исторические и современные факторы, формирующие единство массового сознания общества,—его общеформационные и национальные характеристики, наличие концентрирующих его внимание проблем, интенсификацию межгрупповых связей, то становится более ясным содержание таких понятий, как «состояние» и «тенденции» массового сознания. Речь идет о таких явлениях этого сознания и массовой психологии, которые в той или иной мере охватывают *все общество*, хотя и воплощаются по-разному в психологии и сознании различных социальных групп, носителей различных психологических и идеологических ориентаций. Учитывая небывалые прежде масштабы процесса интернационализации общественной жизни, возрастающее сближение как объективных, так и социально-психологических аспектов условий и образа жизни масс в стра-

нах развитого капитализма, термин «все общество» может быть применен не только к каждой из этих стран, но и к развитому капиталистическому миру в целом (что, разумеется, не должно вести к какой-либо недооценке весьма значительной национальной специфики социально-психологических явлений и процессов).

Исходя из такого понимания тенденций массового сознания, можно выделить критерии, характеризующие его исторически определенные состояния, этапы его развития в рамках изучаемого периода. Такими критериями являются изменения в соотношении различных его тенденций, ведущий «вектор», направленность такого рода изменений. Наиболее надежным показателем этой направленности служит динамика массового влияния различных идей и социальных представлений: какие из этих идей и представлений распространяются в более широких, чем прежде, масштабах и какие, напротив, утрачивают ту или иную часть своего бывшего влияния.

На протяжении послевоенных десятилетий в капиталистических странах неоднократно происходила такая смена ведущих тенденций массового сознания. Ее движущей силой были изменения в международных условиях и во внутренней — экономической, социальной, политической — обстановке в этих странах.

Часть вторая

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

1

Надежды и страхи послевоенных лет

Для народов Западной Европы, Японии и (в меньшей мере) Северной Америки годы после второй мировой войны — время глубоких и резких перемен, охвативших самые разные стороны жизни. Переход от войны к миру всегда отражается в массовом сознании как переломный момент, точка отсчета некоего качественно нового бытия. Солдаты, вернувшиеся с фронта, жители вчерашнего тыла, сбросившие напряжение и страхи военных лет, — все они испытывают чувство обновления: в чем-то изменились и они сами, и окружающий мир, у всех них начинается новая жизнь, со своими заботами и проблемами, но и с иными, чем прежде, горизонтами и возможностями.

Выход из войны 1939—1945 годов, небывалой по своим масштабам и воздействию на судьбы людей, по значению поставленных ею проблем, придавал подобным ощущениям особую остроту. Для народов разгромленных фашистских государств смысл событий не сводился к обычному военному поражению; речь шла о чем-то гораздо большем — о крутой ломке всего общественно-политического уклада, многих укоренившихся в сознании ценностей и представлений. И спустя несколько десятилетий станет ясно, что глубокое потрясение, испытанное военным поколением, не прошло бесследно; оно стало на-

чалом перестройки не только политического сознания широких масс, но и всей национальной психологии.

В капиталистических странах, победивших в войне или сбросивших иго гитлеровской оккупации, разгром фашизма пробудил новые, поначалу не особенно ясно осознанные общественные стремления. Большинство западноевропейцев явно не хотело простого возврата к довоенному прошлому: в странах континента к руководству обществом выдвинулись новые политические силы. Парадоксальная политическая судьба двух наиболее авторитетных национальных лидеров военных лет — У. Черчилля и Ш. де Голля отразила это стремление масс к социальным переменам. Однако развязанная империализмом «холодная война» против Советского Союза и стран строящегося социализма, экономическая и политическая гегемония США в капиталистическом мире, разгул антисоветизма и антикоммунизма затормозили демократический подъем первых послевоенных лет.

В последующие годы на глазах прошедшего войну поколения стал меняться весь облик мира. В странах Восточной Европы, в Китае разворачивались победоносные революции; возникла и укреплялась мировая социалистическая система; началось крушение колониальной системы империализма. Все эти процессы ознаменовали вступление капитализма в новый этап его общего кризиса; в массовом сознании они, разумеется, вызывали разнообразные суждения и эмоции, но во всех случаях воспринимались как свидетельство возросшей подвижности, изменчивости глобальной социальной действительности. Эта действительность уже не могла восприниматься как нечто устойчивое, самовоспроизводящееся, от нее стали ждать новых «сюрпризов», в мировосприятии людей резко возросло значение проблем будущего. Массы ощутили себя реальными участниками исторически значимых перемен, и эта переориентация их интересов на перемены, на будущее стала одной из важнейших социально-психологи-

ческих предпосылок ряда тенденций общественного сознания, многих направлений и форм идеологической борьбы.

Эту переориентацию питали не только сдвиги на мировой арене, но и поток изменений в условиях повседневной жизни. Капитализм реагировал на углубление своего кризиса ускорением научно-технического развития, разработкой и внедрением государственно-монополистической системы управления экономическими и социальными процессами. Вызванные НТР быстрые изменения в образе жизни, в культуре и в быту, в способах получения информации, вообще в самых различных сферах человеческой деятельности порождали и укрепляли представления о наступлении новой эры, в которой завтрашний день по многим параметрам будет не похож на вчерашний и сегодняшний. Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический во многом меняло сложившиеся ранее представления о роли государства, политической деятельности в жизни индивидов и общества, о факторах, определяющих экономическое и социальное положение масс. Обстановка экономического роста 50-х годов порождала веру в возможность рационального регулирования социально-экономического развития в условиях капитализма, преодоления его анархического характера; независимо от отношения к конкретной государственной политике она все чаще стала рассматриваться как фактор материального и социального благополучия, реальная либо потенциальная движущая сила позитивных общественных изменений.

В принципе столь сложный, противоречивый, с трудом поддающийся целостному осознанию комплекс перемен, которым характеризовалась общественная действительность первых послевоенных десятилетий, порождал два основных типа социально-психологических реакций. С одной стороны, *страх перед будущим*, перед его возрастающей неопределенностью, резко усилившийся с появлени-

ем угрозы мировой термоядерной войны. С другой стороны, возросли и *надежды на будущее*, на новые перспективы, которые открывают перед людьми возможность обитания мира.

Глубоким психологическим источником эволюции массового сознания в этот период стало широко распространившееся чувство новых возможностей и горизонтов, открывшихся перед людьми и обществом. Оно вело к росту социальных ожиданий, к усилению мотивации, стимулирующей деятельность по их реализации. Сработал механизм воздействия познавательных факторов — представлений о границах возможного — на мотивационную сферу, причем решающую роль сыграл сам процесс расширения этих границ, ослаблявший их субъективное ощущение в психике, как бы стиравший различие между «синицей в руках» и «журавлем в небе». В качестве «первичной установки», то есть глубинного, направляющего принципа мотивации и поведения людей, стал все чаще выступать принцип «роста», «развития», иными словами, ускорило возвышение массовых потребностей.

Естественно, что капитализм, его аппарат идеологического воздействия попытались сплавить различные тенденции массового сознания в единый комплекс, «работающий» в интересах укрепления капиталистической системы, ее борьбы с силами социального прогресса. Ощущение опасностей, таящихся в меняющемся мире, империалистическая идеология и политика стремились преобразовать в страх перед «советской агрессией», «экспансией мирового коммунизма». Пробудившиеся надежды масс адепты «нового», «организованного» капитализма использовали, чтобы укрепить в них веру в его способность на основе научного и технического прогресса добиться всеобщего благоденствия и социального подъема, свободы от материальных лишений и тяжелого труда, преодолеть классовые противоречия. Социальный консенсус во имя отпора «угрозе с Востока» и всестороннего прогресса в

рамках «западного сообщества» — таким был главный смысл массированного идеологического наступления капитализма на внутреннем фронте, опиравшегося как на атмосферу «холодной войны», так и на обстановку ускоренного технико-экономического развития, «экономических чудес» 50—60-х годов.

Стратегам капитализма не удалось добиться полной и необратимой перестройки общественного сознания в духе такого консенсуса. Однако «образы общества» и модели индивидуальной жизнедеятельности, выработанные обновившейся буржуазной идеологией, оказали немалое влияние на процесс «опредмечивания» возвысившихся потребностей, на их переработку в определенные ценностные и жизненные ориентации. Ведущими ценностями общественной и личной жизни эта идеология провозглашала эффективность, компетентность, прагматический рационализм. Руководствуясь этими ценностями, индивид якобы обеспечивает себе условия беспрепятственного социального роста: социальная структура подобна лестнице, по которой каждый может подняться и достигнуть ступени, соответствующей его достоинствам и заслугам.

Проникновение такого рода представлений в общественную психологию, их преобразование в конкретные типы сознания и поведения носили социально-дифференцированный характер. Обусловленное научно-технической революцией возрастание роли менеджеров, научно-технической интеллигенции и других категорий высококвалифицированных специалистов, занятых в частных фирмах и государственных учреждениях, создавало особенно широкую базу для восприятия обновленных буржуазных ценностей¹. Дух прагматической эффективности, технократизма, сциентизма легче всего распространялся в этой среде.

¹ См.: Демченко Э. В. Современная технократическая идеология в США. М., 1984, с. 33—34.

Положение и психологию большинства высших и средних служащих, чиновников, растущего числа научных работников обуславливает не столько творческая деятельность, сколько иерархические отношения, складывающиеся в условиях крупных бюрократических организаций (фирм, учреждений и т. д.). Эта иерархически-бюрократическая социальная ситуация укрепляет и развивает ориентацию на карьеру, означающую стремление «выбиться вверх», ожесточенную конкурентную борьбу с коллегами. Молодой американский юрист, вспоминая свою работу в страховой компании, рассказывает, что в ней «все было пронизано духом конкуренции. Вы должны были подмять другого парня и, встав на него, продвигаться таким образом вверх. Вы знаете, что, если вы этого не сделаете, он постарается перехитрить и обойти вас»¹.

Усиление роли ориентации на карьеру является одним из наиболее характерных социально-психологических последствий послевоенной «перестройки» капитализма; в ней можно видеть одну из наиболее «массовидных» проекций в индивидуальной психологии и поведении ценностей «роста» и «эффективности», насаждавшихся его идеологическим аппаратом. Социальная среда ее распространения не ограничилась лишь средними и высшими служащими и специалистами: в условиях роста профессиональной мобильности, вызванного научно-технической революцией, в возможности «карьеры» верила и известная часть рядовых трудящихся.

В то же время в наиболее широких слоях рабочих и служащих данная ориентация не могла стать и не стала ведущим способом «опредмечивания» новых потребностей и социальных ожиданий. Этому мешали объективные и психологические барьеры, обусловленные классовым неравенством. Большинство рабочих опыт отноше-

¹ *Terkel St. Working*. N. Y., 1974, p. 538—539.

ний в капиталистическом производстве убеждал в невозможности сколько-нибудь существенно повысить свой профессиональный и социальный статус. Так, в конце 60-х годов примерно две трети американских рабочих считали, что у них нет никаких шансов на продвижение на работе¹. Связанные с научно-технической революцией изменения в организации и условиях труда служащих все больше сокращали возможности карьеры и для большинства трудящихся «в белых воротничках»².

В целом послевоенный капитализм углубил и обострил противоречие между ведущими тенденциями общественной психологии — стремлением людей жить по-новому, иначе, лучше — и реальными условиями их жизнедеятельности. Возросшие социальные ожидания большинства наталкивались не только на традиционные формы эксплуатации, отчуждения, классового неравенства, но и на сужавший сферу индивидуальной инициативы процесс бюрократизации самых различных видов деятельности, на дальнейшее развитие капиталистической «рационализации» производства, все более обеднявшее содержание массовых видов труда. Это противоречие увеличивало напряженность личной и общественной психологии. В условиях капитализма 50—60-х годов одним из наиболее распространенных способов временной разрядки этой напряженности, «опредмечивания» возвысившихся потребностей людей стала концентрация их мотивов в сфере материального потребления. Не случайно термин «общество массового потребления», введенный в оборот американским экономистом У. Ростоу, превратился в этот период в одно из наиболее ходячих определений послевоенного капитализма.

¹ Blue-collar workers. A Symposium in Middle America. N. Y., 1971, p. 83—84.

² См.: *Песчанский В. В.* Служащие в буржуазном обществе. (На примере Англии), с. 143 и др.

Блеск и нищета «общества потребления»

Впечатление, произведенное массированным наступлением «потребительства», побудило многих авторов к раздуванию его масштабов, а нередко и к упрощающему реальному процесс отождествлению родственных, но все же различных социально-психологических ориентаций. Потребительская ориентация в точном смысле слова выражает устремленность личности к расширению и обновлению материального потребления, «погоню за новыми вещами» как к самоцели, ведущую роль материальных потребностей в системе ее мотивов и способов самореализации.

Развитие и массовое распространение этой ориентации стимулировалось действием ряда экономических, социальных, культурных и идеологических механизмов капиталистического общества¹. Достижения научно-технической революции были мощным фактором расширения и обновления структуры массового потребления. Вместе с тем все более значительное влияние на этот процесс оказывали присущая капитализму практика формирования искусственных, иллюзорных потребностей, продажа товаров в кредит².

В условиях роста массового производства таких новых или доступных в прошлом лишь высшим слоям общества товаров, как автомобили, телевизоры, холодильники и другое домашнее электрооборудование, транзисторные приемники, магнитофоны и т. д., естественно, должна была изменяться и структура потребления трудящихся. Буржуазная пропаганда и реклама использовали этот закономерный и прогрессивный в своей основе процесс в

¹ См.: Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1975, т. 1, с. 161—165; Мотышов В. П. Мифы и реальность «общества потребления». М., 1977; Кейзеров Н. М. Патология потребительства. М., 1977.

² См.: Социально-экономические проблемы трудящихся капиталистических стран. М., 1974, с. 263—279.

целях насаждения культа потребления. Вместе с тем распространение потребительской ориентации явилось одним из психологических последствий дестабилизации социальных связей, которую испытали в данный период многие слои населения капиталистического общества.

Основой этой дестабилизации были сдвиги, происходящие в социальной структуре капитализма под влиянием научно-технической революции. Усилившиеся процессы пролетаризации, разорения фермеров и мелкой городской буржуазии¹, изменения в профессиональной структуре самодеятельного населения, его усилившаяся концентрация в растущих городских агломерациях, общий рост его территориальной и профессиональной мобильности² — все это вырывало десятки миллионов людей из привычных условий существования и социальной среды. В то же время экономические и социальные изменения в известной мере нивелировали уровень и образ жизни, быт, структуру потребления различных категорий трудящихся. Так, уровень доходов многих рабочих сравнялся или даже превысил заработки рядовых служащих, доходы мелких предпринимателей. Соответственно сближались и условия их жизни. Наряду с сохранением и усилением материально-имущественных различий между буржуазными «верхами» общества и основной массой рабочих и служащих формировался определенный среднеобщественный стандарт образа жизни, материального и культурного потребления, символизируемый, например, такими бла-

¹ В США с 1946 по 1967 год доля работающих по найму в самодеятельном населении увеличилась с 77,5 до 91%, во Франции с 1946 по 1964 год — с 65 до 76%, в ФРГ в те же годы — с 67 до 80%, в Италии (в несельскохозяйственных отраслях) с 1956 по 1968 год — с 58 до 75,4% (см.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М., 1971, с. 8—9).

² См.: Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран. М., 1977; Рабочий класс в странах Западной Европы. К изучению социальных основ политического поведения. М., 1982, с. 11—13.

гами, как личный автомобиль и жилье с современными удобствами, такими способами использования досуга и получения информации, как телевидение.

Буржуазная идеология использовала все эти процессы для доказательства «стирания» классовых граней. В массовое обращение был пущен миф о «едином среднем классе», якобы охватывающем большинство населения, включая рабочих, служащих, мелкую и среднюю буржуазию, интеллигенцию и специалистов. Распространение подобных представлений облегчалось неясностью для части масс значения изменений в их положении, известным ослаблением «внешних», непосредственно ощущаемых признаков социально-классовой принадлежности людей. Как показывают многие опросы, не только большинство служащих, но и часть рабочих (разная в различных капиталистических странах) считали себя принадлежащими к среднему классу, нередко отождествляя его с рабочим классом и рассматривая как основной, центральный класс общества ¹.

«Средний класс» был для массового сознания не столько теоретическим понятием, сколько условным обозначением определенного типа культуры, способной дать социальные ориентиры и нормы поведения людям, оказавшимся в новой ситуации, утратившим привычные групповые связи. Мы имеем в данном случае в виду ту сторону весьма многогранного понятия «культура», которую особо выделял В. И. Ленин: «...достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки»². Опираясь на это ленинское положение, советские социологи Л. А. Гордон и Э. В. Клопов определяют культуру как «систему знаний, норм, обычаев, стереотипов, цен-

¹ Projel, 1977, N 120, p. 1220; British Journal of Sociology, 1979, vol. 30, N 4, p. 389—414; Public Opinion Quarterly, 1979, vol. 43, N 4, p. 443—462; Revue française de sociologie, 1970, vol. 11, N 3, p. 311—338.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 390.

ностных ориентаций, функционирующих в той или иной среде»¹. Такого рода культурные комплексы, отражающие опыт и условия жизнедеятельности определенной социальной среды, в научной литературе нередко называют субкультурами, подчеркивая тем самым их своеобразие и вместе с тем подчиненное отношение к общенациональным и классовым культурам.

В ходе предшествующего исторического развития в капиталистических странах сложилось несколько таких субкультур — рабочая, крестьянская (или фермерская), городских средних слоев, крупной буржуазии и т. д. Особенность многих из них состоит в том, что они существуют и передаются от поколения к поколению в процессе непосредственного межличностного общения людей, принадлежащих к одной и той же социальной и локальной общности. «Классическим» примером такой общности может служить население рабочего поселка, связанное с определенной отраслью промышленности или крупным предприятием. «Материализуемые» таким образом субкультуры, во-первых, обеспечивают устойчивую систему социальных связей людей, как бы соединяя непосредственные межличностные связи с групповыми, классовыми, закрепляют тем самым социальную ориентацию индивидов, их психологическую интеграцию в большую социальную группу. Во-вторых, субкультура, воспроизводимая в рамках непосредственной социальной среды, как бы обеспечивает принадлежащих к ней людей готовыми эталонами мотивации и поведения: иерархией жизненных ценностей, способами самоутверждения личности в группе, защиты групповых интересов, принципами отношения к другим группам.

Отмеченные выше изменения в социальной структуре и расселении трудящегося населения не ликвидировали во-

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М., 1972, с. 46.

все такого рода субкультуры, но во многих случаях ослабили и частично размыли их. Социально однородные и относительно замкнутые в прошлом локальные общности (в рамках городских кварталов, промышленных или аграрных поселков) все чаще уступали место общностям, объединявшим людей различного социального происхождения и культурных традиций, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам. На какое-то время возникла социально-психологическая ситуация, которую характеризовала утрата многими людьми ощущения прочных корней в обществе, «естественных», самоочевидных ценностных и мотивационных ориентиров.

Образовавшийся таким образом культурный вакуум усиленно заполнялся так называемой «массовой культурой», которую распространял весь разветвленный аппарат буржуазного идейно-психологического воздействия, особенно резко расширившаяся (в связи с развитием телевидения) система средств массовой информации. Эта «культура» воплощала установки «обновившейся» буржуазной идеологии в образы, эмоции, вкусы, жизненные идеалы, призванные ориентировать повседневную практику людей. Она внушала оптимизм, веру в возможность неограниченного прогресса индивидуальной жизни — прогресса, сводимого к успеху, продвижению по социальной лестнице, новым, все более разнообразным удовольствиям. Идеальный герой «массовой культуры» — активный, «динамичный» индивид, агрессивный, готовый на риск во имя «места наверху». В системе ее ценностей труд — не самоцель, а лишь средство завоевания власти и богатства, моральные принципы — дело второстепенное, традиции — обветшавший хлам.

Идейное содержание «массовой культуры», ее эстетические и ценностные эталоны тесно слиты с коммерческой рекламой: обладание красивыми и удобными вещами, создаваемыми техническим прогрессом, выступает в ее образной системе как выражение счастья и успеха чело-

века, символ его приобщения к прогрессивному движению общества. «Массовая культура» 50 — 60-х годов — это вульгарный, «рыночный» вариант технократического «прогрессизма» и вместе с тем это культура «общества потребления» и «единого среднего класса».

Процессы, сформировавшие «массовую культуру», развились раньше всего в США. В первые послевоенные десятилетия шел ее массированный экспорт в Западную Европу и Японию, этот период отмечен «американизацией» быта, нравов, культурной жизни всего капиталистического мира.

Как считает французский социопсихолог Б. Катля, в течение трех послевоенных десятилетий во Франции завоевала господствующее положение культура «городского и индустриального мира — мира сверхпотребления». По данным исследований Катля, к середине 70-х годов на ценности этой культуры ориентировались 42% французов, среди которых он выделяет различные психологические типы. Во-первых, это «предприимчивые», во-вторых, «честолюбцы», которые не имеют объективных возможностей для делового успеха или карьеры и стремятся прежде всего к внешним символам статуса, ориентированы на престижное потребление. В-третьих, «гедонисты», для которых важнее всего удовольствия и комфорт. Представители четвертого типа — «дилетанты» — охотно критикуют «общество потребления», но в действительности их конформизм — это своего рода «потребительство наоборот»: они стремятся приобретать оригинальные вещи, следовать вызывающей «авангардной» моде. К этим типам примыкает еще один, наиболее массовый, представителей которого характеризует тенденция к самоутверждению путем приобщения к потребительскому стандарту, «превосходящему их объективные потребности». В результате получается, что к середине 70-х годов те или иные формы потребительской или близкой к ней гедонистской ориента-

ции были присущи 43% взрослого населения Франции¹.

Разумеется, достоверность такого рода «психологической статистики» весьма относительна, тем не менее эти данные позволяют судить как о масштабах «потребительства», так и о формирующих его социально-психологических механизмах. Духовная атмосфера, созданная наступлением технократического «прогрессизма» и массовой культуры, порождала ярко выраженную потребительскую психологию главным образом в тех слоях общества, которым по объективным причинам были недоступны другие пути «социального возвышения», предпринимательский успех, проникновение во «властвующую элиту». Это, с одной стороны, те представители средних слоев и немонополистической буржуазии, у которых не было шансов добиться больших успехов в конкурентной борьбе на рынке или в бюрократических организациях, с другой стороны, рабочие и рядовые служащие, отстраненные своим классовым положением от интересного, содержательного труда, не имеющие возможностей продвижения по работе.

Существенным стимулом развития потребительских установок явились изменения в характере социальных связей людей. В рамках традиционных субкультур людей объединяли общность трудовой деятельности и опыта, интересов, традиций, основанные на ней личные отношения. Новые, социально разнородные локальные общности не могли сразу создать своих собственных субкультур, какое-то время их объединяли только общий образ и стиль внетрудовой жизни. Формирование потребностей и мотивов личности обычно сочетает в той или иной мере механизм социальной имитации, то есть ориентацию потребностей на определенные общественные эталоны, и поиск индивидуальной автономии. Социальная среда, в которой отношения людей ослаблены и обезличены, способна «задавать» личности только эталоны потреби-

¹ Cathelat B. Les styles de vie des Français, p. 53—77, 96—97.

тельские: и интеграция в общность, и выделение внутри нее сводятся к задаче «иметь то же, что другие» или «больше других».

В работе западногерманского марксиста К. Маазе приводятся показательные с этой точки зрения данные об отношениях между жителями одного из районов Мюнхена, 45% населения которого составляли в момент опроса (в 1965 г.) рабочие и 30% — служащие. 60% опрошенных жителей района заявили, что они предпочитают «отдаленные» отношения с соседями, большинство дали своим соседям отрицательные характеристики («излишне любопытные», «завистливые», «недружелюбные» и т. д.), 79% высказали мнение: «Лучше всего ни на кого не обращать внимания, тогда избавишь себя от многих неприятностей». Другие опросы, проведенные примерно тогда же в промышленных центрах Дортмунде и Вольфсбурге, отразили примерно такую же картину взаимоотношений соседей и выявили их социально-психологическую основу: соперничество в сфере потребления, порождаемые им взаимные зависть и недоброжелательство. «Каждый хочет обскакать других...— говорили опрошенные рабочие.— Каждый должен иметь то же самое, что есть у соседа, и люди залезают в долги... Если кто-либо заработал больше других, все ему завидуют»¹.

Ослабление в той или иной части масс групповых, в том числе классовых, социальных связей, распространение культа потребления деформировали в массах стремление к социальному возвышению. Новые вещи, повышение потребительского стандарта стали восприниматься относительно широкими слоями как символ «роста», приобщения к новому «среднему классу». Воздействие такого рода иллюзий на мотивы личности нередко превращало чисто престижное, демонстративное потребление в главную жизненную цель, которой подчинялись все другие потребности.

¹ Maase K. Lebensweise der Lohnarbeiter in der Freizeit. Frankfurt a. M., 1984, S. 87—88.

Такой пронизанный индивидуализмом тип личной психологии нередко крайне отрицательно сказывался на общественной активности и интересах трудящихся, их классовом сознании. Например, 60% западногерманских рабочих, опрошенных в разгар экономического «бума» (1955 г.), согласились с тезисом, что с 1948 года «жизненный уровень в ФРГ непрестанно повышался. Единственное, что нам нужно,— это дальнейшее сотрудничество всех профессиональных групп и слоев населения»¹. И только 24% рабочих высказались за радикальные средства отстаивания своих интересов.

Психология потребительства усиливала конформистские тенденции массового сознания, облегчала пропаганду антикоммунизма и антисоветизма. Однако даже в самый разгар потребительского бума широкие массы трудящихся активно выступали против внутренней и внешней политики империализма. С конца 50-х годов в ряде капиталистических стран усиливается забастовочная борьба трудящихся, идет процесс полевения профсоюзного движения². В Англии и ФРГ возникают широкие движения против ядерного вооружения этих стран, в Японии разворачивается массовая борьба против военного союза с США. Рабочий класс и трудовая интеллигенция Италии своими массовыми выступлениями срывают в 1960 г. попытку установления клерикально-полицейского режима в стране, во Франции в первой половине 60-х годов начинается процесс объединения левых сил, усиливается борьба против колониализма и ультраправой реакции.

Центром сопротивления социальной тактике государственно-монополистического капитализма повсюду был

¹ Цит. по: *Иерусалимский В. П.* О некоторых особенностях сознания рабочего класса Западной Германии.— В кн.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма, с. 74.

² См.: *Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории.* М., 1981, т. 6, с. 279 и др.

организованный рабочий класс, все те слои и группы общества, которых объединяли демократические и коллективистские ценности и традиции. Естественно, что это сопротивление было сильнее всего в тех странах, в которых такие ценности укреплялись массовым влиянием революционной социалистической идеологии и распространяющих ее коммунистических партий, там, где принципы этой идеологии вошли в культуру и психологию широких слоев населения. Взаимодействуя с этими принципами, новые социальные ожидания масс порождали установки и устремления, органически враждебные потребительскому индивидуализму. Например, проведенный в 1965 г. опрос работников ряда крупных предприятий парижского района показал, что как рабочие, так и инженерно-технические кадры в своем большинстве отвергали выдержанную в духе господствующей идеологии индивидуалистическую «модель продвижения» («вознаграждение лучших») и высказывались за «коллективное продвижение» («лучшие возможности для всех»). Среди инженеров сторонников индивидуалистических принципов оказалось, естественно, больше, чем среди рабочих, однако характерно, что и на них сильное влияние оказывала коллективистская рабочая культура, укоренившаяся в «красном поясе» Парижа. И в то же время ее ценности были серьезным противоядием «потребительству»: 80% всех опрошенных считали, что для молодого человека, выбирающего профессию, работа, соответствующая его интересам, важнее, чем заработок¹. Такого рода суждения высказывала значительная часть опрошиваемых и в других капиталистических странах².

В целом два послевоенных десятилетия стали временем глубокой перестройки массового сознания. Господ-

¹ *Durand Cl., Durand M. La promotion professionnelle et les horizons sociaux* P., 1965, p. 223, 319.

² *Eine Generation später: Bundesrepublik Deutschland 1953—1979.* München, 1983, S. 190, Tab. 66.

ствующий класс использовал изменения в условиях жизни масс для «приручения» их к капиталистическим порядкам, насаждения потребительства, индивидуализма, карьеризма. Но в этот же период происходит качественный рост потребностей трудящихся, расширяется их кругозор, и эти процессы подготавливают глубокий кризис «обновленных» ценностей буржуазного образа жизни.

В поисках новых ценностей

Конец 60-х — 70-е годы — переломный период в развитии массового сознания капиталистического общества. Известный американский исследователь общественного мнения Д. Янкелович писал в 1981 году о «подлинной культурной революции», которая «продвигает нашу индустриальную цивилизацию к новой фазе человеческого опыта»¹. Опросы общественного мнения, конкретные социологические исследования действительно показывают, что в конце 60-х и 70-х годах в сознании значительной части масс проявились определенные новые тенденции. В частности, в относительно широких слоях населения капиталистических стран приобрели влияние ценности, противостоящие нормам буржуазного образа жизни, идеям и представлениям, насаждавшимся послевоенным капитализмом. Ценностная переориентация затронула прежде всего отношение людей к повседневной деятельности в сферах труда, семейной жизни, досуга, смысл и значение каждой из этих сфер для личности, их иерархию и соподчинение.

Так, в американском обществе с традиционно присущим ему культом доллара, восприятием денежного дохода как главной цели любой трудовой деятельности наметились явно противоречащие этим установкам со-

¹ *Yankelovich D. New Rules*, p. XX.

циально-психологические явления. Проведенное в США в 1971 г. весьма тщательное исследование А. Кэмпбелла, П. Конверса и У. Роджерса выявило, что в иерархии факторов, влияющих на отношение американцев к труду (в среднем по различным категориям населения), уровень зарплаты занимает третье место, на первом же находится интерес к труду, на втором — возможности использования собственной квалификации¹.

С этим, очевидно, связаны изменения в отношении к реально выполняемой работе. За четыре года — 1973—1977 — с 43 до 32% снизилась доля опрошенных американцев, считающих свою работу интересной². В 1978 году 58% опрошенных американцев не согласились с мнением, что для главы семьи правильнее выбрать лучше оплачиваемую, чем интересную работу. В 1969—1977 годах от 44 до 60% повысилась доля тех, кто предпочел бы другую работу, в 1979 году 64% опрошенных заявили, что американцы менее горды своей работой, чем 10 лет назад³.

Сходные явления наблюдаются и в других капиталистических странах. Так, в ФРГ с 1953 по 1979 год с 50 до 38% уменьшилась доля опрошенных, считающих свою работу «всегда интересной», причем среди рабочих — с 39 до 27%, среди служащих — с 62 до 39%, среди чиновников — с 67 до 46%. В 1962—1976 годах с 36 до 56% возросла доля опрошенных наемных работников, считающих, что внеуродовая деятельность важнее для них, чем труд⁴.

Во Франции в 1971—1978 годах с 53 до 39% уменьшилась доля опрошенных, выразивших желание рабо-

¹ *Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The Quality of American Life.* N. Y., 1976, p. 299.

² *Monthly Labor Review*, 1982, vol. 105, N 11, p. 35.

³ *Public Opinion*, Dec. 1979/Jan. 1980, vol. 3, N 1, p. 22, 24, 36, 37.

⁴ *The Germans. Public Opinion Polls, 1967—1980.* Westport — London, 1981, p. 317, 326.

тать больше ради увеличения заработка¹. Сходную позицию заняли в 1977 году около трети опрошенных британцев².

О чем свидетельствуют эти данные? Нельзя забывать о том, что выбор между интересной и бессодержательной, но выше оплачиваемой работой для подавляющего большинства трудящихся существует лишь «на бумаге» — в формулировках социологических опросов. В реальной жизни это большинство не имеет никакой альтернативы неинтересному труду ради удовлетворения насущных потребностей. Если, конечно, не считать такой альтернативой безработицу, которая в современных условиях стала в капиталистических странах уделом миллионов людей... Поэтому отраженные в опросах изменения в отношении к труду затрагивают не столько реальные, то есть непосредственно направляющие поведение, сколько идеальные мотивы людей — те ценности, которые проникли в их сознание, но в силу реально существующих социальных условий не могут сколько-нибудь полно воплотиться в практику.

Отсюда, однако, не следует, что эти изменения носят поверхностный, чисто «словесный» характер. Приведенные данные свидетельствуют об ослаблении тех установок и социальных норм, которые капитализм в течение веков внедрял в массовое сознание. В соответствии с этими нормами труд ради заработка — высший моральный долг личности, а размер заработка — главное мерило социального достоинства и значения труда. Отказ от подобных представлений — глубокий социально-психологический процесс, отражающий возвышение потребностей трудящихся и в то же время в условиях капитализма неизбежно усиливающий противоречивость мотивационной

¹ Le Nouvel Observateur, 1978, № 734, p. 92—93; Projet, 1983, N 177, p. 679—680.

² New Society, 1977, Apr. 28, vol. 40, N 760, p. 160.

сферы массового сознания. Этот процесс обостряет духовный кризис капитализма: происходит психологическое обесценение труда как ведущего способа связи личности с обществом, главного условия социального вознаграждения и признания индивида.

Рост потребности в труде, удовлетворяющем своим внутренним содержанием, естественно, усиливает психологическое неприятие обезличенной, неинтересной работы. Но если эта потребность не удовлетворяется, интересы человека в той или иной мере перемещаются в сферу внетрудовой жизни, которая становится для него все более важным полем «опредмечивания» духовных потребностей. Так, интервью, проведенное в 1981 году с молодыми (до 35 лет) инженерами и административными работниками автомобильных заводов «Рено» во Франции, показало, что те из них, кто разочаровался в работе и карьере, интересуются главным образом семейной жизнью, досугом, спортом¹.

Если для человека-потребителя вещи — смысл и цель жизни, за которую он готов заплатить самым напряженным и чрезмерным трудом, жертвовать досугом и общением с семьей, то жизненные ориентации на досуг, домашнюю жизнь, семью предполагают отношение к вещам как к средству, обеспечивающему полноценную жизнь вне труда. Однако, относясь иначе, чем «потребитель», к труду, деньгам и вещам, человек, принявший такие ориентации, фактически работает, как и он, ради денег и вещей, необходимых для реализации его устремлений. Отсюда глубокая противоречивость той психологической эволюции, которая связана с моральным кризисом «потребительства» и изменением отношения к труду значительной части трудящихся капиталистических стран.

¹ Les jeunes cadres de Renault. Leur avenir et leur entreprise. Rapport. P., 1981, p. 24.

Жить иначе... Но как!

Эту противоречивость отражают многие явления в массовом сознании и поведении, характерные для капиталистического общества 70—80-х годов. Одно из них — распространившееся особенно широко в младшем поколении трудящихся психологическое неприятие бессодержательной, подавляющей личность работы. «Я не могу жить так, как мой отец, — говорит 18-летний французский рабочий. — Он ждет понедельника, чтобы идти вкалывать. А я? Я, когда работаю, жду субботы. У меня по крайней мере есть цель: я жду субботы, чтобы развлечься». — «Я начал работать с 18 лет, — вторит ему сверстник, — и закончу в 60 лет. А что я получу? Деньги, чтобы есть, одеваться, платить за квартиру, и все... Нет, так не пойдет! Это отвратительно. Вот почему я не хочу жить, как они» (старшее поколение. — Г. Д.)¹.

Жить иначе... Но как? Подобная установка способна порождать весьма различные типы поведения. Она может стимулировать общественную активность, участие в коллективной борьбе за права своего класса, за принципиально иное положение трудящихся в производстве и обществе. В конце 60—70-х годах заметно возросло число забастовок и других массовых выступлений, целью которых было не повышение зарплаты, но изменение организации и содержания труда, предполагающее предоставление работнику большей самостоятельности и инициативы в трудовом процессе, участие трудящихся в решении производственно-технических вопросов². Так, крупным событием в американском рабочем движении стала разразившаяся в 1972 году забастовка 10 тыс. молодых (средний возраст — 24 года) рабочих завода «Дженерал моторс» в Лордстауне, направленная против

¹ Des classes dominées aux classes dominées: les jeunes entre révolte et résignation. P., 1982, p. 8—9.

² См.: Международное рабочее движение, т. 6, с. 325—328.

потогонной конвейерной системы труда. «Среди новой массы рабочих,— говорил о мотивах забастовки профсоюзный активист из Лордстауна,— многие лучше образованы и менее уступчивы, чем их родители. Для них деньги не являются достаточной компенсацией за жизнь, отдаваемую конвейеру... Парни хотят чувствовать, что они приносят подлинную пользу. Они не хотят чувствовать себя частью машины»¹.

Протест против порабощающего труда может принимать, однако, и совершенно иные формы. «Мы страдаем от прогулов среди молодых рабочих,— говорил журналисту 57-летний квалифицированный рабочий из Детройта.— Их больше интересует отдых, их лодки»². По словам французского пожилого рабочего, молодые «не хотят работать. Они думают только о развлечениях... Они предпочитают оставаться в постели до полудня, бездельничать, шататься без цели»³.

Бесспорно, кризис традиционной трудовой этики может приводить и нередко приводит к этике «антитрудовой», к принятию какой-то частью молодежи люмпен-пролетарского идеала «свободы от труда». «Мы работаем, чтобы жить, а не наоборот...— говорит 26-летний француз.— Я не хочу работать полное рабочее время... Меня часто называют бездельником, но мне это все равно. Я искренне считаю, что в наши идиотские времена это комплимент»⁴. Такие настроения фиксируются многими опросами конца 70 — начала 80-х годов.

Работа для денег была и остается наиболее типичной судьбой рядового труженика в рамках капиталистиче-

¹ Life, 1972, Sept. 1, p. 31; Business Week, 1972, Sept. 9, N 2245, p. 108.

² US News and World Report, 1979, vol. 87, N 10, p. 36.

³ Pialoux M. Jeunesse sans avenir et travail intérimaire.— Actes de la Recherche en Sciences Sociales, 1979, N 26—27, p. 197.

⁴ Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des Français. P., 1978, p. 152—153.

ских отношений. Поэтому он вновь и вновь вынужден вырабатывать психологические механизмы приспособления к этой неизбежной ситуации, подавлять свои духовные потребности.

В целом изменения в отношении к труду усиливают «поисковое» состояние массового сознания, ощущение неясности, нерешенности волнующих массы проблем быта жизни.

Можно утверждать, что эти изменения — не изолированное явление, но часть более общего процесса глубоких сдвигов в психологических отношениях между личностью и капиталистическим обществом, дискредитации тех нормативных представлений и установок, которые регулируют повседневную жизнедеятельность людей в системе капиталистических отношений. Этот процесс вызвал в свое время самые противоположные оценки: представители леворадикальных течений увидели в нем симптом возросшей внутренней свободы людей, разрывающих моральные путы мещанской респектабельности, стандартного потребительства, конформизма; консерваторы — явление падения нравов, морального одичания.

Наиболее сильное впечатление на массовое сознание производят изменения в интимных сферах человеческой жизни — в нормах и установках, регулирующих семейные, сексуальные и вообще межличностные отношения, личную мораль. Это вполне понятно: если поведение людей в сфере труда определяется в условиях капитализма прежде всего экономическим принуждением, которому они вынуждены подчинять свои собственные потребности, то в частной жизни они располагают большими возможностями выбора форм поведения. Эволюция этих форм проявляется здесь более явно, происходит быстрее, резче. Поэтому она яснее осознается и на массовом уровне, вызывает достаточно определенные реакции в массовом сознании.

Так, в 1979 году немногим более одной пятой опро-

шенных американцев выразили сожаление об уходящих в прошлое нормах семейной жизни и отношений между полами¹, а спустя два года лишь менее четверти опрошенных жителей стран Западной Европы заявили о своем полном согласии с десятью библейскими заповедями — этим классическим воплощением «традиционной морали»². Эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство так или иначе вовлечено в процесс моральной переориентации и сознательно поддерживает его, а меньшинство держится за традиционные нормы.

Каковы же смысл, направленность этой переориентации? Прежде всего бросается в глаза ее неоднозначность, сочетание в ней совершенно противоположных тенденций. Так, Э. Кемпбелл отмечал в 1979 году, что «брачные отношения являются основной социальной опорой американцев»³. Действительно, массовые опросы говорят об абсолютном преобладании ценности семьи в системе жизненных ориентаций населения США. 74% опрошенных в 1978 году заявили, что главной ценностью для них является счастливая семейная жизнь (лишь 7% назвали такой ценностью карьеру и 4% — деньги)⁴. Но в то же время в 1957—1978 годах с 80 до 25% уменьшилось число опрошенных, считающих ненормальным положение незамужней женщины; в 1967 году 85%, а в 1979 году лишь 37% осуждали добрачные связи, в 1971—1980 годах с 34 до 51% увеличилась доля одобряющих раздельное проведение отпуска супругами. Три четверти американцев, опрошенных в 1979 году, считали нормальным для незамужней женщины иметь детей, в 1978 году 52% оправдывали незарегистрированные браки, в

¹ Yankelovich D. The New Rules, p. 96.

² Stoetzel J. Op. cit., p. 22.

³ Campbell A. The Happiest Americans — Who They Are? — US News and World Report, 1979, vol. 87, N 26, p. 65.

⁴ Public Opinion, vol. 3, N 1, Dec. 1980/Jan. 1981, p. 22.

1980 году 60% (против 52% в 1973 году) одобряли практику абортaв.

Две трети американских родителей соглашаются с мнением, что супруги не должны жить вместе ради детей, если они несчастливы друг с другом, что родители могут жить собственной жизнью, тратить на себя то, что они зарабатывают, даже если это уменьшает время и средства, которые они отдают детям. И примерно та же доля считает, что «дети не должны нести обязанностей по отношению к своим родителям, что бы те ни делали для них».

Данные демографической статистики показывают, что все эти установки довольно последовательно воплощаются в жизнь. В 50-х годах, отмечает Д. Янкелович, типичная американская семья, состоящая из работающего отца, матери-домохозяйки, одного или более детей, составляла 70% всех семей. В конце 70-х годов такие семьи составляли всего 15% домашних хозяйств, а доля бессемейных одиночек возросла до 23% (по сравнению с 10,9% в 1950 году). С 1960 по 1977 год удвоилась численность семейных пар, не связанных официальным браком. Увеличилось число разводов, в 70-е годы примерно 10 млн. американцев подвергло себя стерилизации¹.

Во многом сходные противоречия отражают данные западноевропейских обследований, хотя в этой части капиталистического мира в целом (если не учитывать весьма существенные различия между отдельными странами) приверженность традиционной морали в целом выше, чем в США. В 1981 году 85% опрошенных западноевропейцев назвали повышение роли семьи в качестве наиболее желательного для них изменения в образе жизни, половина заявила, что предпочитает проводить свободное от работы время в семье, две трети — что, именно находясь в семье, они испытывают наибольший психо-

¹ *Yankelovich D. New Rules*, p. XIV, XV, 93—96, 104.

логический комфорт. Но вместе с тем только треть опрошенных согласилась с библейской заповедью, осуждающей прелюбодеяние, а сторонников полной «сексуальной свободы» оказалось в три с половиной раза больше ее последовательных противников¹. Численность разводов и бесхозяйных одиночек растет в Западной Европе так же, как в США.

Изменения в семейно-брачных и сексуальных отношениях, в регулирующих их ценностных ориентирах, очевидно, имеют общую психологическую основу. Ее образуют две главные тенденции, характеризующие массовое сознание современного капиталистического общества. Во-первых, растущая стихийная оппозиция институциональному и ролевому характеру семьи, который она приобрела в системе капиталистических отношений. «Традиционный» брак отвергается не потому, что он моногамен (как утверждают некоторые буржуазные авторы²), и не потому, что он предполагает взаимные обязанности членов семьи. Протест вызывают функции семьи как института, укрепляющего и воспроизводящего существующие отношения господства и подчинения, подавляющего личностные стремления и потребности образующих ее людей. Потому и направляется этот протест прежде всего против ролей и ролевых норм, вытекающих из такого рода функций,— мужа и отца как иерархического «главы» семейной «организации», жены и матери — домашней хозяйки, детей, послушно усваивающих передаваемые им родителями социальные нормы.

Во-вторых, в семье ищут сферу приложения тех потребностей в эмоционально-психологической общности, близости с другими людьми, которые всячески искажаются и подавляются капиталистическими отношениями конкуренции, буржуазным индивидуализмом. Этот по-

¹ *Stoetzel J.* Op. cit., p. 22, 24, 122—124.

² *Mazur R. M.* The new intimacy: Open-ended marriage and alternative lifestyles. Boston, 1973, p. 12.

иск приобретает тем большую интенсивность, чем труднее личности найти свое самовыражение и самоутверждение в мире обезличенных профессионально-трудовых ролей и функций. Массовые опросы показывают, в частности, что характер межличностных отношений в семье приобретает все более важное значение в мотивах удовлетворенности семейной жизнью, оттесняя на задний план такие факторы, как ее материальная база и соответствие нормативным стандартам образа жизни. «Главное в браке — это эмоциональные связи», — размышляет молодой француз. А его соотечественница, мать двоих детей, констатирует, что «люди стали более требовательными к семейной жизни, больше ждут от нее»¹.

Естественно, что в условиях капитализма даже гуманистические по своим первичным источникам психологические тенденции сплошь и рядом порождают весьма уродливые явления. В этом сказывается и сила индивидуалистически-потребительских установок буржуазного массового сознания, и свойство коммерческой буржуазной культуры искажать духовные потребности людей, сводить их к примитивным импульсам, удовлетворяемым на рынке «наслаждений». Эти факторы извращают и стремление к «более человеческим» эмоциональным отношениям, и протест против обезличенности и лицемерия буржуазных брака и семьи; они содействуют развитию таких явлений, как растущая моральная распушенность, культ секса, апология всякого рода половых извращений и «экспериментов».

Отрицание «традиционной» морали при отсутствии достаточно ясных принципов иной, новой морали порождает в массовом сознании тенденцию к моральному релятивизму. О масштабах этого явления свидетельствует опрос в странах «Общего рынка»: 60% респондентов согласились с формулой «добро и зло целиком зависят от

¹ *Dallnval M. Une autre idée des français, p. 151, 153.*

обстоятельств данного момента». Среди них преобладают люди с высоким уровнем дохода и образования, сторонники неограниченной «сексуальной свободы», отрицающие, что дети при всех условиях должны любить и уважать своих родителей¹.

Разнонаправленные тенденции в сфере семейных отношений и морали имеют, таким образом, определенную социально-классовую почву. Повышение роли семьи в системе мотивов и интересов личности типично для пролетарской среды². Напротив, распушенность и вошедший в норму адюльтер процветают в буржуазных и «новых средних» слоях³, где они стали обычным способом заполнения духовной пустоты, подкрепленным «новыми ценностями» — вариантом потребительского гедонизма. Подобная зависимость, разумеется, не носит характера механической детерминации: в имущих слоях интеллигенции наряду с традиционными формами семейных отношений проявляется стремление к более полноценной семейной жизни, а часть рабочей молодежи воспринимает принципы «свободной морали», распространяемые «массовой культурой».

Типичные для современного буржуазного общества явления морального кризиса, таким образом, тесно переплетаются с кризисом норм буржуазного образа жизни, их возрастающей неприемлемостью для множества людей. Наряду с симптомами нравственного упадка в массовом сознании развиваются и очень важные позитивные процессы. Среди них в первую очередь надо отметить весьма серьезную эволюцию представлений о роли

¹ *Sloetzel J.* Op. cit., p. 26—27.

² *Verret M.* L'ouvrier français. 1. L'espace ouvrier. P., 1979, p. 119—125.

³ *Yankelovich D.* New Rules, p. 49—62; 124—134, где анализируются конкретные примеры семей, принадлежащих к различным классам и социальным слоям; *Schwartz G., Merten D.* Love and commitment. Beverly Hills, 1980, p. 27—29.

женщины в семье и обществе. Эта эволюция, несомненно, связана с резким ростом в послевоенные десятилетия числа работающих женщин, но вместе с тем она отражает отмеченный выше отход от традиционных ролевых установок и ролевого поведения. В США за 40 лет в три раза — с 75 до 26% в 1938—1978 годах — сократилось число опрошенных, полагающих, что женщина не должна работать, если муж обеспечивает ее материально, в 1937—1980 годах с 31 до 77% возросла доля тех, кто в принципе готов голосовать за женщину, баллотирующуюся на пост президента страны. За 10 лет — 1970—1979 годы — с 33 до 56% увеличилась доля опрошенных, полагающих, что муж и жена должны принимать одинаковое участие в уходе за маленькими детьми¹.

В ФРГ в конце 70-х годов большинство опрошенных — как мужчин, так и женщин — положительно оценивали рост независимости женщин в семье и обществе, поддерживали требование о равенстве оплаты работающих женщин. Но в то же время в стране, где место женщины в обществе традиционно определялось формулой «дети, кухня, церковь», лишь меньшинство высказывалось за равенство возможностей и прав «слабого пола» в выборе профессии и профессиональной карьере, в воспитании детей и отношениях внутри семьи. Женщины, естественно, настаивали на этих правах чаще, чем мужчины². Ту же противоречивость, смесь старых и новых взглядов, особенно характерную для мужской части населения, обнаруживают опросы французов. Так, в 1974 году большинство опрошенных мужчин-французов одобрило работу женщины вне дома и половина — ее активную роль в политической и общественной жизни, но, отвечая на другие вопросы, те же люди в своем большинстве утверждали, что она должна посвящать себя в

¹ *Yankelovich D. New Rules*, p. 93—94.

² *The Germans*, p. 243—244.

первую очередь дому и детям, высказались против того, чтобы их собственные жены стали бы партийными или профсоюзными активистками¹.

Подобные данные показывают, что эволюция общих принципиальных взглядов по вопросам роли женщины и равенства полов значительно опережает соответствующие ей изменения в реальной практике семейных отношений. Тем не менее последствия этой эволюции значительны. Наиболее существенные из них — изменения в психологии самих женщин, выразившиеся в росте их самосознания и активности в сферах семейной, производственной и общественно-политической жизни, в отказе от традиционных подчиненных ролевых норм, в требовании полного равенства. Массовые опросы и эмпирические исследования подтверждают эти тенденции, а некоторые из них свидетельствуют о том, что многие женщины отошли от традиционных представлений о своей роли в обществе именно в период между началом 60-х и концом 70-х годов². О том же говорят и события общественно-политической жизни: рост движений за эмансипацию женщин, все более активное их участие в других массовых демократических движениях, в борьбе за мир. Все эти явления — весьма важный компонент в общей картине эволюции массового сознания.

Отказ от традиционных представлений о роли женщины в семье и обществе взаимосвязан с общими изменениями в структуре и психологическом содержании семейных отношений. Характер этих изменений может иллюстрировать такой пример: в 1974 году 53%, а в 1982 г. лишь 35% опрошенных французов считали, что «отец должен командовать в семье»³. Обобщая данные прове-

¹ Muraz R. La parole aux français. P., 1977, p. 72—75.

² Thornton A., Friedman D. Changes in the sex role attitudes of women, 1962—1977: Evidence from panel study.— American sociological review, 1979, vol. 44, N 5.

³ L'Express, 1982, 2 Sept., p. 44.

денных им опросов и интервью, французский исследователь М. Далэнваль констатирует, что авторитет главы семьи завоевывается теперь иначе, чем в прошлом: не страхом, но доверием, которое он внушает детям. Многие опрошиваемые отмечали, что отношения в семье стали более свободными и теплыми, менее формальными и лицемерными, чем раньше¹. Существенно меняется «стиль» семейной жизни, отношение родителей к детям, методы воспитания в семье. В 1979 году 65% опрошенных западных немцев 1920—1934 годов рождения считали, что они получили строгое семейное воспитание, среди же людей 1950—1963 годов рождения таких оказалось лишь 38%².

Как показывают те же западногерманские опросы, между 1967 и 1979 годами родители стали придавать меньше значения формированию у детей «классических» бюргерских качеств: бережливого отношения к деньгам, умения приспосабливаться к существующему порядку вещей, религиозности, воздержанности. Зато они стали уделять больше внимания воспитанию детей в духе терпимости к чужим мнениям, стремления к новым знаниям и расширению горизонтов³. В 1981 году лишь четверть опрошенных западноевропейцев считали необходимым внушать детям послушание, 21% — «дух экономии», 17% — религиозность, 14% — терпение, умение сносить свою долю. Зато одной из наиболее широко признанных целей воспитания стала «терпимость, уважение к другим людям»⁴.

Очевидно, такие разнородные явления, как стремление к большей самостоятельности в труде и падение интереса к карьере, борьба женщин за равноправие и из-

¹ Dalinval. M. Une autre idée des français, p. 59, 134, 140—142.

² The Germans, p. 33.

³ Ibid., p. 35.

⁴ Stoetzel J. Op. cit., p. 29.

мнения в семейных отношениях, враждебность к авторитарной власти в любых ее обликах, склонность к большей терпимости и взаимопониманию в личных отношениях, имеют общий социально-психологический смысл. В них выражается протест против социальных норм, подавляющих самостоятельность личности, включающих ее в буржуазные отношения господства и подчинения, сводящих ее жизнедеятельность и отношения с другими людьми к выполнению функций и ролей, диктуемых интересами «системы», и к межиндивидуальной конкуренции. Отмеченный выше отход от «денежных» и потребительских жизненных ориентаций, в сущности, выражает ту же тенденцию: он означает не обесценение материального потребления, как такового, но протест против его использования как орудия закабаления личности, как цены за «послушное», нормативное поведение. Во всех этих тенденциях сквозит стремление к более полноценной, содержательной и активной жизни, к обогащению и оздоровлению человеческих отношений. В них проявляется кризис буржуазного образа жизни, его возрастающее несоответствие потребностям и стремлениям людей.

«Менее безличное общество»

Рассмотренный нами круг социально-психологических явлений относится к сфере обыденного сознания, они свидетельствуют об изменениях в массовых установках, регулирующих повседневную деятельность людей и межличностные отношения в первичных социальных группах. Очевидно, эти изменения тем или иным образом должны были сказаться и на мировоззренческом уровне массового сознания, на его идеологических ориентациях.

Так, в послевоенные десятилетия в ряде капиталистических стран происходит секуляризация массового со-

знания, падение влияния религии и церкви. Число верующих уменьшилось: во Франции в 1968—1981 годах — с 73 до 62%, в Великобритании в 1947—1981 годах — с 84 до 76%, в ФРГ в 1968—1981 годах — с 81 до 72%, в Нидерландах в 1947—1981 годах — с 80 до 65%, в Японии в 1981 году только 39% опрошенных заявили, что они верят в бога. Далеко не все верующие разделяют основные элементы религиозной доктрины: так, из 75% верующих жителей стран «Общего рынка» только 43% верят в бессмертие души, 40% — в существование рая и 23% — ада, лишь 39% католиков и 26% протестантов верят в личного бога¹.

Секуляризация — достаточно сложный и отнюдь не прямолинейный процесс, исследование которого не входит в задачи данной работы. В известной мере его стимулирует рост образованности и культуры масс, их новый социальный опыт. Вместе с тем ослабление влияния «официальных» религий и церквей отражает не только переход от мифологических представлений к научным или к атеизму, но нередко и изменения в содержании самого религиозного сознания, сопровождается взлетом нетрадиционных сект и культов. Тем не менее при всей своей многозначности и противоречивости процесс секуляризации имеет аспекты, тесно связанные с отмеченными выше сдвигами в массовом сознании. Одна из важнейших традиционных функций религии в условиях капитализма состоит в ориентации сознания и поведения людей на господствующие социальные нормы. Поэтому формальная религиозность, соблюдение церковных обрядов тесно связаны с конформистскими и консервативными типами массового сознания — они демонстрируют и подкрепляют «законопослушность» и «благонадеж-

¹ Stoetzel J. Op. cit., p. 115. О секуляризации в США см.: Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981, с. 210—245.

ность» личности, ее готовность «жить как положено», не выходить ни в мыслях, ни в делах «за границы дозволенного». Можно предположить, что секуляризация отражает протест против этой нормативно-конформистской функции религии, отказ видеть в ней ориентир в жизни. Так, 37% опрошенных в 1980 году западногерманских католиков и 53% протестантов считали, что религия не дает ответа на большинство проблем современности; в 1979 году 43% первых и 47% вторых полагали, что она защищает интересы «правлящих классов», «собственников»; 37% всех опрошенных (в том числе 40% протестантов и 33% католиков) утверждали, что и «без христианской веры можно быть добросовестным, честным и сознательным человеком»¹. Очевидно, именно несовместимость религиозного консерватизма с антиавторитарными тенденциями массового сознания, с ростом интеллектуальной самостоятельности личности явилась одним из источников процесса секуляризации.

В связи с разложением традиционных норм личного поведения, морали, мировоззрения в конце 60—70-х годах эволюционировали массовые представления о критериях и целях общественного развития. Заметно слабело влияние технократической идеологии, апологетики «общества массового потребления», воинствующего национализма.

Определенное представление о масштабах этих процессов и, главное, о новых идеях, распространявшихся в этот период в массовом сознании, дают получившие широкую известность на Западе работы американского социолога Р. Инглхарта, основанные на межнациональном эмпирическом исследовании массовых ценностей. В ходе его опросов, проводившихся в ряде стран в 1970, 1972—1973, 1974, 1976 и 1979 годах, респондентам предлагалось выбрать предпочитаемые ими общественные це-

¹ The Germans, p. 226, 227.

ли, сформулированные на основе тех приоритетов, которые чаще всего обсуждались в ходе дискуссий, развернувшихся в эти годы в научных и политических кругах капиталистических стран. Инглхарт сгруппировал эти цели в две системы ценностей: «накопительскую», или «материалистскую» (например, «поддержание высоких темпов экономического роста», «поддержание стабильной экономики», «борьба против роста цен», «мощная национальная оборона», «борьба против преступлений» и т. д.), и «постбуржуазную», или «постматериалистскую» (например, участие рядовых граждан в принятии политических решений, создание более дружелюбного и менее «безличного общества», «создание общества, в котором идеи важнее денег» и т. д.). По его данным, «постматериалистской» системы ценностей к концу 70-х годов придерживались различные по численности группы населения разных стран: 15% — во Франции, 11% — в ФРГ и в Великобритании, 19% — в Голландии, 14% — в Бельгии, 10% — в Италии и США. В 1970—1979 годах их удельный вес вырос во Франции, Великобритании, ФРГ, Японии и Голландии, уменьшился в Италии, оставался стабильным в США и Бельгии¹.

Данные Инглхарта, бесспорно, отражают реальные тенденции, однако их достоверность снижается серьезными методологическими изъянами его исследований. Прежде всего не оправдана проведенная им группировка ценностей на взаимоисключающие альтернативные системы. Одни и те же люди могут, например, поддерживать «постматериалистские» ценности и в то же время

¹ *Inglehart R.* The silent revolution: Changing values and political styles among Western publics. Princeton, 1977; *Idem.* Value priorities and socioeconomic change.— In: *Barnes S. H., Kaase M. K.* Political action: Mass participation in five Western democracies. Beverly Hills—London, 1979, p. 305—342; *Idem.* Post-Materialism in an Environment of Insecurity.— *The American Political Science Review*, 1981, vol. 75, N 4, p. 880—900.

выступать за рост экономики и борьбу с инфляцией — здесь нет никакого логического противоречия. Кстати, приводимые Инглхартом цифры показывают, что в среднем половина опрошенных (от 43 до 66% в разных странах в 1979 году) не могла быть отнесена ни к «материалистам», ни к «постматериалистам». Инглхарт относит их к «среднему типу», который он специально не исследует, хотя именно этот тип и образует самую большую группу опрошенных.

В действительности «новые ценности», выделяемые Инглхартом, распространились гораздо шире, в том числе и в основной массе трудящихся, чем это следует из его подсчетов. Об этом свидетельствуют, например, многолетние повторные исследования эволюции ценностей в Японии¹. Большинство французов, опрошенных в 1977 году, выбрали в качестве определения современного французского общества термин «общество потребления», но лишь 3% выразили желание, чтобы оно оставалось таким к 2000 году. Зато 35% хотят, чтобы к концу века оно стало обществом «человеческой солидарности», 22% — «качества жизни» и столько же — «общения между людьми»².

Справедливо отметить, что «новые ценности» не так уж новы. Конечно, идеи человеческой солидарности или осуждения «жизни ради денег» во многом тоже традиционны. В общественном сознании Запада они многие века поддерживались христианством (хотя в его протестантском варианте были в значительной мере вытеснены или искажены буржуазными ценностями). Тем не менее факт оживления, актуализации этих идей в современных условиях, очевидно, нельзя считать чем-то случайным.

Достаточно традиционны для массового сознания капиталистического общества и демократические ценности.

¹ Inglehart R. Post-Materialism in an Environment of Insecurity, p. 883.

² Muraz R. La parole aux français, p. 56.

Однако последние сами имеют тенденцию к развитию и обновлению, перестают выражать лишь приверженность принципам буржуазной демократии: формальному суверенитету народа и политическому равенству, парламентаризму, плюрализму и т. д. К этому старому «слою», в значительной мере девальвированному выхолащиванием буржуазной демократии, присоединяется растущее стремление к «прямой» демократии, то есть к праву рядового человека самому (а не через механизмы «делегирования» власти) принимать участие в решениях, в том числе и прежде всего в тех сферах, в которые он непосредственно включен процессом своей трудовой или иной деятельности.

Таким образом, «новые» ценности, сохраняя преемственность со «старыми» и нередко традиционное вербальное оформление, все же во многом действительно новы. Привычные понятия — демократия, свобода, равенство, солидарность, человеческое достоинство — обретают новый смысл, выражают не просто некие вневременные «общие места», но определенное отношение к данной реальной действительности, неприятие многих ее сторон.

2

От роста потребностей к кризису личности

В буржуазной литературе широко распространено представление, будто главной, а то и единственной основой новых социально-психологических тенденций явился рост материального уровня массовых слоев населения в 50 — начале 70-х годов. Этот рост привел якобы к насыщению материальных потребностей, они потеряли свою остроту, перестали переживаться как самые важные, на-

сушные, а вследствие этого повысилось психологическое значение потребностей «постматериальных».

Представители консервативных идейно-политических течений пытались объяснить бунт против традиционной морали, против власти денег и потребительства «избалованностью» молодежи, пресытившейся материальным изобилием послевоенных десятилетий. По их мнению, «истинный смысл тотального нонконформизма» молодежи заключается всего лишь в отказе «от социальных обязанностей и обязательств, которые выполняют их «отцы»¹. Такая позиция («с жиру бесятся!») позволяла выдавать реальные слабости молодежного бунтарства, нередко присущий ему культ вседозволенности за выражение его подлинной сути, принижать тем самым значение тех неразрешимых в рамках капитализма проблем общественной и личной жизни, обострение которых породило как само это бунтарство, так и связанную с ним ценностную переориентацию 70-х годов.

Если бы «постматериальные» ценности действительно порождались главным образом материальным богатством, то наиболее ярыми их защитниками стали бы капиталисты; между тем именно среди представителей капиталистического класса эти ценности встретили наиболее ожесточенное сопротивление². Подобные факты подтверждают положение марксистской науки, что определяющим фактором ценностных ориентаций людей является не уровень их потребления, а их положение в социально-классовой структуре и соответствующие этому положению групповые интересы.

Сдвиги в ценностных и нормативных представлениях масс действительно не могут быть поняты вне их глубинной основы — процесса эволюции и возвышения массо-

¹ США глазами американских социологов. М., 1982, с. 208.

² Cotgrove S., Duff A. Environmentalism, values and social change, p. 96, 105—107.

вых потребностей. Однако этот процесс отнюдь не сводим к «насыщению» потребностей материальных. Он выразился в росте требований масс к условиям и всему содержанию их жизни в обществе, их, пользуясь термином К. Маркса, «жизненных притязаний».

Возросший динамизм окружающего мира как бы размывал психологические «барьеры», отражавшие зависимость жизненных притязаний людей от их социально-экономического положения. Само это положение в той или иной мере стало утрачивать в массовом сознании свой жестко предопределенный характер. Именно эта атмосфера неопределенности и обновления, когда не выявились еще ни сущность, ни пределы новых тенденций общественного развития, а вовсе не мнимое «всеобщее изобилие», о котором толкуют апологеты «общества потребления», была наиболее непосредственным стимулом бурного роста потребностей. И именно поэтому он отнюдь не находился в прямой зависимости от улучшения реального материального положения масс, которое развивалось весьма неравномерно и затрагивало далеко не все массовые слои.

Какие же именно массовые потребности росли и усиливались в интересующий нас период? Совершенно естественно, что в первую очередь те из них, которые уже были достаточно ясно осознаны, но систематически не удовлетворялись в условиях капитализма из-за присущих ему отношений материального и социального неравенства. Люди стремились к улучшению своего материального потребления, условий труда и досуга, к расширению социальных прав — на социальное обеспечение, образование, медицинское обслуживание. Процесс возвышения потребностей не сводился, однако, только к росту подобных вполне конкретных жизненных притязаний. Он затронул и более глубокие уровни общественной психологии, усилил такие стремления людей, которые носили в той или иной мере неосознанный характер, далеко

не всегда приобретали четкую «предметную» направленность.

Это относится прежде всего к потребностям, которые формируются и удовлетворяются самим процессом человеческой деятельности: в труде, творчестве, общении, знании и т. д. Их источником являются «сущностные силы» человека — совокупность его природных и развитых общественной практикой физических, интеллектуальных, эмоциональных задатков, способностей, потенций, внутренняя необходимость их выявления в его деятельности. Иными словами, «сила» этих потребностей определяется уровнем развития людей как субъектов сознания и деятельности.

Условия послевоенного капитализма внесли в это развитие некоторые новые черты. Потенции личности формируются не только ее природными данными, но и ее практикой, прежде всего практикой производственной, а в конечном счете и всей человеческой, общественной практикой. «В самом акте воспроизводства...— писал К. Маркс,— изменяются и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя благодаря производству, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык»¹. И вместе с тем, как подчеркивал К. Маркс, «сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» является *«человеческая общественная связь»*². Уровень развития, духовный потенциал личности определяются, таким образом, как ее собственной практикой, так и тем потенциалом («богатством»), которым располагает общество и который опосредуется в индивидуальной психике и сознании благодаря истори-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 483—484.

² Маркс К. Заметки по поводу книги Джемса Милля.— Вопросы философии, 1966, № 2, с. 119.

чески определенной системе общественных связей людей.

Научно-техническая революция, развернувшаяся в послевоенный период, ее многообразные проявления и социальные последствия оказали мощное воздействие на оба эти аспекта жизнедеятельности личности. Множество людей оказались непосредственно вовлеченными в производственный процесс, в котором резко возросло значение умственного труда и научно-теоретических знаний. При всех закрепляемых капиталистическим разделением труда различиях в уровне квалификации и подготовке работников повседневное соприкосновение с овеществленными в новейшей технике завоеваниями человеческого разума активизировало интеллектуальные задатки и потенции людей, тенденцию к освоению, познанию этих завоеваний. В том же направлении действовало и вызванное потребностями научно-технического прогресса развитие системы образования: более длительное обучение в общеобразовательной и профессиональной школах развивало интеллектуальные способности и потребности нового поколения трудящихся.

Во многом иные очертания приобрела в новых условиях и та «человеческая общественная связь», которая, по Марксу, формирует сущность индивида. В результате сдвигов в социальной структуре, сближения положения и образа жизни людей, принадлежащих к различным социальным и профессиональным группам, возрастания мобильности населения, революции в сфере массовой информации социальные связи индивида, источники его знаний и представлений резко расширились, приобретая вместе с тем все более обезличенный и неустойчивый характер. Массовое сознание охватило множество явлений, знаний, культурных ценностей, способов и видов человеческой деятельности, проблем, далеко выходящих за узкие пределы, в которые заключена собственная жизнедеятельность индивида, определяемая его положением в социально-классовой структуре. Доста-

точно упомянуть хотя бы о той роли, которую сыграло в формировании новой картины мира, зримо воспринимаемой сотнями миллионов людей, массовое распространение телевидения. Психологический эффект этой «картины» заключается, в частности, в том, что она создаст представление о громадном богатстве возможностей человеческой деятельности, а такое представление способно формировать и усиливать стремление людей — осознанное или лишь смутно ощущаемое — к освоению этого богатства, к обогащению содержания собственной жизни. Можно сказать, что такого рода стремление представляет собой опосредование в мотивации индивидов их расширившихся знаний о природном и социальном мире, результат более интенсивного, «рельефного», чем прежде, восприятия ими культурного — научного, технического и эстетического, материального и духовного — достояния всего человечества.

Понятно, что, поскольку это восприятие носит весьма обобщенный характер, отражает не столько конкретные жизненные возможности каждого человека, сколько возможности универсальные, общечеловеческие, стимулируемые им устремления далеко не всегда направляются к каким-то определенным целям, объектам, могут выражаться и в общей напряженности мотивационной сферы психики, в недовольстве собственными потребностями. В этом недовольстве, поисковом состоянии общественной психологии и проявляется прежде всего подспудное стремление людей к более полному самовыявлению, к обогащению содержания своей деятельности. Это стремление знаменует собой новую фазу индивидуализации личности в условиях капитализма. Если, как мы видели, ранние фазы этого процесса были обусловлены становлением капиталистических отношений, то его современная фаза — результат столкновения развившихся личностных духовных потенций с уже сложившейся и застывшей в своих основных принципиальных чертах

капиталистической производственной и общественной организацией, питаемым ею отчуждением личности.

Эти принципиальные черты не были поколеблены ни изменениями в материальном положении и структуре потребления части масс, ни несколько возросшей доступностью им образования и элитарных в прошлом форм досуга, ни ростом удельного веса профессий умственного труда. Новые духовные запросы личности продолжали наталкиваться на жесткие рамки социальных функций, ролей, ориентаций, «заданных» общественными отношениями и ценностно-нормативной системой капитализма.

Государственно-монополистический капитализм послевоенных десятилетий, социальные последствия научно-технической революции во многом еще больше ужесточили эти рамки, усилили их давление на личность. Здесь сказываются обусловленное эволюцией капиталистического разделения труда сужение и роботизация растущего числа профессий, бюрократизация и обезличивание отношений между людьми в сфере их трудовой жизни, в гигантских предприятиях и учреждениях. Обезличивание распространяется и на внеуродовую сферу: его усиливают капиталистическая урбанизация и взаимная отчужденность людей, порождаемая условиями жизни в городских агломерациях; стрессовые нервно-психологические перегрузки; особенности современной буржуазной «массовой культуры» и ряда форм досуга, снижающие активную вовлеченность личности в процесс культурного потребления, насыщенность и содержательность межличностного общения. Пассивно-обезличенные формы индивидуальной деятельности и ослабление непосредственных социальных связей индивида — две стороны одной и той же медали: человек выявляет и утверждает свою личность как содержанием своей собственной активности, так и обусловленным этой активностью содержанием отношений, общения с другими людьми.

Обострение противоречия между процессом возвышения потребностей и существующими в современном капиталистическом обществе пределами их реализации явилось основой кризисных явлений в общественной и личной психологии. Возрастание внутренних потенций и притязаний личности, с одной стороны, бедность реального содержания ее деятельности и общения, с другой, — таковы наиболее общие предпосылки ее кризиса. Психическая основа кризиса — ослабление или утрата личностного смысла деятельности, ее способности удовлетворять духовные потребности. Социально признанные цели, ориентации, образ жизни, которые вчера были достаточными для выявления личности, сегодня все чаще и чаще перестают быть таковыми; оказываются неспособными психологически обеспечить внутреннюю целостность личности. Ярко обнаружившийся в 60—70-х годах разрыв между типами поведения и реакций различных поколений отражает эту динамику социально-психологической ситуации.

Непосредственные объективные источники неудовлетворенности личности, бесспорно, определяются ее социально-классовым положением. Молодого человека из буржуазной семьи не устраивает традиционная для его среды роль бизнесмена. Собственник завода, рассказывая журналисту о любви к своей работе, не может, однако, скрыть своей внутренней опустошенности, ощущения неполноценности, ущербности предпринимательской деятельности: «Какого черта мы бьемся? За проклятую пустоту на верхушке пустоты? За кучу песка?»¹ Молодого рабочего тяготит изнурительный и бессодержательный труд ради достижения потребительского стандарта. Было бы нелепостью ставить на одну доску эти принципиально различные ситуации. Однако, будучи различными, они параллельны: в них на разных уровнях соци-

¹ *Terkel St. Op. cit.*, p. 394—396.

ально-классовой структуры проявляется общая социально-психологическая тенденция — возрастающая неприемлемость для личности нормативных ценностей и ориентаций, навязываемых ей буржуазным образом жизни.

Немалую роль в развитии этой тенденции сыграла атмосфера «общества потребления». Но не потому, что она якобы уменьшила интерес людей к материальной стороне жизни или породила «избалованное и пресыщенное» поколение. Новый материальный жизненный стандарт, который приобрел социально-психологическое значение общественной нормы, оставался в действительности недоступным или труднодоступным для значительной части масс, но в то же время направлял их жизненную активность в русло «гонки за потреблением», подрывавшей их физические и духовные силы, обострявшей противоречие между возросшими запросами и реальным содержанием жизни. Во всем этом проявляется возросшая интенсивность капиталистической эксплуатации, эволюция ее форм, связанная с научно-технической революцией.

Множество людей было, однако, не в состоянии отделить свое «я» от впитанных ими ценностей и норм буржуазного образа жизни, искать какую-то морально-психологическую компенсацию его отчуждающему воздействию. Напряженная, интенсивная деятельность, которая не только подавляет противоречащие ей потребности, но и препятствует их осознанию, «загоняет» их в сферу подсознательных эмоций, нередко ведет к невыносимой для человека психической перегрузке. В этом отношении характерен пример Японии, где укоренившиеся в массовом сознании социальные нормы требуют от работника абсолютной преданности фирме, полной самоотдачи в труде во имя карьеры и заработка. Половина японских специалистов не имеют никаких увлечений и занятий помимо работы, не занимаются спортом. Система трудовых отно-

шений, формирующая полную подчиненность потребностей и всей личности работника его функциям в экономике, позволила японскому капитализму добиться крупных успехов в области производительности труда и эффективности производства. Для человека, психологически включенного в эту систему, неудача на работе, недовольство начальства, тем более увольнение равносильны сокрушительной катастрофе — он оказывается несостоятельным в собственных глазах. В этом одна из причин роста числа психических заболеваний и самоубийств в стране. Число больных, находящихся в психиатрических больницах, возросло в 1955—1984 годах с 44 тыс. до 330 тыс. Число самоубийств только за один 1983 год увеличилось на одну четверть¹.

Массовые опросы 60—70-х годов фиксируют падение числа людей, считающих свою жизнь благополучной и счастливой. Так, по данным А. Кэмпбелла, охватывающим период с 1957-го по 70-е годы, в США эта тенденция достигла высшей точки в 1972 году, то есть в условиях экономического «процветания», роста доходов и потребления. Кэмпбелл выделяет группы населения, в которых больше всего людей, сознающих себя несчастными. С одной стороны, это негры с низкими доходами, с другой — представители имущих слоев, имеющие высокий уровень образования и живущие в больших городских агломерациях. Неудовлетворенность жизнью, а также нервно-психическое истощение быстрее всего росла в среде младшего поколения — у людей в возрасте 18—30 лет².

Сходную картину дают западноевропейские опросы. Почти треть опрошенных в 1981 году жителей стран «Об-

¹ *Paringaux R.-P.* Névroses nippones.— Le monde aujourd'hui, 1984, 8—9 juillet, p. V.

² *Campbell A.* The Happiest Americans — Who They Are? — US News and World Report, 1979, vol. 87, N 26, p. 64—66.

щего рынка» испытывали ощущение бессмысленности жизни. Людей, не удовлетворенных своей жизнью или не находящихся в ней смысла, больше всего среди тех, кто имеет низкий жизненный уровень, но различия между социальными группами в этом отношении не особенно пелики. В целом подобный психологический настрой более характерен для молодежи, чем для людей среднего и старшего возраста¹

Тот факт, что массу разочарованных, несчастных, морально надломленных людей одновременно пополняют и бедняки, и состоятельные, образованные люди,— прямое порождение обстановки «общества потребления». Бедность среди окружающего богатства, по выражению написавшего письмо в «Правду» безработного и бездомного жителя Калифорнии², еще более мучительна, чем просто бедность. Но и отказ от собственного «я» ради вещей и материального успеха способен делать человека несчастным. Поколения, вступавшие в жизнь в послевоенные десятилетия, не могли в той же мере, как люди, пережившие кризисные и военные годы, быть довольными современными условиями жизни. Часто лучше образованные, с более высокими интеллектуальными и творческими запросами, они острее ощущали прокрустово ложе потребительского образа жизни. «Чем дальше,— размышляет молодой французский педагог,— тем больше скапливается вещей в твоей маленькой гостиной и в твоей голове. Потребляешь культуру так же, как электроприборы. Нам нужно все больше и больше, и поэтому все дальше мы уходим от наших истинных потребностей, от нашей «настоящей жизни»³. Такие настроения весьма типичны для образованной западной молодежи 60—70-х годов.

¹ *Stoetzel J.* Op. cit., p. 174, 181, 225, 297.

² См.: Правда, 1984, 20 октября.

³ *Arbois J., Schidlow J.* La vraie vie des français, p. 91.

Неприятие людьми навязанных им ценностных и поведенческих ориентиров может вести их к поиску других ориентиров, путей к «настоящей жизни». Но в условиях капиталистического общества человек сплошь и рядом не в состоянии найти ни в своем внутреннем, ни в окружающем мире реальной альтернативы опустошающему его образу жизни. В этой достаточно типичной ситуации и коренится основной источник той совокупности явлений, в которых выражается кризис личности¹.

Наиболее зримым его проявлением в условиях современного капитализма становятся различные формы социально-психологических патологий и асоциального поведения. Они охватывают весьма широкий спектр феноменов — от наркомании до так называемой безмотивной преступности и насилия, от маргинального, то есть не подчиняющегося общепринятым социальным обязанностям и нормам, образа жизни до терроризма; многие из них приобретают массовые масштабы. При всей разнообразности конкретных социально-психологических механизмов, формирующих эти феномены, все они представляют собой своеобразное выражение глубинных переломных процессов в общественной и личной психологии.

* * *

Кризис личности — это в то же время кризис буржуазного индивидуализма. Если индивидуальность человека развивается тем полнее, чем более социально значимы, содержательны воплощающие ее мотивы, то и психологические связи индивида с другими людьми, с обществом тем активнее, насыщеннее, чем более ясна, целостна система его потребностей. Деятельность многих людей, направляемая общими для них всех, глубоко укор-

¹ Обстоятельное описание и анализ этих явлений на материале США см. в кн.: *Замошкин Ю. А. Личность в современной Америке.* М., 1980.

ренившимися в их психике мотивами, является мощным фактором формирования таких связей, чувства взаимной общности. Если же у них таких мотивов нет, а социальное содержание их деятельности сводится к копированию стандартов потребления и поведения, неизбежно обедняются и обезличиваются межчеловеческие связи. Теряя индивидуальность, человек становится в то же время все более одиноким и изолированным. Именно это и происходит в современном капиталистическом обществе, где, по удачному определению западногерманского психолога и психиатра Р. Аффемана, развивается «новый индивидуализм без индивидуальности», подрывающий психическую основу личности, ибо «существование человека, не мотивированное извне, неизбежно оказывается бессмысленным в его собственных глазах»¹. Одиночество обезличенного индивида выступает как один из наиболее остро переживаемых личностью источников ее неблагополучия, кризисных явлений в сфере общественной психологии и морали. Это подтверждается данными опросов. В 1973 году 32%, а в 1980 году уже 47% опрошенных американцев признались, что им недостает эмоциональной общности с другими людьми², «чувства локтя», более трети опрошенных в 1981 году западноевропейцев чувствуют себя одинокими. Для таких людей характерно депрессивное состояние психики: неудовлетворенность всеми аспектами своей жизни, пессимизм, неверие в собственные силы³.

Лишь учитывая масштабы всех этих психологических явлений и процессов, можно правильно понять причины тех сдвигов в системе массовых ценностей, о которых шла речь выше.

¹ Affemann R. Krank an der Gesellschaft. Symptome, Diagnose, Therapie. Stuttgart, 1973, S. 121, 122.

² Yankelovich D. New Rules, p. 95.

³ Stoetzel J. Op. cit., p. 182—183.

«Императивы экономики» или капризы погоды

На рубеже 60-х и 70-х годов в центре идеологической жизни капиталистического общества оказывается проблема новых ценностей и приоритетов; эту проблему пытаются по-своему решить и господствующая буржуазная идеология, и противостоящие ей течения. Примечательной чертой разворачивающейся вокруг нее идейной борьбы является стремление формировать общественные идеалы и политические программы в органической связи с ориентирами индивидуального бытия, с нормами образа жизни. В этом, очевидно, находит свое отражение универсальный, проникающий на все уровни жизни людей в обществе характер духовного кризиса. Взаимодействие знаменующих его глубинных психологических процессов с продуктами ценностно-идеологической деятельности во многом определяет динамику массового сознания.

В формировании «новых ценностей» и их проникновении в массовое сознание большую роль сыграло вначале студенческое движение протеста конца 60-х годов, связанная с ним идеологическая деятельность «новых левых» и так называемая молодежная контркультура. Психологическое состояние достаточно широких массовых групп создавало благоприятную почву для восприятия идей, выдвинутых бунтующей молодежью и выражавшими ее настроения течениями. Критика «жизни ради денег» и «жизни ради потребления», обезличивания и подчинения чужой власти, призывы к освобождению личности от подавляющих ее социальных норм и к ее «самосуществлению» в соответствии с «истинными внутренними потребностями» индивида, к «подлинно человеческой» близости между людьми — все это не могло не найти отклика у всех тех, кто остро ощущал удовлетво-

ренность целями и ориентациями, которые диктовало им буржуазное общество.

Конечно, неприятие материального благополучия «любой ценой», приобретательских и потребительских идеалов в качестве высших жизненных ценностей — само по себе далеко не новое явление в истории капитализма. Однако в прошлом оно развивалось в основном в рамках противоречия между буржуазной системой ценностей и гуманистической культурой, выражалось в сознании и поведении носителей культуры — наиболее образованных, «элитарных» групп общества. Массовые общественные группы либо устойчиво придерживались этих ценностей (что наиболее типично для мелкобуржуазных слоев), либо просто не сталкивались с ними в силу обусловленного материальной бедностью отсутствия приобретения и потребления в их реальном жизненном опыте (основная часть рабочего класса). Распространение кризиса данной системы ценностей (в его осознанных или подсознательных формах) «на всю толщу» общества — результат практикуемого современным капитализмом внедрения потребительски-приобретательских жизненных ориентаций в массовое сознание. Вместе с тем оно отражает возросший уровень духовного, культурного развития масс. Диалектика эволюции общественного сознания при современном капитализме состоит, таким образом, в том, что более широкое приобщение масс одновременно к «общей культуре» и к нормативно-ценностной системе буржуазного образа жизни влечет за собой глобальный, проявляющийся в масштабах всего общества кризис этой системы.

Установка на «самоосуществление» и основанные на ней «модели» поведения сформировали новую систему социальных и культурных норм, принятую значительной частью населения, особенно молодежью. Немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что «новые ценности» — в соответственно переработанном и смягченном виде —

«интегрировались в идеологический аппарат господствующего класса, они были подхвачены средствами массовой коммуникации. Во всем этом сказывалось стремление истеблишмента открыть какие-то новые горизонты перед молодежью и вообще перед гражданами своих стран, ослабить тем самым резко возраставший накал социальной напряженности, преодолеть кризис буржуазной идеологической гегемонии. Эстетика контркультуры, порожденные ею вкусы и «стиль жизни» довольно быстро воплотились в товары, рекламируемые и сбываемые на капиталистическом рынке, стали элементом буржуазной «массовой культуры»¹.

Каковы же реальные последствия сдвигов в массовых ценностных ориентациях, характер и глубина их воздействия на сознание и поведение масс? Вряд ли возможно дать однозначный ответ на этот вопрос. Несомненно, что слабости и противоречия платформы «новых левых», теоретиков и практиков контркультуры отразились и в возникших на ее основе типах массового сознания. Утопический характер провозглашенных ею способов перестройки общественных отношений, пронизывающий ее индивидуалистически-анархистский принцип «свободы человека от общества», понимание «самоосуществления» личности как свободного проявления ее ничем не контролируемых импульсов и инстинктов — все это придавало искаженную форму новым запросам масс, по сути дела, усиливало индивидуалистические установки, присущие буржуазному сознанию.

В довольно широких социальных слоях — особенно среди материально обеспеченной части интеллигенции, служащих и т. п. — практическое преломление «новой системы ценностей» свелось к разного рода сексуальным «экспериментам» и более «свободному» отношению к се-

¹ См.: Новинская М. И. Студенчество США. Социально-психологический очерк. М., 1977, с. 148—175.

мейным обязанностям, к еще более эгоистическому и разнузданному, чем прежде, гедонизму¹. Было бы вместе с тем упрощением сводить влияние «новых ценностей» только к такого рода болезненным явлениям (позиция, типичная для идеологов современного консерватизма). Как справедливо отмечает Э. Я. Баталов, в «контркультуре 60—70-х годов нашел отражение протест против де-гуманизации общественных отношений бюрократизации общественной жизни, роста отчужденности личности от общества...»². Этот протест воплотился в «новые ценности» — весьма абстрактные и расплывчатые, во многом утопические, но антикапиталистические по своей сущности социальные идеалы.

Большинство принявших их людей — и прежде всего рядовые трудящиеся — разумеется, не могли, да и не хотели предаваться поискам рафинированных, гедонистских форм «самоосуществления». Это большинство сталкивалось с другой проблемой — полной невозможностью реализации новых идеалов в своей повседневной жизненной практике. Оно не могло «освободиться» ни от насущных материальных потребностей, ни от порабощающего «труда ради денег», ни от подчинения чужой власти и нормам капиталистической производственной и общественной организации. Но утопический — в условиях капитализма — идеал «подлинно человеческой жизни» занимает значительное место в структуре сознания личности. Он помогает человеку осознать свои стремления, сняв те помехи, «фон», который создают для такого осознания влияние господствующих ценностей, реальные условия жизни, порождаемые ими многочисленные нужды и заботы. Внутреннее беспокойство и напряженность,

¹ См.: *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке, с. 103, 107.

² *Баталов Э. Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982, с. 326.

чисто эмоциональное состояние неудовлетворенности превращается в этом случае в неудовлетворенность осознанную, человек утверждает свое «я» как нечто противостоящее объективным жизненным условиям, ослабляет свою психологическую зависимость от них.

Преодоление такой зависимости — необходимое условие интеллектуальной и социальной активности, самостоятельности личности, поиска ею путей реализации своих идеалов. Поэтому новые ценности, заложенные в них антикапиталистические элементы содействовали формированию антикапиталистического и антимонополистического сознания. Осознанная неудовлетворенность потребительским образом жизни, естественно, усиливала протест против порождавших его социальных условий. В массовом сознании возросло значение проблем «качества жизни» — тех общественных и личных потребностей, которые не мог удовлетворить «количественный» рост производства и личного потребления.

Для рабочего класса более ясное осознание гуманистических ценностей стало стимулом к расширению платформы требований, к борьбе за более человеческие условия труда и внеуродовой жизни. Распространение этих ценностей усилило и антивоенную активность масс, развитие других общедемократических движений.

Преломление «новых ценностей» в сознании и поведении людей носит, таким образом, весьма неоднородный характер. Оно зависит от многих факторов, в особенности от классовых и идеологических характеристик той социальной среды, в которой они распространяются, от усвоенных ею моделей личного и общественного поведения. Во многом оно зависит и от характера объективных процессов экономического и социального развития, от того, каким образом они отражаются в массовом сознании.

Социальный опыт 70-х годов резко обострил внимание масс к *глобальной проблеме отношений человека к природной среде*. Алармистские и даже эсхатологические интерпретации этой проблемы, выдвинутые некоторыми научными кругами (в особенности Римским клубом) и подхваченные средствами массовой информации, получили широкий общественный резонанс. В середине и второй половине десятилетия происходит своего рода «экологическая перестройка» массового сознания: жители капиталистических стран всерьез осознали ту угрозу для человеческой жизни, которую создает загрязнение среды, перспектива истощения природных ресурсов.

В ФРГ в конце 70-х годов в демонстрациях и митингах в защиту окружающей среды участвовало около 3 млн. граждан, а более 25 млн. подписали различные обращения и воззвания по этому вопросу¹. 64% французов, опрошенных в 1977 году, выразили желание, чтобы к 2000 году организации защитников природы участвовали в руководстве обществом; такая же доля опрошенных в 1979 году отнесла охрану природы к числу важнейших общественных проблем².

Подобные настроения, несомненно, выражают реакцию на ухудшение «качества жизни», вызванное загрязнением среды обитания, протест против хищнического отношения к природе, присущего капитализму, понимание угрожающих последствий этих явлений. Но в них присутствует и иной идейно-психологический подтекст, непосредственно связанный с ценностной переориентацией сознания. Важный ее аспект — разочарование в провозглашенных буржуазной идеологией приоритетах экономического роста и технического прогресса; оно создало почву для восприятия антитехницистских утопий и

¹ Karl F. Die Bürgerinitiativen: soziale und politische Aspekte einer neuen sozialen Bewegung. Frankfurt a. M., 1980, S. 40.

² Point, 1979, N 338, p. 52; Muraz R. La parole aux français, p. 55.

лозунгов ограничения экономического роста, выдвинутых критиками «общества потребления». Так, большинство опрошенных в 1976 году французов воспринимали экономический прогресс как абсолютное зло¹. В 1978 году 58% опрошенных американцев высказались за снижение темпов роста ради защиты среды, 48% — за усиление охраны среды, даже если это приведет к повышению цен на потребительские товары². В 1982 году лишь 46% американцев назвали важной национальной целью высокий уровень экономического роста, а 77% — защиту природы³.

Экологические ценности приобрели для многих значение альтернативы технократическому «динамизму» и потребительству: мир природы противопоставлялся как «естественный» и «гармоничный» искусственному, порабощающему и опустошающему человеческую жизнь миру вещей, техники, городской цивилизации. Само понятие «природа» становилось символом еще не нашедших конкретного объекта потребностей, весьма смутных и абстрактных «антипотребительских» идеалов. Таким образом, вполне реальная экологическая проблематика получила особую психологическую функцию, порождала миф, заполнявший культурно-ценностный вакуум. Весьма показательно, что защита природы отчетливо осознается как цель, несовместимая с подчинением «старым», укоренившимся ценностям. Так, 72% опрошенных в 1982 году американцев выразили мнение, что «американские верования и ценности» — главная причина обострения проблем среды⁴.

Экологические ценности дали дополнительный стимул практическим поискам нового, «альтернативного» стиля жизни. Они выражались, в частности, в попытках избе-

¹ *Arbois J., Schidlow J.* La vraie vie des Français, p. 129.

² *Public Opinion*, 1979, vol. 2, N 4, p. 18.

³ *Ibid.* 1983, vol. 6, N 1, p. 49.

⁴ *Ibid.*, p. 47.

жать интеграции в гигантские производственные организации, в которых высокий материальный статус достигается ценой обезличивания, нервно-психического переутомления, внутреннего опустошения.

Во многих капиталистических странах к середине 70-х годов довольно широкий характер принял «уход в деревню» — молодые образованные люди, главным образом из средних городских слоев, часто обладатели университетских дипломов, стали переезжать в сельскую местность, чтобы «жить трудом рук своих», либо становились кустарями-ремесленниками. 38% американцев и половина французов-горожан, опрошенных в 1976—1977 годах (в том числе большинство людей моложе 36 лет), мечтали жить в сельской местности¹. Помимо стремления избавиться от тягот и стрессовых перегрузок городской жизни в этом проявлялись и такие мотивы, как мечта о независимом и осмысленном труде, о «жизни для себя», не обремененной «гонкой за потреблением», подчинением чужой безличной власти. «Мой образ жизни,— рассказывает молодая женщина, ставшая крестьянкой,— это... бегство от ожидавшей меня судьбы служащей—я предпочла зависеть от капризов погоды и времен года, чем подчиняться императивам экономики и промышленного производства»².

Уход от «императивов» капиталистической экономики для людей, живущих в капиталистическом обществе, разумеется, утопия. Прочно укорениться в мелком сельском или ремесленном производстве удавалось главным образом тем, кто имел иные источники дохода (например, поддержку состоятельных родителей), остальные терпели поражение. «Возврат к земле,— пишут французские социологи,— является сегодня роскошью. Земля не бесплатна... Любители сельской жизни, которые осущест-

¹ *Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des Français*, p. 20; *Public Opinion*, 1980/81, vol. 3, N 1, p. 35.

² *Ibid.*, p. 32.

вляют свою мечту,— это часто состоятельные люди, интеллигенты, сохраняющие связь с соседним городом, чтобы время от времени подработать там денег, издать там плоды своих размышлений и продать продукты своих трудов. Этот возврат к созерцательной жизни, как бы он ни был привлекателен, доступен лишь для небольшого числа избранных»¹. Примерно так же обстоит дело и в других странах.

Еще менее реальной для основной массы трудящихся была другая форма «альтернативного образа жизни», практически воплотившая «контркультурные» и экологические ценности. Речь идет о многочисленных на Западе попытках создания «коммун» — коллективов людей, объединенных совместным, в основном также сельскохозяйственным и ремесленным, трудом, взаимопомощью и общностью доходов. При всем разнообразии идейных и организационных принципов, на которых основывались эти «коммуны», их членов вдохновляла мечта о гармоничных и естественных человеческих отношениях, они стремились освободить свою жизнь от «искусственных, навязанных» потребностей. «В конце концов,— констатирует Э. Я. Баталов, обстоятельно исследовавший опыт коммунитарного движения в США,— просуществовав несколько месяцев или в лучшем случае лет, коммуна прекращала свое существование, а ее члены «возвращались» в то самое общество, которое они пытались изменить или от которого стремились «укрыться» в своей ненадежной «крепости»². Попытки создать «островки» нового, противостоящего буржуазному образу жизни, не меняя господствующих в окружающем обществе капиталистических отношений, конечно, и не могли окончиться иначе. Тем не менее они способствовали закреплению в какой-то части населения, особенно среди образованной молодежи,

¹ *Arbois J., Schidlow J. La vraie vie des Français*, p. 20; *Public Opinion*, 1980/81, vol. 3, N 1, p. 39.

² Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США, с. 318—319.

гуманистических и антикапиталистических идеалов, придавали им силу культурно-ценностной традиции. Вокруг этих идеалов в 70-е годы формировалась новая идейно-психологическая общность людей, играющая, как мы увидим ниже, немалую роль в общественно-политической жизни.

«Революция падающих ожиданий»

С середины 70-х годов развитие всех рассмотренных выше социально-психологических тенденций натолкнулось на принципиальную новую объективную ситуацию. С этого времени началась длительная полоса кризисных потрясений в капиталистической экономике: приостановился рост производства, резко усилилась инфляция, в невиданных многие десятилетия масштабах росла массовая безработица. С течением времени становилось все более ясно, что все эти явления несводимы к обычному циклическому кризису, носят долговременный, устойчивый характер.

Резкое ухудшение экономического положения обострило многие проблемы повседневной жизни масс и не могло поэтому не оказать глубокого влияния на всю структуру их сознания, прежде всего на общее мироощущение людей. До кризиса 70—80-х годов динамика массового сознания, в том числе и характеризовавшие его противоречия, кризисные явления, развивалась в связи с ростом потребностей и социальных ожиданий. Кризис привел к перелому в самой направленности («векторе») этой динамики: на первый план выдвинулись социально-психологические явления, обусловленные ростом неуверенности, страха за будущее.

С конца 70-х и в 80-х годах на развитие этих настроений все более сильное влияние оказывает сознание **возрастающей опасности мировой термоядерной войны**. В 1983 году 35% опрошенных жителей семи стран Запад-

ной Европы считали, что главной опасностью для них и их стран является угроза войны¹.

Обобщая смысл изменений, происшедших в 70-е годы в сознании американцев, Дж. Катона и Б. Страмפל отмечали в 1978 году, что «уверенность и самонадеянность, превалировавшие в первые послевоенные десятилетия, уступили в 70-е годы место общественной дезориентации и замешательству»². В целом этот вывод подтверждается материалами опросов. Так, по данным одного из них, доля американцев, пессимистически оценивающих свое и своей семьи будущее, увеличилась в 1971—1978 годах с 30 до 51%³. Сходные тенденции прослеживаются в западноевропейских странах. В ФРГ в 1968—1975 годах вдвое — с 17 до 35% — увеличилась доля опрошенных, пессимистически оценивающих перспективы экономического развития; в 1967—1975 годах с 79 до 52% уменьшилась доля тех, кто уверен в надежности своего рабочего места⁴. 69% британцев, опрошенных в 1979 году, по сравнению с 49%, высказавшихся в 1967 году, согласились с мнением: «Будущее ныне так неопределенно, что самое лучшее — жить сегодняшним днем», доля «пессимистов» (ожидающих ухудшения общего положения в стране в ближайшие 10 лет) превысила долю «оптимистов»; большинство (54%) считали возможным «серьезный экономический кризис, подобный кризису 30-х годов»⁵.

Те же пессимистические тенденции преобладали в массовом сознании и в начале 80-х годов. Так, в 1981—1983 годах с 47 до 60% возросла доля американцев, счи-

¹ Public Opinion, 1983, vol. 6, N 1, p. 5.

² Katona G., Strumpel B. A new economic era.— Public Opinion, 1978, p. 9.

³ Public Opinion, 1979, vol. 18, N 1, p. 22.

⁴ Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie. Bd. 6, 1974—1976, Wien, 1976, S. 221—223; Jahrbuch der öffentlichen Meinung, 1965—1967. Allensbach — Bonn, 1967, S. 285.

⁵ New Society, 1979, Nov. 29, vol. 50, N 895, p. 482, 486.

тавших, что экономическое положение США ухудшается; в 1982 году половина опрошенных ожидали дальнейшего роста безработицы; почти единодушной в этот период была уверенность в неизбежном росте цен¹. В начале 80-х годов большинство опрошенных американцев, англичан, итальянцев, почти половина японцев и жителей стран «Общего рынка» (в среднем) разделяли мнение: «Будущее настолько неопределенно, что лучше жить сегодняшним днем»².

Подобное мироощущение означает новое повышение психологических барьеров, подавляющих потребности людей и их стремление к «лучшей жизни» (идет ли речь о чисто материальных ее аспектах или об обогащении ее духовного и морального содержания). Рост потребностей и притязаний личности все чаще наталкивается теперь уже не только на узость жизненных возможностей и перспектив, но и на элементарное отсутствие таких перспектив, положение «лишних людей», которое стало уделом десятков миллионов безработных, особенно нетрудоустроенной молодежи. Одно из последствий этой ситуации — возросшая неустойчивость психологического состояния и поведения множества людей, развитие настроений депрессии и отчаяния. Журнал американской компартии опубликовал в 1983 году данные о масштабах «патологии и трагедии» в США. Уровень жизни 80 млн. человек приближается к уровню бедности. Более 2 млн. не имеют жилья, 12 млн. (в 1982 году) лишены работы. В среднем в стране совершается ежегодно более 27 тыс. самоубийств и 23 тыс. убийств. 10 млн. американцев страдают от алкоголизма, каждый шестой принимает транквилизаторы и психогенные препараты, 280 тыс. — пациенты психиатрических клиник. Анализ этой статистики показывает, что каждый третий американец мо-

¹ Public Opinion, 1983, vol. 6, N 1, p. 37.

² Stoetzel J. Op. cit., p. 182.

рально и материально обездолен, совершил преступление или стал его жертвой¹

Под воздействием кризиса снижается уровень материальных и иных запросов масс. С одной стороны, конкретно-социологические исследования второй половины 70—80-х годов показывают рост беспокойства, вызванный угрозой безработицы и снижением жизненного уровня, усилившейся инфляцией. В 1975 году 60% опрошенных в странах «Общего рынка» заявили, что рост цен опережает рост их доходов; в 1976 году 52% опрошенных говорили, что они вынуждены урезать свои расходы, половина считала борьбу с безработицей главной проблемой, стоящей перед их странами, 42% назвали в качестве такой проблемы борьбу с инфляцией. В 1982 году уже 67% видели в росте безработицы главную опасность для себя и своих стран. В 1978—1979 годах 58% американцев было, по их словам, трудно оплачивать расходы на питание; в 1980 году 48% считали сокращение безработицы самой острой национальной проблемой².

С другой стороны, ухудшение жизненных условий сопровождается парадоксальным, на первый взгляд, явлением — стабильной или даже растущей удовлетворенностью ими; тревогу за будущее многие сочетают с вполне позитивной оценкой своего положения в данный момент. И американские, и западноевропейские исследования отмечают, что одни и те же люди одновременно выражают социальный пессимизм, недовольство и тревогу общим социально-экономическим положением в

¹ Parentt M. The hidden holocaust.— Political Affairs, 1983, N 2, p. 20—21.

² Riffoult H., Rabier J.-R. The perception of poverty in Europe. Bruxelles, 1977, p. 20; Euro-Barometre, 1976, N 5, p. 9; Public Opinion, 1980, vol. 3, N 1, p. 30; ibid., 1983, vol. 6, N 1, p. 6, 48; European Consumers: Their interests, aspirations and knowledge of consumer affairs. Bruxelles, 1976, p. 8.

своих странах и удовлетворенность собственной жизнью¹

Внушая себе подобную удовлетворенность, люди пытаются приспособиться к тревожной, угрожающей действительности кризиса. Нарастающие тревога и неуверенность, тяготы повседневной жизни обостряют потребность в психологической компенсации, в самоутраченности. Люди подсознательно занижают эти тяготы, пытаются отделить собственные самоощущения от того, что происходит в окружающем мире. Угроза безработицы, нового роста цен побуждает больше ценить еще не потерянное рабочее место, сегодняшний уровень дохода и потребления, доступные радости и удовольствия. Все это означает снижение «потолка» потребностей, отказ от установки на возвышение, на улучшение жизни, ориентацию на статус-кво. Английский журналист Т. Форестер определил это явление как «революцию падающих ожиданий»².

Такие настроения, естественно, шире всего распространены в социальных слоях, не испытывавших непосредственно наиболее тяжелых последствий кризиса: крайних форм бедности, длительной безработицы. Эти настроения снижают активность и динамизм личности, а нередко питают эгоизм (индивидуальный и «групповой»), презрение к «неудачникам» — тем, кому совсем плохо, стремление отгородиться от наболевших общественных проблем. «Страх и раздражение людей,— писал в 1982 году английский социолог П. Голдинг,— в том числе нередко находящихся на грани бедности, но лишенных сколько-нибудь широкого представления о

¹ Ladd E. K., Lipset S. M. *Anatomy of Decade.*— Public Opinion, 1980, vol. 3, N 1, p. 8; Inglehart R. Values, objective needs and subjective satisfaction among Western publics.— Comparative political studies, 1977 vol. 10, N 3, p. 459; Stoetzel J. Op. cit., p. 174, 182.

² Forester T. Do the British sincerely want to be rich?— New Society, 1977, Apr. 28, p. 158.

социальной несправедливости, канализированы в презрение по отношению к тем, кто стоит на самых нижних ступеньках экономической лестницы»¹. Этот вывод выглядит достаточно убедительным, если учесть, что в начале 80-х годов большинство англичан считало: пособия беднякам и безработным «помогают тем, кто не нуждается в помощи», «подрывают желание работать», «уменьшают стремление людей самим заботиться о себе»².

Жизнь без надежды

Самое трагическое последствие кризиса — судьба многомиллионной армии безработных. Безработица всегда была спутницей капитализма, она никогда полностью не рассасывалась даже в «благополучные» 50—60-е годы. Однако во второй половине 70-х и в 80-х годах безработица приобрела некоторые принципиально новые черты. Дело здесь не только в ее массовом характере, но и в ее связи с начавшейся в условиях кризиса глубокой структурной перестройкой капиталистической экономики. Эта перестройка основана на ускоренном и беспрецедентном по своим масштабам внедрении в производство новейшей трудосберегающей техники, что ведет в условиях капиталистических отношений к необратимому процессу сокращения занятости во многих отраслях промышленности, в конторском деле и сфере услуг³.

Трудящиеся, терявшие работу во время циклических кризисов прошлого, могли надеяться вновь получить ее

¹ *Golding P.* It's the poor what gets the blame.— *New Society*, 1982, Apr. 1, p. 13.

² *New Society*, 1983, Apr. 14, p. 52.

³ См.: Технологические сдвиги, наемный труд и рабочее движение развитых капиталистических стран. М., 1983; Безработица — трагедия миллионов. М., 1983.

в результате улучшения экономической конъюнктуры. Положение современного безработного сплошь и рядом воспринимается как полностью безнадежное. Это относится в первую очередь к потерявшим работу трудящимся «устаревающих» отраслей и профессий, особенно старших возрастов,— их профессиональные знания и опыт обесценены, у них нет шансов приобрести новые. Значительную часть безработных составляет и молодежь, окончившая школу, но не имеющая образования, соответствующего спросу на рынке труда,— для этих юношей и девушек вступление во «взрослую» жизнь сопряжено с трагедией неустроенности, бесперспективности, часто нищеты и бездомности. «Большинство безработных считает свое положение безнадежным»¹,— констатирует журнал американских коммунистов.

Исследования по проблемам психологических последствий безработицы, рассказы самих безработных свидетельствуют о том, что ее моральный гнет воздействует на людей еще сильнее, чем материальные лишения. Современные безработные, особенно молодые, отличаются от своих предшественников довоенных лет. Среди них теперь не только бывшие рабочие и мелкие служащие, но и немало инженеров, учителей, других высококвалифицированных специалистов. Независимо от прежней профессии и квалификации, подавляющее большинство их — люди, привыкшие к относительно стабильным или даже улучшающимся условиям жизни, в их психике воплотились потребности и притязания, пробужденные опытом эпохи. Тем тяжелее им переносить жизнь без проблеска надежды.

Отсутствие работы—это отсутствие места в обществе. Такая ситуация часто подрывает самоуважение личности, ее социальные связи, отношения с другими людьми. Тем более что укоренившиеся в буржуазном обществе со-

¹ Political Affairs, 1983, vol. 62, N 2, p. 19.

циальные представления вкупе с официальной пропагандой и средствами массовой информации создают вокруг безработных атмосферу отчуждения: под ее влиянием они и сами нередко ощущают себя несостоятельными, неудачниками. «Я чувствую себя виновным. Мне не хочется показываться людям на глаза»; «Безработный носит на себе клеймо бесполезного человека»; «Я чувствовала себя выброшенной на обочину, каким-то нечеловеком... Потеряла друзей, так как утратила способность к общению»¹ — такими признаниями полны рассказы безработных. Практически у каждого безработного, отмечается в коллективном труде западногерманских марксистов, возрастает страх перед будущим, усиливается чувство социальной изоляции, обостряются семейные конфликты, ограничивается социальная активность. Наблюдения врачей и психологов подтверждают особую подверженность безработных психическим и другим заболеваниям, неврозам, бессоннице². В другом исследовании в качестве «финальной психологической фазы» безработицы выделяется такое состояние, при котором безработный «смирится с мыслью, что он — человек конченный, и предпочитает, чтобы его не трогали», даже отказывается от предлагаемой работы³.

Рост безработицы резко расширил масштабы социального и социально-психологического явления, которое получило в западной литературе название «маргинализации». Маргиналы, то есть отброшенные на периферию, на обочину общества, — это не только длительно безработные, но и массы людей, не имеющих профессии и устойчивого места в производстве, живущих случайными заработками. Росту этого слоя во многом способствует

¹ *Harrison R.* The demoralising experience of prolonged unemployment, p. 344; *Gewerkschaftlichen Monatshefte*, 1983, N 1, S. 9.

² *Arbeitslose: Protest und Bewegung.* Frankfurt am M., 1982, S. 45—46.

³ *Hayes J., Nutman P.* Understanding the unemployed, p. 31.

политика капиталистических фирм, стремящихся в условиях экономических трудностей и структурных перестроек расширить — особенно на не требующих профессиональной квалификации работах — применение временной рабочей силы, нанимаемой и увольняемой в зависимости от конъюнктурных колебаний в данной отрасли. В результате маргиналы — как безработные, так и имеющие временную работу — становятся органическим компонентом социальной структуры современного капитализма, складывается особый маргинальный образ жизни.

«В 1929 году, — писал известный футуролог и публицист А. Тоффлер, — даже страдая от безработицы и голода, человек твердо знал свое место в обществе и вообще в жизни. Теперь миллионы людей охвачены тревогой и беспокойством, утратили свою индивидуальность, не знают, кому доверять и во что верить, и не надеются на самих себя»¹. Эта характеристика в общем верно отражает некоторые особенности маргинальной психологии — явления, еще более широкого и болезненного, чем психология «обычной» бедности и безработицы.

Психологическая маргинализация — опосредованное отражение в массовом сознании одного из наиболее патологических проявлений кризиса капитализма, технический прогресс создает в условиях капиталистических отношений реальную перспективу деклассирования и люмпен-пролетаризации растущих слоев населения. В результате жизнь «на обочине» становится тем настоящим и будущим, которое определяет социальные ожидания, самосознание, ценности и установки множества людей, начиная с детского и юношеского возраста. Такое положение особенно типично для молодежи, принадлежащей к неравноправным этническим меньшинствам — неграм и вообще «цветным» в США, выходцам из азиатских стран в Англии, современному поколению иммигрантов — афри-

¹ Toffler A. The eco-spasm. N. Y., 1975, p. 26.

канцам, туркам и др. в континентальных странах Западной Европы. В этих группах, как отмечается в исследованиях, безработица — наследственное явление и «постоянный способ существования», им закрыт доступ к полноценному общему и профессиональному образованию, даже нищенский уровень дохода является чем-то случайным и необеспеченным. Они представляют собой постоянно расширяющийся источник роста деклассированных слоев, пополняют ряды наркоманов и преступников¹.

В условиях современного кризиса границы этого социального гетто расширяются далеко за пределы дискриминируемых этнических меньшинств. По данным одного английского исследования, уже в середине 70-х годов 43% юношей 20—24 лет не имели никакой профессиональной квалификации; для представителей этой группы молодежи (главным образом рабочего происхождения) характерно отсутствие каких-либо жизненных планов, установка на жизнь «сегодняшним днем», ощущение невозможности и неспособности влиять на собственную судьбу². Понятно, с ростом безработицы и общей неуверенности в завтрашнем дне подобный тип психологии распространяется шире и еще глубже укореняется в социально обделенных слоях. Но для современного поколения психологическая адаптация к ситуации безысходности (как к чему-то «естественному», «само собой разумеющемуся») часто более трудна, чем для бедняков прошлых эпох: ведь в его психике гораздо сильнее выражено стремление к «настоящей, человеческой жизни». Необходимость подавлять это стремление, ощущение безнадежности ведут нередко к росту агрессивности личности, к несправедливости ко всей окружающей действительности, к отчаянному бунтарству. Подобные настроения испытывают не только

¹ *Glasgow D. G.* The black underclass: poverty, unemployment and entrapment of ghetto youth. N. Y., 1982.

² *Ashton D. N., Field D.* Young Workers. L., 1976.

одиночки, но целые группы молодежи, они образуют немаловажную составляющую современной молодежной «субкультуры». «Иногда мы мечтаем взорвать все,— говорит о себе и своих товарищах 17-летний француз, ненавидящий свою работу, политику, профсоюзы.— Другие, как и я, научились не надеяться ни на что — разве что все рухнет»¹.

Психологическая «маргинализация» проявляется также в развитии среди части молодежи своего рода «анти-трудовой этики». Вначале она сформировалась в рамках молодежной «контркультуры» — хиппи 60 — начала 70-х годов были в своем большинстве выходцы из состоятельных слоев, искавшие в бесцельном, бродячем существовании альтернативу мещанскому «благополучию». Под влиянием массовой безработицы идея «свободы от труда» стала распространяться и среди молодежи пролетарского происхождения, превратилась в способ психологической адаптации к состоянию вынужденного безделья, неустроенности, отчужденности от нормальной трудовой жизни. По выражению французского марксиста И. Кло, в некоторых слоях молодежи сложился своего рода «культ маргинальности», «дух гетто»². По словам одного 18-летнего безработного, он чувствует, что «свободен, впервые в жизни... Конечно, приходится работать, но я не считаю, что это так необходимо, можно жить и без работы... Это общество потребления, а я против. Потребление — это рабство, рабство в труде»³. «Маргинальная» психология, таким образом, опирается в какой-то мере на «антипотребительские» ценности, превращает их в способ самоутверждения, оправдания бесцельной и бессмысленной жизни.

Усиливает эту психологию и общее ощущение неус-

¹ *Dalvinval M.* Une autre idée des français, p. 28—29.

² *Clot Y.* La crise, les jeunes et le travail: quelle issue? — *Cahiers du communisme*, 1982, N 5, p. 36.

³ *Le Mouël J.* Le chômage des jeunes... — *Sociologie du travail*, 1981, N 2, p. 170—171.

тойчивости человеческого бытия, питаемое ожиданием термоядерной катастрофы. «Зачем я должен стараться, как считает моя мать? — рассуждает 18-летний юноша из ФРГ. — Чтобы иметь возможность прокормить семью, чтобы затем милые крошки были задавлены бетоном, который я создал для них своим трудом? Или какие другие жизненные цели? Создать обеспечение для старости, как мой отец? Ведь все это так шатко в нашей ситуации. Нет, я как-нибудь заработаю себе на то, чтобы некоторое время пожить в свое удовольствие, пошатаюсь по Европе и хотя бы посмотрю Землю, пока она не погибла»¹.

В сознании значительной части масс обстановка растущей неустойчивости, неуверенности в будущем обостряет потребность в «спокойствии», в сохранении достигнутого, снижается уровень социальных ожиданий, люди хотят прежде всего стабилизации экономического положения, гарантий занятости и жизненного уровня, соответственно усиливается их внимание и интерес к этим аспектам общественной действительности и их собственной жизни. Это не означает, однако, возврата вспять — к культу денег, потребления, экономического роста как мерила общественного прогресса. Так, в США в период с начала 70-х годов по 1982 год лишь с 19 до 22% повысилась доля опрашиваемых, считающих, что «доход — самое главное в работе», не изменилась или даже повысилась доля сторонников «новых ценностей» в сферах семейных отношений, положения женщины, терпимости к «инакомыслящим»². Идеалы полноценной, духовно содержательной жизни, эмоционально насыщенных человеческих отношений, гармонии с природой, внутренней свободы заняли прочное место в массовом сознании.

Однако идеалы идеалами, а реальная жизнь с ее тревогами и заботами берет свое. Одно дело — сознать,

¹ Glaser H. Im Packeis des Unbehagens: Eine persönliche Bilanz des Generationenkonflikts. Berlin — Bonn, 1982, S. 197.

² Public Opinion, 1983/1984, vol. 6, n 6, p. 22—27.

что деньги не самое важное в жизни, и совсем другое — сводить концы с концами, когда цены все время растут и неизвестно, как оплатить купленные в кредит вещи или больничные счета, когда работу потерять легко, а найти очень трудно... К тому же идеалы, воплощенные в «новых» массовых ценностях, — это еще не идеология, не целостное мировоззрение, способное ясно ориентировать личное и общественное поведение людей. Они выражают неудовлетворенность пределами реального бытия, мечту об «иной жизни», но отнюдь не дают ответа, как выйти за эти «пределы». Поэтому, как мы увидим ниже, «новые ценности» могут питать различные, даже противоположные идейные и политические позиции, разные типы психологии и поведения.

От «стратегии кошки» к «стратегии лисы»

Личность, сформировавшаяся в условиях буржуазного общества, чаще всего не способна осуществить четкий выбор между жизнью, соответствующей ее идеалу, и привычным, «нормативным» жизненным стандартом. Типы массового сознания, складывающиеся в 70—80-х годах, отражают стремление достичь какого-то компромисса между противоречащими друг другу мотивами, выработать такой тип мировосприятия и образа жизни, который мог бы служить оплотом и против неустойчивости «внешнего» мира, и против дисгармонии внутреннего мира личности. Уже упоминавшийся выше французский психосоциолог Б. Катля, пытаясь образно выразить суть поворота в общественной психологии, наметившегося в 80-х годах, определяет ее как переход от «стратегии кошки» к «стратегии лисы». В 70-х годах на первый план выступило стремление к освобождению от устоявшихся социальных норм — откровенная ориентация на личную

независимость («жить как вздумается»). Теперь же мотивы независимости, выражающее их поведение приспособляются к требованиям общества, они маскируются, как бы скрываются от посторонних глаз¹. Неприятие жизненных норм и идеалов, вдохновленных принципами конкуренции и погони за успехом, нередко становится глубоко пассивным, выражается в уходе от трудностей и противоречий реального мира в узкий мирок частной жизни, материального и морального «уюта». Например, во Франции в 1984 году, по данным опросов, 47% населения ориентировались в своей частной жизни на идеал «спокойной и удобной жизни в кругу семьи и друзей, в согласии с окружением», и еще 10,5% утверждали, что их не соблазняют «ни деньги, ни великие идеи», а лишь жизнь «в своем углу, в соответствии со своими вкусами»².

Даже самые нелепые и эгоцентрические формы «антипотребительства» и «самоосуществления» 70-х годов отличал напряженный, активный поиск духовной свободы личности, протест против буржуазной морали. В психологии, ориентированной прежде всего на «спокойствие», естественно, нет ни поиска, ни протеста. Напротив, ее характеризует конформизм: люди этого психологического склада не хотят тратить свои силы на гонку за «успехом», но они не хотят и угрожать собственному спокойствию, вступая в открытый конфликт с господствующими нормами. Поэтому в своем поведении и на работе, и в потреблении, и в других сферах жизни они в общем пассивно следуют этим нормам, лишь пытаясь как-то скорректировать их в соответствии со своими потребностями и запросами.

Марксисты капиталистических стран отмечают двойственный, противоречивый характер современных тенден-

¹ Cathelat B. La France des renards remplace celle des châteaux.— Le Matin, 1984, 15 mars.

² Cathelat B. Styles de vie. P. 1985, т. 2, p. 148.

ций общественной психологии: в них, как писал, например, теоретический орган Французской компартии, выражаются и «высокие требования личной свободы», и влияние «вещизма», частных форм потребления, индивидуализма¹.

Требование «личной свободы», в сущности, направлено против капиталистических отношений господства и подчинения, оно выражает стремление людей к обогащению содержания своей жизни, потребности, пробужденные современным уровнем их индивидуального развития. В условиях капитализма индивидуализация легко переходит в индивидуализм, в котором она, однако, не может адекватно выразить себя: обогащение индивидуальной жизнедеятельности немыслимо без развития общественных связей личности. Оно немыслимо в узких рамках частной жизни и досуга, без развития творческой трудовой активности личности — главной сферы приложения ее «сущностных сил». Поэтому распространяющиеся в современных условиях массовые типы индивидуальной психологии и образа жизни сплошь и рядом носят противоречивый, неустойчивый характер, наряду с индивидуалистическими тенденциями они несут в себе мотивы и ориентации, подрывающие индивидуализм.

Коммунисты капиталистических стран стремятся увязать развитие новых потребностей трудящихся с их жизнью и борьбой в сфере производства, видят в этом один из важных путей к преодолению индивидуалистических тенденций. Так, в книге, посвященной проблемам одного из крупнейших промышленных районов Франции — Рона-Альпы, ее авторы, активисты компартии, отмечают, что рабочее движение должно в своей деятельности освоить... новые явления во внетрудовой сфере, но также и выдвигать требование качественного обновления трудовой жизни... Уменьшение рабочего времени не должно

¹ Cahiers du communisme, 1982, N 5, p. 34.

вести к бегству в жизнь «вне труда». Оно должно дать возможности для разностороннего развития и взаимного обогащения образа жизни в труде и вне труда»¹.

Преодоление индивидуализма, развитие социальной активности трудящихся связаны с новыми тенденциями в межличностных отношениях. Эти тенденции носят теперь во многом иной характер, чем во времена потребительского «бума». Как отмечает западногерманский марксист К. Маазе, в конце 70—80-х годах рабочие и служащие в ФРГ гораздо больше общаются, поддерживают знакомство и дружат друг с другом, чем в 50-х или 60-х годах. «В этой структуре отношений классовая общность может вновь приобрести свою функцию социально-психологической опоры организованного, боевого классового движения»².

В среде трудящихся слоев и классов немало людей, которые в силу существующих социальных условий не находят путь к такой общности, но у которых вынужденно пассивные, стандартные формы образа жизни сочетаются с мотивами, направленными на общественно значимую деятельность. Богатство индивидуальных потенций социальной активности и бедность активности реальной — такой тип личности можно считать одним из характерных последствий развития индивидуальности в условиях капиталистических отношений.

...Американские социологи Э. Салмон и В. Стейниц провели в 1972 году обследование большой группы школьников старших классов — выходцев из рабочих семей, а через четыре года вновь беседовали с теми же молодыми людьми, успевшими к тому времени закончить образование и приобрести некоторый опыт трудовой жизни. В школе они отличались успехами в учебе, способно-

¹ Auzias J.-M., Chatron B., Dibili P., Jacot H., Nguyen T. Rhône-Alpes. La naissance d'une région. Lyon, 1983, p. 201—202.

² Maase K. Lebensweise der Lohnarbeiter in der Freizeit, S. 95, 122, 220.

стями, общественной активностью: участвовали в дискуссиях по социальным проблемам, в движении против войны во Вьетнаме, мечтали содействовать общественным изменениям. Спустя четыре года у них не было ни надежд, ни особого желания добиться высокого положения в обществе, успеха в духе пресловутой «американской мечты». Они довольны уже тем, что получили некоторое профессиональное образование, имеют работу («я не хочу быть богатым, я хочу быть средним человеком», «невозможно удовлетворить все свои желания»). Угас и интерес к политике: в американском обществе, считают они, царят неравенство и несправедливость, но систему изменить нельзя. Поэтому многие выключают телевизор, когда передаются политические новости...

Пассивности и фатализму этих молодых людей, отмечают Э. Салмон и В. Стейниц, противоречат присущая им этика индивидуальной ответственности. У них есть свои общественные идеалы, и они пытаются действовать соответственно там, где это им доступно. Например, девушка, работающая медицинской сестрой, добивается, чтобы за бедными больными уход был не хуже, чем за богатыми¹.

В сознании этих молодых американцев запечатлен опыт поколения: Уотергейт, кризис, неудачи их отцов в борьбе с «сильными мира сего» на производстве и в органах местного управления. Но в их духовном облике сохраняются и черты пролетарской классовой психологии, и стремление как-то выразить себя в своем труде, найти в нем социальный смысл, гуманистические интересы и ценности, усвоенные в школьные годы. Этот сплав, на верное, и формирует то чувство ответственности за других людей, которое никак не впишешь в рамки индивидуализма.

¹ *Solomon E. R., Steinitz V. Toward an Adequate Explanation of the Politics of Working-Class Youth.— Political Psychology, 1979, vol. 1, N 2, p. 52—57.*

Положение рядовых трудящихся в буржуазном обществе сплошь и рядом порождает у них ощущение социального бессилия, подавляет и обуживает их духовные потребности. Только практика, направленная на изменение этого положения, способна действительно реализовать возросший потенциал социальной активности личности, обогатить ее духовную жизнь. Но чтобы участвовать в такой практике, недостаточно иметь даже самые высокие и гуманные ценности и идеалы: необходимо еще связать эти идеалы со знанием целей и способов воздействия на общественную действительность, воплотить их в соответствующее *общественно-политическое* сознание. Выработка же такого сознания — это особый и достаточно сложный процесс. Речь о нем и пойдет в последующих разделах книги.

3

Массы и политика

Динамика массового политического сознания в послевоенные десятилетия не может быть понята без учета той роли, которую сыграли в ней сдвиги в потребностях и ценностных ориентациях масс. Вместе с тем она не является простым продолжением либо функцией этих социально-психологических процессов. Массовое политическое сознание правомерно рассматривать как особую подсистему системы «массовое сознание», обладающую своими специфическими механизмами детерминации и, следовательно, определенной относительной автономией в рамках данной системы.

Выявление общих для всего капиталистического мира тенденций массового политического сознания представляет особую трудность, поскольку на его развитие большее, чем на какую-либо другую сферу сознания, воздействие оказывают национальные условия и факторы. К их

числу относятся особенности национальной политической культуры и идеологического климата, партийно-политическая структура каждой страны, события ее прошлой и современной истории. Тем не менее возрастающее сближение характера экономических, социальных, социально-психологических, идеологических процессов, развертывающихся в промышленно развитых капиталистических странах, их социальной структуры, наконец, международных условий, в которых они существуют и которые в значительной мере слились в наше время в единый глобальный контекст,— все это увеличивает общность тенденций политической жизни и политического сознания в капиталистическом мире.

Эта общность проявляется как в эволюции типов массового политического сознания, образующих его наиболее устойчивые, структурные компоненты, так и в динамике политических настроений, мнений и т. п. Что касается типов, то известная их повторяемость в разных странах — факт далеко не новый: в обыденном языке он уже давно отражается в дифференциации политических взглядов по шкале «левые — правые», «либеральные — консервативные» и т. д. В основе подобной дифференциации лежит критерий отношения к существующим общественным и политическим институтам, то или иное сочетание их поддержки и стремления к их изменению: к сокращению экономического и социального неравенства, к демократизации, к защите интересов и потребностей трудящихся классов.

Для марксистской типологии массового политического сознания данный критерий тоже важен, однако она не может им ограничиться. Она должна учитывать также мотивы отношения субъектов к данному общественному и политическому строю, ибо без этого невозможно выявить связь политического сознания с общественным бытием: за мотивами стоят осознанные политические интересы классов и других социальных групп. Мотивы вы-

являются прежде всего через наиболее важные для субъектов сознания цели политической деятельности, и иерархия таких целей, очевидно, тоже является необходимым критерием типологии. Наконец, для нее важен критерий средств, выбираемых для осуществления этих целей: он связан с весьма существенным вопросом о формах массового политического поведения, роли в нем действий самих масс.

Исходя из этих посылок, можно выделить некоторые типичные ориентации массового политического сознания, сложившиеся в ходе исторического развития капитализма. Большинство их укоренено в историческом опыте и традициях, или, иными словами, в политической культуре. В современной марксистской литературе политическая культура определяется как «исторический и социальный опыт национальной или наднациональной общности... зафиксированная в законах, обычаях и политическом сознании память о прошлом как общества в целом, так и его отдельных элементов, в первую очередь классов и социальных слоев»¹.

Это определение относится к политической культуре, охватывающей целые нации, группу наций или общественные формации. Однако при капитализме такие культуры не могут быть чем-то единым и монолитным; в пределах каждой из них существуют различные политические субкультуры, так или иначе отражающие различия и борьбу интересов классов и других социальных групп, образующих общество, различные представления о способах защиты этих интересов и целях политической деятельности. Субкультуры обеспечивают устойчивость таких представлений, их передачу от поколения к поколению. В каждой из таких субкультур присущие капитализму в целом типы политического сознания по-

¹ Галкин А. А. Феномен политической культуры как фактор познания общественных движений.— В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. 1983. М., 1983, с. 94—95.

лучают конкретное специфически национальное и социально-классовое преломление, сходный тип сознания по-разному выражается в разных странах и в разных классах и слоях внутри каждой страны.

В непосредственной социальной среде, а также в индивидуальном сознании та или иная политическая ориентация может быть выражена с большей или меньшей определенностью, быть действительно доминирующей и устойчивой либо относительно «слабой», сочетаться с элементами других ориентаций. Поэтому ареалы распространения каждого типа выходят за пределы соответствующих субкультур; они могут сужаться или расширяться под влиянием конкретных обстоятельств, усиливающих или ослабляющих соответствующую ориентацию. Приливы «левых» или «правых» настроений, нередко наблюдающиеся в капиталистических странах, в той или иной мере отражают эту неустойчивость и неопределенность политических позиций части масс.

Некоторые из типичных политических ориентаций сложились под непосредственным влиянием культурно-идеологической гегемонии буржуазии, а также традиций и привычек, унаследованных еще от феодально-абсолютистских порядков. Это *консервативно-националистический* тип, ориентированный на защиту «национальных интересов» на международной арене, «порядка» внутри страны. К нему близок по своему конформистскому содержанию *иерархический* тип, отличающийся от первого акцентом на иные цели: защиту стабильности экономического и социального положения членов общества либо его улучшение в рамках существующей социальной иерархии на основе классового мира и сотрудничества, деятельности «умных» и «знающих» политических деятелей. Первый тип чаще всего включает поддержку «сильного государства», «строгого закона», вообще репрессивных форм политической власти, но он способен воплощаться и в массовые оппозиционные движения пра-

ворадикального или фашистского толка. Иерархический тип отличается от него большей пассивностью, индифферентностью политического поведения, делегированием политической инициативы в «верхи» общества. Оба названных типа распространены в различных социальных слоях, однако по своей классовой сущности они представляют собой массовые разновидности буржуазного политического сознания.

Реформистский (или реформистско-демократический) тип массового политического сознания ориентирован на более или менее частичные и постепенные преобразования в интересах населения; его отличает особо активная поддержка норм и принципов буржуазной демократии. Этот тип весьма противоречив: в нем в той или иной мере сочетаются защита основ существующего строя и робкая надежда выйти за его рамки; традиция массового давления на «верхи» и склонность к соглашательству, к верхушечным решениям социальных проблем, к преобразованиям, проводимым «сверху». Отражая особенности сознания мелкой буржуазии и вообще промежуточных социальных слоев, реформистские политические ориентации вместе с тем распространены в рабочем классе, они выражают, как отмечал В. И. Ленин, «общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу»¹. Как известно, реформизм — это идеология классового компромисса, он подчиняет коренные интересы рабочего класса интересам сохранения капиталистического строя.

Развитие государственно-монополистического капитализма, обусловленные им социальные, политические и идеологические изменения привели к кристаллизации но-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 42.

вого типа массового политического сознания, который может быть назван *технократическим* (или реформистско-технократическим). Для него характерно сведение целей политической деятельности к обеспечению экономического роста и основанному на нем «рациональному», якобы «деидеологизированному» решению назревших социальных проблем. В качестве ведущего способа этой деятельности признается «эффективное», основанное на научных знаниях управление. В рамках технократического типа демократические институты оцениваются тем же критерием «эффективности», основным же принципом политической власти для него, в сущности, является иерархия компетенции и знаний. Технократическое сознание выражает интересы монополистической буржуазии и связанных с ней слоев управленческой и научно-технической интеллигенции.

Основные черты *революционного* типа политического сознания — ориентация на ниспровержение капиталистического строя во имя строительства нового, социалистического общества, признание массовой борьбы главным средством осуществления этой цели. Этот тип сложился во второй половине XIX — первой половине XX века на основе развития революционного рабочего движения.

Антикапиталистический протест мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции породил особую субкультуру анархического бунтарства и морально-этического отрицания капиталистических порядков, принципиально отличающуюся по своим идейным источникам и содержанию от пролетарского революционного сознания. В 60—70-х годах нашего века роль этой субкультуры сильно модифицированной новыми историческими условиями, возросла, а характер ее взаимоотношений с пролетарским революционным сознанием во многом изменился. Это не могло не отразиться на всей динамике массового революционного сознания.

Предлагаемая типология, разумеется, предполагает

весьма высокую степень абстракции, она не учитывает громадного разнообразия политических установок, взглядов, убеждений, в которых конкретизируется каждый из названных типов. Смысл ее — прежде всего в выделении наиболее общих ориентаций массовой политической психологии, возникших в процессе усвоения и переработки ею продуктов прошлой и современной идеологической деятельности. Поэтому она не совпадает с типологией партий и идейно-политических течений: представители каждого типа могут в зависимости от особенностей национальной политической культуры, партийно-политической структуры, конкретных особенностей своего собственного положения и сознания примыкать к разнотипным течениям, голосовать на выборах за весьма отличные друг от друга партии. В то же время каждая партия обычно имеет в своей массовой базе представителей различных типов сознания. Особенно это относится к «соседним», легче переходящим друг в друга типам. Так, при всей противоположности революционной и реформистской идеологии массовые революционные партии обычно поддерживают немало сторонников реформистского пути развития, видящих в них эффективное орудие борьбы за реформы, давления на господствующий класс. Например, во Франции и Италии доля избирателей коммунистических партий в два-три раза превышает долю тех, кто высказывается за революционный путь общественного развития.

Соотношение массовых политических ориентаций, существующее в каждой конкретной стране, отражает групповую структуру массового сознания, точнее, идейно-политический «разрез» этой структуры. Выше уже рассматривалось в общих чертах ее отношение к социально-классовой структуре общества, в частности, причины их несовпадения. В массовой базе каждой ориентации представлены различные классы и слои капиталистического общества. Вместе с тем присущий капитализму антагонизм классовых интересов достаточно четко проявляется

в структуре массового политического сознания. Если представить себе движение от революционной ориентации ко все более «конформистским», то в их базе соответственно уменьшается доля пролетариата и возрастает доля буржуазии: среди носителей массовой революционности преобладают представители рабочего класса, естественно, там нет капиталистов, среди «консерваторов-националистов» рабочих немало, но их удельный вес, как правило, значительно меньше, чем среди «реформистов». Так, во Франции в 1983 году 58% опрошенных рабочих и 46% служащих намеревались голосовать за левые, соответственно 39 и 49% — за правые партии; в Великобритании на выборах 1983 года за лейбористов голосовало 38% рабочих и 21% служащих, за консерваторов — соответственно 33 и 55%, в ФРГ в 1980 году 58% рабочих голосовали за СДПГ, 37% — за ХДС/ХСС (к 1983 году соотношение изменилось в пользу ХДС/ХСС) ¹.

В силу весьма обобщенного характера данной типологии политических ориентаций ее применение к массовому сознанию отдельных капиталистических стран требует значительной конкретизации. В наиболее полном и развитом виде названные ориентации и их связи с социально-классовой структурой общества проявляется в странах Западной Европы, особенно в тех из них, в которых в силу исторических условий революционный тип сознания получил действительно массовое распространение. В США, где национальная политическая культура отличается значительно большей гомогенностью, чем в Западной Европе, массовые политические ориентации дифференцированы слабее, в них менее явно отражаются противоположные классовые интересы. Так, консервативно-националистический тип сознания реже связан здесь с идеей «сильного государства» и чаще сочетается традици-

¹ Nouvel Observateur, 1983, N 972, p. 22—23; Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 8—9; Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5. August 1982, S. 5.

онно с «демократическими» установками, значительно меньше, чем в ряде западноевропейских стран, развит «иерархический» тип. Размытость, нечеткость политических ориентаций во многом обусловлены тем, что в США нет массовой рабочей партии, и средний американец, независимо от своего социального положения, чаще всего вынужден выбирать между двумя буржуазными партиями. На президентских выборах 70—80-х годов от 46 до 60% американских рабочих, участвовавших в выборах, голосовали за демократических кандидатов, а подавляющее большинство остальных — за республиканских.

Тем не менее в современной Америке, хотя и в своеобразных формах, проявляются те же, что и в остальном капиталистическом мире, процессы дифференциации массового политического сознания. Так, американскими модификациями реформистского и технократического типов можно считать «либерал-реформистский» и «либерал-технократический» типы¹. Доля рабочих, голосующих за демократическую партию, особенно организованных, выше доли всех других социально-классовых групп, а доля бизнесменов — самая низкая; среди избирателей республиканской партии соотношение обратное². Для массового рабочего избирателя демократическая партия в силу ее традиционного либерально-реформистского «образа» играет роль, сопоставимую с ролью реформистских партий Западной Европы.

Разумеется, не только в США, но и в Японии, в отдельных странах Западной Европы, тихоокеанского бассейна и т. д. основные типы массовых политических ориентаций имеют национально-своеобразные черты, по-разному складывается в различных странах соотношение между этими типами. При всем этом разнообразии в мас-

¹ См.: Современное политическое сознание в США, с. 104.

² Public Opinion, 1984, June — July, p. 39.

совом политическом сознании всего капиталистического мира примерно с конца 60-х годов стал проявляться общий сдвиг «влево». На рубеже двух десятилетий наиболее широкое распространение в большинстве капиталистических стран получают политические установки, ориентированные на изменение общества реформистским или революционным путем, предельно суживается влияние консервативно-охранительных взглядов.

Важнейшими, общими для капиталистического мира предпосылками сдвигов в политическом сознании и поведении масс явились рост потребностей и социальных ожиданий, изменения в системе ценностей. Новые потребности и ценности натолкнулись на социальные пределы их реализации, обусловленные существующими отношениями. В результате усилилось массовое стремление расширить эти пределы, «изменить жизнь» путем общественных изменений.

Массовое сознание стало более «смелым», менее «скованным» в отношении политической сферы. Одной из глубинных психических основ конформистских (консервативных, иерархических и близких к ним) его типов — того, что англичане называют «почтительностью», — является ощущение собственной социальной слабости, невозможности влиять на политическую жизнь. Эта слабость рационализируется и преобразуется на уровне сознания в стереотипные представления о естественности, «правильности» существующего общественного устройства, о приоритете общенациональных целей и интересов. Общее обновление горизонтов массового сознания, связанное с глобальными социальными изменениями; опыт государственно-монополистического капитализма, продемонстрировавший необходимость для власти имущих считаться с требованиями и нуждами низов, — все это расшатало основу таких стереотипов у той или иной части масс, повысило уровень «границ возможного» в политической сфере. Сыграл здесь свою роль и опыт наиболее активных и бое-

вых массовых выступлений конца 60 — начала 70-х годов, ослабление международной напряженности.

Однако уже в середине 70-х годов происходит очевидное торможение этой тенденции. Опросы фиксируют резкий взлет консервативных настроений и сужение влияния реформизма. Доля «консерваторов» в странах «Общего рынка» возросла в 1970—1978 годах с 15 до 33%, «реформистов» — упала с 73 до 55%. В ФРГ в 1977 году лишь 47%, а в 1979 году — 37% опрошенных высказались в поддержку продолжения реформистского курса, а 33% даже поддержали в 1979 году идею частичного отказа от уже осуществленных реформ в сферах социального обеспечения и медицинского обслуживания¹. В Великобритании в ходе одного из опросов 1977 года число избирателей, высказавшихся против программы реформ, выдвинутой лейбористской партией (участие профсоюзов в управлении предприятиями, налог на богатство, национализация банков, сокращение военных расходов), значительно превысило число сторонников этой программы, причем в числе ее противников оказалось от четверти до половины избирателей лейбористов². Рост влияния левых партий в ряде стран приостановился и сменился в некоторых из них усилением позиций правоцентристских буржуазных сил (например, в Великобритании, Швеции, Австралии).

В конце 70 — начале 80-х годов динамика политического массового сознания становится все менее однозначной, в ней трудно выявить какой-либо единый «вектор», общую для всего капиталистического мира тенденцию. В одном и том же 1981 году в США приходит к власти одна из наиболее реакционных администраций за всю новейшую историю страны, а во Франции — наиболее левое по своему составу и программе правительство с 1947 года. Сдвиг влево продолжается в начале 80-х годов еще в

¹ *Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. Ein schwieriges Vaterland...*, S. 175, 220.

² *Sunday Times*, 1977, Sept. 18, 25; *Ibid.*, 1977, Oct. 2, 23.

ряде стран: в Испании, Греции, в той или иной мере возобновляется в Швеции, Австралии, Новой Зеландии, впоследствии — в Италии. Подобная разнонаправленность тенденций не только в разных странах, но и внутри отдельных стран проявляется в данных опросов, во многих событиях политической жизни.

Дело здесь не только в национальной специфике, хотя она, конечно, имеет большое значение. Возросшая разнонаправленность, «многомерность» массового политического сознания отражает специфическое его состояние, сложившееся в результате всего его развития в предшествующий период. Чтобы понять природу этого состояния, характеризующие его тенденции, необходимо обратиться к анализу факторов и механизмов, формирующих политические взгляды и ориентации, общественно-политическое поведение масс в условиях современного капитализма.

Требовательное сознание

Формирование и развитие массового политического сознания есть результат взаимодействия мотивационных и познавательных процессов, основу которых образуют практика людей, опыт их жизни в обществе. Люди познают свои отношения в обществе и тем самым определяемые этими отношениями объекты и способы реализации своих потребностей. Политика, писал В. И. Ленин, «есть участие в делах *государства*, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства...»¹. От этой деятельности, классового характера и организации государственной власти в большой мере зависят жизненные возможности и судьбы отдельных людей. Поэтому те потребности, которые рождаются из повседневных условий жизни и практики масс, побуждают их осознавать общественно-политическую дей-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 340.

ствительность, определяют их субъективное отношение к ней, их политические взгляды и убеждения. И в то же время такое осознание оказывает обратное воздействие на содержание и соподчинение потребностей и мотивов.

Понятно, что в содержание политического сознания входят не вообще любые потребности людей, а только те, которые опосредуются политической деятельностью. Продуктом такого опосредования являются политические убеждения, установки, взгляды, в которых индивидуальные и групповые мотивы преобразуются в мотивы общественно-политические. Существует особый тип потребностей, которые стимулируют такое преобразование, — это потребности людей в осознании своих взаимных связей в обществе, в определении своего места в нем, в интеграции в ту или иную большую социальную общность: класс, этнос, нацию. На основании этого осознания формируются представления людей о своих коллективных интересах и целях, их общественные идеалы и групповое сознание.

Все эти компоненты массового политического сознания выражают одновременно и мотивы масс, их интересы и их знания об общественно-политической действительности. На основании таких мотивов и знаний люди вырабатывают определенное отношение к этой действительности, например пассивно-приспособительное, конформистское или активно-созидательное, критически-преобразовательное. Мотивационное содержание массовых политических представлений проявляется в том, что они пронизаны эмоциями: страхом или надеждой, чувством бессилия или стремлением к борьбе, верой и отчаянием, любовью и ненавистью. Политические настроения сильно влияют на всю динамику массового сознания; как вообще и любые человеческие эмоции, они служат своеобразным «сигнализатором» потребностей масс. Даже если люди не испытывают субъективного интереса к политическим проблемам и крайне мало информированы о

них, состояние их мотивов и потребностей зависит от восприятия ими общественно-политической действительности.

Массовое политическое сознание формируется, воспроизводится и развивается под воздействием особых мотивационных и познавательных механизмов. В системе этих механизмов центральное место занимает процесс соотнесения потребностей и мотивов, которые испытывают люди, с известными им целями и способами политической деятельности, политическими идеями и ценностями. Результатом такого соотнесения является *оценка возможностей* реализации потребностей и целей масс в сфере политической деятельности; на ее основе осуществляется выбор «своей» социально-политической общности, формируются конкретные политические ориентации и типы массового политического сознания, уровень психологической вовлеченности в политику и степень субъективного интереса к ней.

Оценка возможностей — глубинный психологический процесс, далеко не всегда осознаваемый самими субъектами сознания и не обязательно осуществляемый каждым отдельным индивидом. В той или иной мере она всегда продукт прошлого и современного группового опыта, воплощенного в политической культуре, в ценностно-нормативных идеологических представлениях, которые обобщают и символизируют социальное знание о возможных и предпочтительных целях и способах политической деятельности, фиксируют определенное отношение к политическим институтам. Однако такого рода представления усваиваются субъектами сознания — индивидуальными и групповыми, становятся их собственными установками и убеждениями в той мере, в какой они соответствуют (или по меньшей мере не противоречат) их собственному опыту. Если, например, рабочий в условиях капитализма имеет устойчивые революционные убеждения, чаще всего это означает, что он, с одной стороны,

усвоил революционную идеологию, нормы и ценности классово сознательного пролетариата, а с другой, что он нашел подтверждение этим идеям и ценностям в тех или иных сторонах своей собственной практики. Рабочий же, который психологически покоряется отношениям эксплуатации и социального гнета, очевидно, не только испытывает влияние идеологии, проповедующей неизблемость существующих порядков, но и непричастен близко к классовому опыту борьбы против этих порядков.

Массовое политическое сознание, таким образом, выражает опосредованно уровень и содержание потребностей масс и вместе с тем характер их знаний об общественно-политической действительности — как тех, которые выработаны различными идеологиями и закреплены в политической культуре, так и «добытых» собственной практикой массовых социальных групп. Те потребности, которые реализуются в сферах обыденной жизни людей — в труде, материальном потреблении, досуге, межличностных отношениях и т. д., — осознаются в основном в процессе повседневной практики индивидов. Иначе обстоит дело с потребностями, которые воплощаются в политическом сознании: объектом познания являются в данном случае общественные связи и отношения, которые не могут быть целиком охвачены собственной практикой массового субъекта (например, выражающиеся в деятельности правительств и других звеньев госаппарата, межгосударственные отношения и т. д.). Именно поэтому в формировании массовых политических представлений и убеждений особо важную роль играют продукты общественного сознания и специализированной, прежде всего идеологической, познавательной деятельности. Однако усвоение этих «продуктов» и их отбор в соответствии с потребностями и опытом самих масс есть проявление их собственной познавательной деятельности. «Над различными формами собственности,— писал К. Маркс,— над соци-

альными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»¹.

Собственная интеллектуальная, познавательная активность самих масс так или иначе участвует в процессе формирования и развития их политического сознания. Понимание особенностей этого процесса в определенных исторических условиях предполагает, следовательно, уяснение как характера и динамики массовых потребностей, так и условий, возможностей, способов познавательной деятельности массового субъекта.

О том, как и в каких направлениях идет развитие потребностей людей в условиях современного капитализма, речь шла ранее. Здесь важно подчеркнуть, что это развитие значительно повысило требования масс к политической деятельности. Послевоенный государственно-монополистический капитализм «приучил» их связывать общую социально-экономическую ситуацию, ее динамику с деятельностью государства. Все больший круг волнующих людей проблем общественной жизни стал восприниматься как круг проблем политических. Особенно показательны данные, свидетельствующие о масштабах этого процесса в США, где государство традиционно представлялось чем-то весьма далеким от повседневных интересов индивида². В 1973 году 63% опрошенных американцев считали, что действия федерального правительства оказывают «огромное» влияние на личную жизнь людей³. В большинстве западноевропейских стран, где прерогативы и роль государственной власти были намного больше,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 145.

² См. подробно: Попов Н. М. Политизация массового сознания в США. М., 1981.

³ Confidence and concern: Citizens view American Government. P. 1. Washington, 1973, p. 104.

такое представление проникало в массы значительно легче, чем в США.

Это представление, естественно, распространилось и на другие политические институты, прежде всего партии. В зависимости от своих политических взглядов гражданин капиталистической страны связывает решение важных для него проблем с деятельностью либо данного государства, либо политических сил, претендующих на государственную власть и способных так или иначе влиять на нее. Но и в том и в другом случае политика осознается как важнейший фактор жизненных условий индивида.

На протяжении трех послевоенных десятилетий происходит неуклонный рост массового интереса к политике. Так, в ФРГ доля лиц, интересующихся политикой, увеличилась с начала 50-х годов по конец 70-х с 27 до 49%, а доля тех, кто вообще не интересуется ею, уменьшилась с 32 до 9%¹. Во Франции только с 1969 по 1977 год доля интересующихся политикой увеличилась в три раза (с 20 до 63%)². В Италии доля лиц, активно следящих за политическими событиями, возросла с 24% в 1968 году до 48% в 1976 году, а доля совершенно не интересующихся политикой упала с 42 до 17%³. В Западной Европе в среднем в 1981 году примерно 40% опрошенных выражали интерес к политике, причем, как показывают данные опросов, среди людей с левыми взглядами больше интересующихся политикой, чем среди «правых»⁴.

Каким же образом удовлетворяется этот возросший интерес к политике? Как он влияет на содержание массового политического сознания? Чтобы ответить на эти во-

¹ *Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. Ein schwieriges Vaterland...*, S. 78.

² *Sondages*, 1969, vol. 31, N 112, p. 1-2; *Nouvel Observateur*, 1977, N 670, p. 33.

³ *Fabriz G. Il comportamento politico degli italiani*. Milano, 1979, p. 18.

⁴ *Stoetzel J. Op. cit.*, p. 44—45, 47.

просы, необходимо хотя бы в самых общих чертах уяснить, как действуют механизмы отражения общественно-политической действительности в сознании масс, как в современных условиях развиваются возможности и способы ее познания массовым субъектом.

Трудные пути познания

На протяжении многих веков эти возможности и способы ограничивались в основном непосредственным чувственным восприятием явлений общественно-политической жизни. Персонифицированный характер политических отношений: монарх — подданные, сеньор — вассалы, граждане городской общины — выбранные ими должностные лица побуждал воспринимать события политической жизни лишь как результат действий конкретных носителей власти, проявление их личных качеств. Связи и причины явлений, недоступные простому эмпирическому восприятию, например природа власти, классового членения общества, отражались в массовом сознании в таких формах, которые соответствовали господствующей идеологии — преимущественно в виде религиозных представлений — «вся власть от бога», освященным веками традициям — «так было от века». В этих условиях и формы массового протеста против существующих порядков воплощались в персонифицированные или религиозно-мифологические представления, например средневековые ереси или «самозванство» в России XVII—XVIII веков.

В борьбе с феодально-абсолютистскими порядками нарождающаяся буржуазия противопоставила феодальной идеологии принципы рационального осмысления целей, идеалов, норм политической деятельности. На место персонифицированных, конкретно-эмпирических образов общественной действительности, в которых человек

выступал как нечто неотделимое от своих занятий и прирожденного социального положения (дворянина, купца, крестьянина и т. д.), буржуазная идеология выработала идеал свободного индивида, равноправного участника деятельности по производству и обмену товаров, а поэтому и всей общественно-политической жизни. В буржуазную эпоху политические идеи и представления приобретают абстрактно-теоретический характер, выводятся из рационального, научного или наукообразного анализа эмпирической действительности. Такие абстрактные принципы и понятия, как свобода, равенство, братство, народный суверенитет и т. д., входят в массовое сознание и тем самым значительно усложняют и развивают используемый им инструментарий общественно-политического познания.

Чем больше буржуазная идеология превращалась в средство оправдания капиталистических отношений, тем более ограниченный и искаженный характер приобретал ее рационализм. В развитом буржуазном сознании формально-рациональные процедуры мышления служат способом обоснования иллюзорных, мифологических по своей сущности представлений, превращающих, как показал К. Маркс, отношения между людьми в отношения между вещами, маскирующих эксплуатацию и насилие, социальное и политическое неравенство.

Подлинно научное идеологическое и политическое сознание впервые было выработано марксизмом. Даже некоторые видные представители буржуазной науки признают это и связывают присущий ему тип научно-теоретического мышления с потребностями и интересами рабочего класса. Марксизм, утверждает, например, К. Мангейм, один из создателей «социологии знания», выработал «полностью рационализированное представление об историческом процессе», которое является, по его мнению, «теорией поднимающегося класса», служит «социально связующим фактором» для объединения различ-

ных, «не связанных совместной жизнью», «рассеянных в пространстве групп» этого класса. Подобное признание источников силы марксизма тем более показательно, что оно принадлежит принципиальному противнику марксистского учения.

Обычно каждый более развитый тип познавательного процесса в той или иной мере сочетается на массовом уровне со «следами» менее развитых типов. Так, даже французские якобинцы не смогли при всей своей враждебности к религиозным идеям и институтам отказаться от представления о «верховном существе», а в США господствующая идеология спланировала в единую систему идеи века Просвещения и протестантизм¹. Переход познавательно-идеологической деятельности на теоретический уровень сам по себе не мог разрушить «дотеоретические» структуры мышления и познания масс, он привел поэтому к углубляющемуся разрыву между познавательными возможностями массового и теоретического сознания. Массы в основном воспринимали, усваивали «в готовом виде» теоретические знания и идеи. В начале XX века В. И. Ленин писал, что «о самостоятельной, самими рабочими массами... вырабатываемой идеологии не может быть и речи», что рабочие участвуют в этой выработке «лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удастся овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание»².

Поскольку массы не участвуют сами в выработке идеологии, они усваивают ее в форме стереотипов — устойчивых систем представлений, которые входят в сознание и сохраняются в нем в качестве единых монолитных «блоков». Особенность таких стереотипных «блоков» состоит в том, что они не подвергаются изменениям в рамках самого массового сознания. Отсутствие у масс

¹ См.: *Фурман Д. Е.* Религия и социальные конфликты в США. М., 1980.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.

возможностей собственного научно-теоретического мышления обуславливает такой тип познания общественной действительности, при котором объясняющие ее теоретические положения усваиваются ими, поскольку по своему общему «духу», направленности соответствуют потребностям и опыту масс, но последние не проверяют истинность этих положений, опираясь на самостоятельный анализ общественных явлений и процессов.

Рассмотренный тип отношений между идеологически-познавательной деятельностью и массовым сознанием является, как и более ранние, исторически преходящим. Несомненно, что и в наши дни он широко распространен в капиталистическом обществе. Но одновременно усиливаются и разлагающие его тенденции. Их порождает, с одной стороны, рост образованности и культуры масс, развивающий их потребность в самостоятельном мышлении. С другой стороны, сказывается возрастающий динамизм общественной жизни. В условиях научно-технической революции качественные социальные изменения приобретают постоянный и все более многоплановый характер, охватывая при этом самые разные сферы жизни — от личностно-интимной до глобально-планетарной. Ориентироваться в этой ситуации с помощью давно сложившихся стереотипов становится все более трудным. Возникает объективная необходимость в значительном усилении динамизма, маневренности массовых познавательных процессов, а это возможно лишь при условии развития самостоятельности мышления масс.

Новая ситуация ведет, во всяком случае на первых порах, к общему ослаблению стереотипизированных массовых идеологических представлений. Модный одно время на Западе тезис о «конце идеологии» отражает в искаженном виде это явление. В действительности размывается не потребность масс в идеологии, а их способность принимать идеологии в виде готовых моделей. Они все более нуждаются в таких формах идеологически-позна-

вательной деятельности, которые способствовали бы удовлетворению и развитию их потребности в самостоятельном критически-рациональном мышлении.

Возможна ли реализация этой потребности в условиях современного капиталистического общества? Очевидно, что такого рода возможности зависят как от уровня интеллектуального развития массового субъекта, так и от доступных ему знаний — от объема и содержания получаемой им общественно-политической информации. Иными словами, данная потребность может удовлетворяться лишь в той мере, в какой до масс доходят знания, помогающие им вырабатывать самостоятельное и обоснованное представление о действительности, соответствующее их интересам и стремлениям. Именно такие знания стремятся нести в массы защищающие эти интересы политические и другие организации трудящихся, коммунистические партии.

Растущие потребности в знании, кризис его стереотипных форм могут быть источником поступательного развития массового общественно-политического сознания, повышения его уровня, но, оставаясь неудовлетворенными, эти потребности могут также усиливать кризис сознания, дезориентацию и политическую пассивность

«Никто не понимает, что происходит»

Революция в средствах информации, прежде всего массовое распространение телевидения, в громадной мере расширили объем политической информации, доступной массовой аудитории, сделали более непосредственной, образной и тем самым облегчили ее восприятие. Но вместе с тем телевидение стало мощным орудием распространения идеологического и политического влияния господствующего класса. В результате человеку становится все труднее самостоятельно ориентироваться в нарастаю

шем потоке информации, отделить реальный факт от его пропагандистского толкования, сопоставить и систематизировать множество таких фактов. Тем более, что при всей своей тенденциозности эта информация противоречива: живые образы событий сплошь и рядом формируют впечатления, не поддающиеся целостному, однозначному осмыслению. Так, американец, смотревший телерепортажи о войне во Вьетнаме, побуждался ими к солидарности с «нашими парнями», якобы «сражающимися за демократию», и в то же время, видя воочию ужасы и бедствия, приносимые людям войной, нередко испытывал сомнения в ее справедливости и целесообразности.

По мнению американского леворадикального социолога Р. Сеннета, благодаря телевидению житель капиталистической страны знает теперь о происходящем в обществе гораздо больше, представляет политические события нагляднее, чем в прошлом, но эти знания он усваивает и осмысливает в качестве индивида, изолированного от своей социальной группы¹. Действительно, в «традиционных» системах информации и коммуникации важную роль играет личное общение между людьми, принадлежащими к одному и тому же классу или внутриклассовой группе,— общение, в процессе которого вырабатывается отношение к общественно-политической информации, соответствующее интересам группы и служащее для трудящихся классов оплотом против идей и оценок, которые навязывают им власть имущие.

В наши дни большинство жителей капиталистических стран проводят у телевизора больше времени, чем в общении между собой, посвящают ему больше свободных от работы часов, чем каким-либо иным видам деятельности.

Это отнюдь не подтверждает довольно распространенной точки зрения о якобы безграничной способности со-

¹ Sennet R. The Fall of Public Man. N. Y., 1977, p. 283.

временных средств массовой информации манипулировать сознанием людей. Объективные эмпирические исследования, проведенные в капиталистических странах, доказывают, что установки, прочно усвоенные человеком от своего окружения или из собственного опыта, слабо меняются под влиянием массовых коммуникаций¹. В современных условиях процесс расшатывания стереотипных форм политического сознания, отталкивание от навязанных суждений и оценок ведет к падению доверия и к прессе, и к телевидению, и к официальной политической пропаганде. В 1958 году 70%, а в 1984 году лишь 38% американцев выражали доверие к прессе, а к телевизионной информации еще меньше — 29%. В 1981 году 40% опрошенных считали, что и правительство, и телевидение, и газеты часто или всегда лгут². В ФРГ доля доверяющих телевизионной информации сократилась в 1970—1980 годах с 56 до 41% (в группе населения моложе 30 лет — до 30%)³. Однако, даже и не доверяя телевизионной, газетной или правительственной политической информации, люди часто черпают главным образом из нее интересующие их факты, а вместе с фактами в их головах сплошь и рядом оседает и тенденциозно-пропагандистское освещение явлений политической жизни. В результате представления об этих явлениях приобретают все более разорванный, беспорядочный, противоречивый характер.

Таким образом, в условиях современного капиталистического общества одновременно усиливается и стремление масс к самостоятельному критическому мышле-

¹ *Klapper J. T.* The Social Effects of Mass Communication.— In: Science of Human Communication. N. Y., 1963, p. 65; *Lazarsfeld P. F., Merton R. K.* Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action.— In: Process and Effects of Mass Communication. Urbana a. o., 1971, p. 554—558.

² *Public Opinion*, 1984, vol. 7, N 2, p. 6—8.

³ *Maase K.* Lebensweise der Lohnarbeiter in der Freizeit, S. 163.

нию, и интенсивность обработки массового сознания буржуазной системой информации. Столкновение этих противоположных тенденций — один из важнейших источников противоречивости и дифференциации политического сознания. Способность человека преодолеть влияние тенденциозной информации зависит, с одной стороны, от его общего культурного и интеллектуального уровня, с другой — от интенсивности его психологических и идеологических связей с большими социальными группами, которые обладают собственной политической культурой, сознанием групповых интересов, противостоящим господствующей идеологии. Если эти факторы отсутствуют или выражены слабо, человек подчас даже против собственной воли и сознания становится жертвой буржуазной пропаганды. Во многом этому способствует «технология внушения», присущая наиболее массовым ее средствам — телевидению, иллюстрированным журналам; рассчитанный на определенное эмоциональное воздействие внешний образ нередко подавляет мысль, сознательное восприятие информации. Значительная часть телезрителей воспринимает не столько реальное содержание той или иной политической платформы, сколько внешность представляющего ее политика, его манеру говорить и держаться.

Телевизионные способы пропаганды по-своему эксплуатируют растущее недоверие массовой аудитории к широкоэкранным программам и стереотипным политическим формулам, ее потребность в информации, доступной непосредственной эмпирической проверке. Для людей, которые не могут осуществить такую проверку на основе знаний и навыков обобщенного мышления, мерилom достоверности информации становятся эмоциональные впечатления. Как показало обследование, проведенное в 1981 году в западноевропейских странах, наиболее широкое использование телевизионных источников информации характерно для людей с низким уровнем

образования, материально и социально обездоленных, не способных активно интересоваться политическими проблемами, склонных к поддержке правых политических сил¹. Низкий интеллектуальный и культурный уровень личности усиливает ее подверженность воздействию оболванивающей пропагандистской информации, распространяемых ею идейно-политических представлений.

Интенсивность политических интересов людей и уровень их знаний взаимосвязаны с осознанной или подсознательной оценкой ими возможностей влиять на общественно-политическую действительность. Как показал К. Г. Холодковский, неосознанность таких возможностей характерна как для тех, кто вообще не интересуется политикой, так и для интересующихся ею пассивно, не имеющих устойчивых, сильно выраженных политических убеждений. Свое отношение к политике эти «пассивно интересующиеся» способны выражать главным образом в мнениях по текущим политическим вопросам, оценках действий правительств, политических лидеров и т. д.² Понятно, что на их мнения особенно сильное влияние оказывает именно массовая политическая информация, которую они мало способны отсеивать и оценивать через призму своих собственных ценностей и установок. В таких случаях сознание, в котором уже расшатаны стереотипы, способные формировать устойчивые взгляды, проявляет восприимчивость к столь же стереотипным оценкам, изготовленным на «фабрике мнений» и поступающим к нему в потоке визуальной, речевой или печатной информации. Характерная черта формируемых таким

¹ *Stoetzel J.* Op. cit., p. 47, 68. О сходных тенденциях в США см.: *Вайнштейн Г. И.* Некоторые особенности воздействия массовых средств информации в США.— В кн.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма, с. 478—479.

² *Холодковский К. Г.* Некоторые вопросы развития массового политического сознания.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 6, с. 126—129.

образом мнений — неустойчивость, изменчивость, зависимость от сиюминутной политической конъюнктуры, от последней, «самой свежей» новости.

В той или иной мере в массовое сознание проникают идеи и политические представления, распространяемые коммунистическими партиями, рабочими и демократическими организациями. Однако даже и значительное влияние этих представлений в определенных странах и в определенных классах и слоях — (в рабочем классе, в демократической интеллигенции) далеко не всегда полностью расшатывает влияние буржуазной пропаганды: сказывается мощь тех информационных средств, которыми она располагает. Отсюда возрастающее несоответствие, разрыв между современными потребностями масс, выражающими эти потребности ценностями и идеалами, с одной стороны, их общественно-политическими знаниями — с другой.

При капитализме политическая действительность отражается в массовом сознании в противоречивой форме: в этом отражении постоянно сталкиваются представления, питаемые собственными потребностями, интересами, опытом масс, и те представления, которые навязывает им буржуазная идеология. Распространение современных средств массовой информации в большой мере обострило противоречивость общественно-политического сознания масс.

В условиях 70—80-х годов эта противоречивость стала проявляться в растущей дезориентации, в ощущении невозможности осмыслить происходящее на общественно-политической арене. Здесь сказалось воздействие кризисных явлений в социально-экономической сфере, еще более обнаживших «неуправляемость» развития капиталистического общества, хаотичность, иррационализм происходящих в нем процессов.

Противоречивость и неустойчивость мнений больше всего проявляются в восприятии массовым сознанием

проблем внешней и оборонной политики — сферы, в которой в силу ее отдаленности от непосредственного восприятия и практики масс влияние буржуазных средств информации особенно велико. В начале 80-х годов подавляющее большинство американцев (72—76%, по данным опроса 1983 года) под влиянием растущей угрозы войны высказывались за замораживание ядерных вооружений США и Советским Союзом. В тот же период большинство их считало, что администрация Рейгана слишком поспешно использует американские вооруженные силы на международной арене, а около половины опрошенных — что она делает слишком большой упор на военные решения, недостаточно заботится о достижении политических соглашений, не одобряли политику по отношению к Советскому Союзу. Но в то же время 73% опрошенных высказывались за сохранение на нынешнем уровне или увеличение военных расходов, за их уменьшение выступало в 1978 году 50%, в 1980 году — менее 5%, а в 1984 году — 28%. Половина опрошенных в декабре 1983 года, то есть по меньшей мере треть сторонников «замораживания», согласилась с мнением, что «когда-то США будут вынуждены воевать с Советским Союзом, чтобы остановить коммунизм»¹. Смесь рационально-трезвого восприятия проблем войны и мира с антисоветскими и антикоммунистическими стереотипами характерна и для значительной части населения других капиталистических стран².

Кризис массового политического сознания

При всей противоречивости идеологических установок и конкретных политических оценок и мнений относительно широких слоев массовое сознание капиталистического

¹ Gallup Report, 1983, May, N 212, p. 26; Public Opinion, 1984, vol. 7, № 2, p. 33—36.

² Public Opinion, 1983, vol. 6, N 1, p. 5.

общества в целом является сегодня более рационализированным и вместе с тем более «требовательным», критичным, чем когда-либо раньше, к деятельности политических институтов. Поэтому оно не может не реагировать с повышенной остротой на пороки политической системы капитализма. Разумеется, они так же стары, как и сама эта система. Разрыв между обещаниями и реальными действиями, формальный характер демократии, беспринципная борьба политических клик, коррупция — подобные явления всегда были присущи буржуазной политике. Однако в наше время они воспринимаются массовым сознанием с гораздо большей нетерпимостью, чем в прошлом.

Разумеется, представители разных идейно-политических ориентаций оценивают государственно-политическую деятельность под углом зрения своих позиций и интересов, концентрируют свое внимание на разных ее аспектах. Но растущая неудовлетворенность этой деятельностью, очевидно, выходит за рамки отдельных политических ориентаций. Наиболее сильное влияние на развитие данного процесса оказали кризисные явления в капиталистической экономике, обнаружившие неэффективность государственного регулирования, его неспособность обеспечить реализацию своих целей.

Такова основа явлений, широко обсуждающихся в западной литературе и получивших в ней наименования «политического отчуждения», «кризиса доверия», «цинизма». Они выражаются в растущем неучастии избирателей в выборах, в неустойчивости массового влияния партий буржуазных стран, в мнениях, высказываемых во время опросов. В Италии, где участие в голосовании является обязательным, 6,6% избирателей не участвовали в парламентских выборах в 1976 году и 10,1% в 1979 году¹. По данным опроса, проведенного в 1979 году, лишь

¹ Paeze Sera, 1979, 7 juin.

26% избирателей считают, что, голосуя, они совершают важное дело¹. В США на выборах президента и в конгресс в конце 70—80-х годах участвовали лишь немногим больше половины избирателей. А на выборах 1984 года Рейган был избран президентом всего 29% избирателей. В Великобритании в парламентских выборах 1983 года не участвовало более 27% избирателей, а в выборах 1984 года в Европейский парламент — около 70%². В период между концом 50 — началом 60-х годов и концом 70 — началом 80-х годов доля американцев, считающих правильными действия правительства, уменьшилась с 56 до 29%, верящих в компетентность политического руководства (в то, что его осуществляют «умелые люди, знающие, что они делают») — с 69 до 29%. С 28 до 65% возросла доля тех, кто считает, что правительство защищает интересы большого бизнеса, а не всего народа³. В 1978 году 57% опрошенных высказались за обновление американской политической системы (в том числе 18% сочли эту систему «полностью непригодной»)⁴. Исследование, проведенное в 1981 году в странах западноевропейского «Общего рынка», показало весьма невысокий уровень доверия населения к политическому руководству⁵.

Падает доверие масс и к политическим партиям, к их способности выражать интересы и мнения «рядового человека». В 1968 году 52,4%, а в 1976 году лишь 36,4% американцев не были согласны с тезисом: «партии заинтересованы только в голосах избирателей, а не в их мнении»⁶. Почти 60% опрошенных итальянцев обнаружили весьма мало доверия к политическим партиям, 26,8% —

¹ Panorama, 1980, N 716, p. 56.

² Economist, 1984, vol. 291, N 7347, p. 32.

³ Yankelovich D. New Rules, p. 185—186.

⁴ Public Opinion, Dec. 1980/Jan. 1981, vol. 3, N 1, p. 41.

⁵ Stoetzel J. Op. cit., p. 84.

⁶ Browdy R. The Puzzle of Political Participation in America.— In: The New American Political System, p. 304.

никакого доверия¹. В ФРГ 69% опрошенных в 1975 году согласились с мнением: «маленькие люди могут только участвовать в выборах, тогда как правительство и партии делают, что хотят»². Большинство (71%) французов, опрошенных в 1984 году, заявили, что они «все больше удаляются от крупных политических партий»³.

Люди, говорящие о своем негативном отношении к партийно-политической деятельности, обычно не связывают его с какими-то конкретными направлениями государственной или партийной политики. Чаще они мотивируют это отношение ее общей несостоятельностью: партии, считало в 1984 году большинство французов, «суетятся впустую, не интересуются подлинными проблемами»⁴. Многие молодые англичане, враждебные консервативной партии, считают, что и лейбористская партия может предложить их поколению «мало или совсем ничего», не видят разницы в том, какая партия будет у власти⁵. 62% американцев, опрошенных в 1982 году, считали, что экономическая платформа как правящей республиканской, так и оппозиционной демократической партии в равной мере «неэффективны»⁶.

Подобные факты и суждения — убедительное свидетельство кризиса политической системы капитализма и вместе с тем наиболее распространенных типов политических ориентаций массового сознания. Понимая, что их жизнь в огромной мере зависит от политики, даже голосуя за те или иные партии, люди в то же время не находят в известных им политических программах и практике ничего, что выражало бы «подлинные проблемы» их

¹ Panorama, 1979, N 714-715, p. 46.

² Bierbaum Sh. u. a. Ende der Illusionen? — Bewusstseinveränderungen in der Wirtschaftskrise. Frankfurt a. M. — Köln, 1977, S. 78—79.

³ Le Monde, 1984, 25 août.

⁴ Ibidem.

⁵ New Socialist, 1982, N 8, p. 39—40; 1983, N 14, p. 28.

⁶ Public Opinion, Dec. 1982/Jan. 1983, vol. 5, N 6, p. 5.

бытия, их потребности и интересы. Большинство трудящихся осознают классовый характер политики буржуазного государства.

Примечателен в этом отношении пример США и ФРГ — стран с наиболее конформистским массовым сознанием. Так, в США с 1966 по 1973 год с 45 до 76% возросла доля людей, согласных с тезисом: «богатые становятся богаче, а бедные беднее». В 1973 году 74% опрошенных выразили согласие с мнением: «налоговые законы написаны для того, чтобы помочь богатым, но не среднему человеку». А спустя 10 лет, в 1983 году, 62% опрошенных рабочих и 57% служащих полагали, что политика администрации направлена против их интересов, подавляющее большинство думало, что она защищает интересы богачей¹.

В ФРГ в 1973 году 25% опрошенных считали, что «предприниматели выжимают прибыль из чужого труда», а в 1975 году сходное мнение («те, кто имеет деньги, заставляют работать на себя других») выразили 40%. 60% опрошенных тогда же оценили как «несправедливость» различия между богатыми и бедными и высказались за изменение этого положения; 46% согласились со следующей формулировкой: «То, что делается в политике, в конечном счете определяет капитал. Только когда капиталисты исчезнут, сможет развиваться подлинная демократия». В 1973 году 30% опрошенных считали необходимой классовую борьбу². В конце 70-х годов только 13% опрошенных западных немцев согласились с мнением: «ничего изменить нельзя, поэтому бесполезно заниматься политикой». Против него очень решительно высказался 51% опрошенных³.

¹ Confidence and Concern, p. 30, 31; Gallup Report, 1983, N 212, p. 9.

² Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie. Bd. 6. 1974—1976. Wien, 1977, S. 79, 195.

³ *Habermehl W.* Sind die Deutsche faschistoid? Hamburg, 1979, S. 38.

Подобные данные свидетельствуют о том, что даже в странах, где наиболее сильны позиции буржуазной идеологии, имеются существенные социально-психологические предпосылки для выступления масс против капиталистических отношений, их активного участия в классовой борьбе.

Межнациональное исследование, проведенное в западноевропейских странах в 1981 году, показало, что рассмотренные выше изменения в массовых ценностных ориентациях отнюдь не устраняют дифференциацию массового сознания, обусловленную в конечном счете антагонизмом классовых интересов; напротив, эта дифференциация воспроизводится на уровне как ценностных приоритетов (выбор между индивидуальной «свободой» и социальной справедливостью), так и политических установок.

Ту же дифференциацию можно выявить и в отношении к основным проблемам общественного устройства — собственности и власти. В целом в Западной Европе две трети населения выступает за отмену или ограничение капиталистической собственности, причем полярно противоположные позиции — последовательная поддержка капиталистических отношений собственности и последовательная оппозиция им — разделяются массовыми группами, охватывающими в своей совокупности большинство населения. Социалистический идеал собственности на средства производства разделяется четвертью населения этих стран, и еще две пятых в той или иной мере испытывают его влияние (разумеется, далеко не все и даже не большинство его сторонников являются носителями научного социалистического сознания).

Данный вывод подтверждают и данные тех национальных опросов, в которых выяснялось отношение к социализму как к общественному строю. Так, 20% французов, опрошенных в 1977 году, высказалось в общей форме за социалистические преобразования, еще 17% — за

«строй народно-демократического типа»¹. В 1983 году 39% опрошенных британцев высказали положительное, 27% отрицательное отношение к социализму; столько же опрошенных — 27% — дали ему противоречивую или нейтральную оценку². Характерно, что речь идет в данном случае о странах с весьма разными политической культурой и климатом: во Франции в момент опроса росло влияние левых сил, в Англии «торжествовали» консерваторы.

Приведенные данные отражают весьма характерную черту массового сознания капиталистических стран на рубеже 70-х и 80-х годов: усугубившееся расхождение между общественными идеалами значительной части масс и установками, регулирующими их реальное общественно-политическое поведение. Эти идеалы у одних выражают сознательное или стихийное влечение к социализму, у других — более расплывчатые и абстрактные мечты об обществе «человеческой солидарности и общения», о высоком «качестве жизни», «творчестве» (за такие приоритеты высказалось в 1977 году 84% опрошенных французов)³. Но у многих разделяющих эти мечты людей они остаются в основном только идеалами, не воплощаются в осознание соответствующих им целей и направлений политической деятельности, сочетаются в той или иной мере с психологической ориентацией на «защиту» и «бегство» от общества и политики. В этом сказывается деморализующее влияние кризиса и гносеологический вакуум, снижающие «оценку возможностей» воздействия на политическую сферу и тем самым усиливающие общественную апатию и пассивность. Как сказал один западногерманский рабочий, «коммунизм возможен, но дело не движается потому, что люди, которых это более всего касается, очень плохо информированы, да и задумываться

¹ Muraz R. La parole aux français, p. 214.

² Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 12—15.

³ Muraz R. Parole aux français, p. 56.

они над этим просто не могут. С другой стороны, из-за трудностей не хватает необходимой веры, чтобы положить начало такому развитию»¹.

Разрыв между идеалами и реальной практикой не может не увеличивать напряженное состояние общественной психологии, а оно стимулирует поиск путей устранения этого разрыва — таких общественно-политических позиций и форм деятельности, которые способны выразить современные социальные стремления масс. Характер и направление такого поиска отражают противоречивый общественный опыт 70—80-х годов, изменившуюся структуру и противоречия массового познавательного процесса, тенденцию к рационально-критическому, реалистическому мышлению. Идеологическая ориентация на коренные общественные изменения нередко сочетается с сомнением в их скорой осуществимости: отсюда стремление к выработке доступных, «осязаемых», «конкретных» общественных целей. Она сочетается в последнее время и с разочарованием в общих идейно-политических формулах, подчас ведущим к своеобразному отталкиванию от собственных идеалов (69% французов, опрошенных в 1984 году, заявили, что их больше интересует «реальная эволюция общества», чем тип общественного строя)². Поиск все чаще вдохновляется стремлением познать и решить «подлинные проблемы». Социологи, исследовавшие сознание западногерманской трудящейся молодежи, отмечают, что ее интересуют вопросы, которыми меньше всего занимаются правительства, основные партии, пресса: охрана среды, защита занятости, права трудящихся на производстве, возможности образования³.

Нередко этот поиск принимает форму напряженного

¹ Kuderer W. u. a. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern. Frankfurt a/M, 1979, S. 369—370.

² Le Monde, 1984, 25 août.

³ Schäfers B., Weib W. Zur politischen Partizipation der Jugendlichen. Gegenwartskunde, 1980, Jg. 29, Sonderheft 2, S. 175—176.

размышления: за внешней пассивностью, даже конформизмом зреет психологическая готовность к общественному действию. По мнению некоторых американских профессоров, студенты 80-х годов «более реалистичны, чем их старшие братья, в отношении того, чего они могут добиться», но «концентрация на собственном «я» и эгоцентрические тенденции начинают исчезать» в их среде, они пытаются определить подлинно важные для них общественные проблемы. Несмотря на их скептицизм, заботы о материальном благополучии и карьере, не приходится сомневаться, что они без колебаний поднимутся на борьбу, когда «истинная» проблема будет осознана ими»¹.

Своеобразное поисковое состояние массового политического сознания капиталистических стран сочетается с его глубокой идеологической дифференциацией — таковы некоторые важнейшие характеристики этого сознания, во многом определяющие его динамику в 80-е годы.

«Консервативная волна»: источники и пределы

Период конца 70 — первой половины 80-х годов ознаменовался резким сдвигом вправо в политической жизни большинства капиталистических стран. В США, Великобритании, ФРГ, в ряде других стран Западной Европы, позднее в Канаде к власти приходят правоконсервативные силы. Кроме того, политика правящих социалистических и социал-демократических партий теряет в той или иной мере «левый», реформистский характер, сближается во многих отношениях с правоконсервативной.

Поворот вправо выражает прежде всего реакцию мо-

¹ *Maloney L. D. America's Youth In Search of a Cause.* — *US News and World Report*, 1984, vol. 96, N 15, p. 31—32.

нополистической буржуазии, правящих кругов капиталистических стран на углубление общего кризиса капитализма. Победы мировых революционных сил в 60—70-х годах, ослабление позиций империализма в мире вызвали активизацию агрессивно-реакционных, антисоветских и антикоммунистических тенденций в политике буржуазии. Непосредственным стимулом сдвига вправо явился также кризис капиталистической экономики. Выход из переживаемых им трудностей монополистический капитал видит прежде всего в максимальной мобилизации всех возможных ресурсов для осуществления структурной перестройки экономики на базе новейшей техники, позволяющей резко сократить издержки на рабочую силу. Такая стратегия предполагает максимальную «свободу рук» частного капитала во всех областях его деятельности, сокращение социальных расходов, суровую экономию на потреблении трудящихся, отношение к растущим безработице и бедности как к «нормальному» явлению, неизбежным издержкам технико-экономического прогресса. Жесткая, откровенно антирабочая линия, давление на права трудящихся и их организации — отличительные черты неоконсервативной политики.

Неоконсерваторы провозглашают своей целью «восстановление общественного порядка и личной безопасности», расширяют репрессивно-карательные функции буржуазного государства. Отнюдь не отказываясь от государственно-монополистического регулирования социально-экономической жизни, они в то же время широко используют популярные «антиэтатистские» и «антибюрократические» идеи, объявляют высшей ценностью «свободу», понимаемую в чисто буржуазном смысле — как свободу частнопредпринимательской инициативы и образа жизни, основанного на частной собственности, их «освобождение» от контроля общественных институтов.

Социальную базу неоконсервативной идеологии и политики образуют прежде всего буржуазные и мелкобур-

жуазные слои капиталистического общества, а также наиболее материально и социально привилегированные, «элитарные» группы наемных специалистов, административных и инженерно-технических кадров. Неоконсервативная проповедь во многом соответствовала особенностям психологии и настроениям, усилившимся в этих слоях под воздействием кризиса. В более благополучной экономической обстановке какая-то их часть нейтрально или даже сочувственно относилась к реформистским программам решения социальных проблем, уступок трудящимся; даже в монополистических кругах одно время приобрели популярность идеи «социальной ответственности бизнеса». Кризис означал для частнособственнических и социально привилегированных групп общества ужесточение условий рыночной и «карьерной» конкуренции, растущая инфляция создавала угрозу их доходам. Тут уже было не до игры в «гуманизм» и «социальный прогрессизм». Исконный буржуазный принцип «каждый за себя», стремление дать отпор «неумеренным требованиям» рабочего класса решительно взяли верх в сознании и поведении этих слоев. А именно эти установки выражают на политической арене неоконсервативные силы.

На выборах 1980 года за Рейгана проголосовало большинство (55—58%) бизнесменов и специалистов высшей квалификации. В начале 1984 года за него намеревались голосовать уже 65% представителей этих групп избирателей, 69% людей с высоким уровнем доходов (более 40 тыс. дол. в год) одобряли его политику¹. И в США, и в других капиталистических странах в 80-е годы социальная база консерватизма расширяется прежде всего за счет тех представителей привилегированных групп, которые в предшествующий период поддерживали реформистско-технократические позиции и отказались от

¹ Public Opinion, 1984, vol. 7, N 3, p. 39; 1984, vol. 7, N 2, p. 42.

них в условиях углубления кризиса. Так, во Франции в 1983—1985 годах значительно возрастает число сторонников правых партий; главным образом за счет тех, кто был недоволен усилением роли профсоюзов в общественно-политической жизни и налоговой политикой левого правительства (налог на крупные состояния): предпринимателей, торговцев, высших административных и технических кадров¹. Классовые мотивы консервативных ориентаций в данном случае вполне очевидны.

В конце 70 — начале 80-х годов в ряде капиталистических стран консерваторы расширили свое идеологическое и политическое влияние и среди трудящихся масс. В западной литературе и публицистике (в том числе леворадикальной) масштабы современного «массового консерватизма» нередко раздуваются и драматизируются. В действительности усиление этой тенденции в массовом сознании носит довольно ограниченный характер. Не следует забывать, что и до середины 70-х годов немало рабочих и служащих в странах развитого капитализма поддерживали правореакционные силы. Тем не менее в рассматриваемый период в ряде стран действительно происходит известное расширение правого «политического пространства», причем этот процесс наблюдается не только в средних слоях, но и в рабочем классе. В США на президентских выборах 1976 года за республиканского кандидата (Форда) голосовал 41%, а за Рейгана в 1980 году — 48% рабочих, принимавших участие в голосовании. Примерно такой же процент рабочих голосов он получил и на выборах 1984 года². В Англии консерваторы получили на выборах 1979 года 41% голосов квалифицированных и 34% неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих — значительно больше, чем в 1974 году (соответственно 26 и 22%). Несмотря на откρο-

¹ Le Nouvel Observateur, 1983, N 972, p. 22—23; Pouvoirs, 1983, N 27, p. 164, 168.

² Public Opinion, 1984, vol. 7, N 2, p. 42; 1984, vol. 7, N 3, p. 39.

венно антирабочую и антипрофсоюзную политику правительства Тэтчер, тори сохранили почти такие же позиции в рабочей среде и на выборах 1983 года (40% квалифицированных, 33% полу- и неквалифицированных рабочих)¹. В ФРГ только в 1980—1982 годах доля рабочих, отдающих свои предпочтения правоконсервативному блоку ХДС/ХСС, выросла с 37 до 44%².

На какие же тенденции психологии трудящихся опирается современный консерватизм? На какой основе удалось ему приобщить к откровенно классовой, реакционно-буржуазной идеологии и политике определенную часть тех самых социальных слоев, чьи интересы грубо и неприкрыто она попирает?

В успехах правых на выборах как в США, так и в Западной Европе, несомненно, немалую роль сыграл отход избирателей от правящих политических сил, не сумевших предотвратить обострение кризисных процессов в экономике. На результатах выборов в США в 1980 году сказались также внешнеполитические неудачи администрации Картера, победу английских консерваторов 1979 года значительно облегчил раскол лейбористской партии.

Было бы, однако, серьезным упрощением сводить поворот вправо к обычному конъюнктурному колебанию политического маятника или к смене партийных предпочтений какой-то части избирателей. Вообще, как будет видно из дальнейшего, проблема массовой базы консерватизма не сводится к голосованию на выборах: определенные тезисы консервативной идеологии поддерживает немало людей, которые не являются избирателями правых партий.

Консервативные настроения находят почву в стихийных социально-психологических тенденциях, идеологически и политически оформленных наиболее реакционны-

¹ New Statesmen, 1983, vol. 105, N 2726, p. 8.

² Frankfurter Allgemeine Zeitung, 5. August 1982, S. 5.

ми кругами буржуазного истеблишмента. Некоторые из этих тенденций выражают реакцию части масс на связанные с распространением «новых ценностей» сдвиги в духовной атмосфере и в образе жизни капиталистического общества.

В потоке изменений, вторгающихся в повседневную жизнь масс, в нормы поведения и отношений людей, сочетаются разные, даже противоположные процессы. Растет интеллектуальная свобода, терпимость, размывается традиционно подчиненная роль женщины в семье и обществе, ослабевает культ денег и потребления, влияние религиозных предрассудков. Но в то же время «новизна» ассоциируется в массовом сознании с такими явлениями, как углубление морального кризиса и падение трудовой этики, рост вседозволенности, массовая наркомания среди молодежи, катастрофическое увеличение преступности в ряде стран, ослабление патриотического чувства, особенно среди молодых (лишь меньшинство западноевропейцев, опрошенных в 1981 году, заявили, что они стали бы сражаться за свою страну)¹.

Пока все эти явления развивались в обстановке высоких социальных и политических ожиданий, связанных с ростом влияния леводемократических идей, подъемом рабочего движения, разрядкой, психологическое сопротивление новым ценностям и культурным нормам ослабевало, приобретало относительно пассивный, оборонительный характер. Положение изменилось в условиях кризиса: падение морали и преступность, загрязнение среды и сбой в экономике, неэффективность политического руководства — все это слилось в общественном сознании в единый образ угрожающего «беспорядка», хаоса, подрыва основ «нормальной» общественной и личной жизни. Все «новое» стало восприниматься растущим числом людей как источник угрозы, утраты ориентиров; тем более

¹ Stoetzel J. Op. cit., p. 23.

привлекательными и надежными стали казаться старые, испытанные ценности: религия, традиционная семья, «порядок» и дисциплина.

В 1974 году 41% опрошенных американцев согласились со следующим мнением: «Настоящий американский образ жизни исчезает столь быстро, что мы должны прибегнуть к силе, чтобы спасти его». С 1974 по 1981 год с 38 до 48% увеличилась доля лиц, считающих, что в стране стало «слишком много заботы относительно равенства и слишком мало относительно закона и порядка»; возросла доля американцев, осуждающих растущий эгоизм и эгоцентризм, поведение тех, кто «ставит свои личные интересы выше интересов своей семьи и своей страны». В 1978 году 57% американцев утверждали, что большинство традиционных ценностей все еще служат для них «полезным руководством», помогают найти верные формы поведения в современной жизни¹.

Но психологическая основа массового консерватизма — это не только ностальгия по «простым и ясным» старым ценностям. Его питают и те формы современного индивидуализма, которые связаны с «новыми ценностями», с их приспособлением к условиям и требованиям буржуазного общества. Неоконсерватизм является «новым» не только по названию; он сплавил воедино противоречивые тенденции общественной психологии: страх перед потоком изменений, беспорядком, неопределенностью и стремление к свободе от всестороннего подчинения капиталистической общественной организации — свободе уходить и замыкаться от нее в маленьком индивидуальном мире. Под влиянием кризиса и «революции падающих ожиданий» идеал «дисциплинированного» общества, основанного на традиционных буржуазных ценностях, «на уважении к нации, частной собственности, к

¹ *Phileips. K. P. Post-Conservative America. People, Politics and Ideology in a Time of Crisis. N. Y., 1982, p. 198; Time, 1981, vol. 117, N 22, p. 23; Public Opinion, Dec./Jan. 1981, p. 26.*

семье, труду» и избегающего рискованных экспериментов, стал казаться многим наиболее надежной гарантией «выживания» и удовлетворительного «качества» личной жизни. Так, в 1980—1984 годах с одной четверти до одной трети возросла доля французов, разделяющих этот консервативный идеал¹.

Для понимания источников влияния неоконсерватизма показателен такой пример: одним из пунктов политической программы английских тори, привлечших к ним часть рабочих, было обещание организовать продажу муниципальных домов в частную собственность². Собственный дом воспринимается как сфера «свободной» индивидуальной жизни, более надежное «убежище», чем жилище, в юридическом статусе которого воплощена зависимость человека от «внешней» организации (муниципалитета, государства). В своей пропаганде неоконсерваторы не без успеха использовали стремление людей к индивидуальной инициативе, личной независимости, втискивая его в русло буржуазных ценностей. Так, английские тори подчеркивали, что во главе угла своей политики они ставят «народ, возможность выбора, собственность, инициативу, ответственность, что все это «подымает индивида над государством»³.

Не только в Англии, но и в других капиталистических странах раздуваемые таким образом частнособственнические инстинкты стимулировали политический консерватизм. Как показывают эмпирические исследования, наличие у человека собственного (пусть и самого скромного) дома является одним из важнейших факторов голосования за правые партии⁴.

Другой традиционный культурный и социально-пси-

¹ *Cathelat B.* Styles de vie, t. 2, p. 147.

² *New Society*, 1983, May 26, p. 291.

³ 94-th Annual Conservative Conference, 1977, p. 68.

⁴ *Stoetzel J.* Les valeurs du temps présent, p. 47; *Capdevielle J.* et al. France de gauche vote à droite. P., 1981.

хологический «слой», всячески раздуваемый консерваторами, — это националистические и шовинистические стереотипы. В ряде капиталистических стран крах великодержавных амбиций и распад колониальных империй обострили в массовых слоях чувство ущемленного национального достоинства, негативную реакцию на ослабление патриотизма в части молодежи. Правительство Тэтчер использовало для укрепления своих позиций шовинистический угар, вызванный англо-аргентинской войной из-за Мальвинских островов, администрация Рейгана — так называемую «победу» в Гренаде. Волну шовинистических, ура-патриотических настроений в США, охватившую в середине 80-х годов часть молодежи, усилила оголтелая антисоветская пропаганда с экранов кино и телевидения; ее питал кризис ценностей «контркультуры» и либеральных идеалов 70-х годов. В западноевропейских странах консервативные и ультраправые силы опираются на усиленные кризисом и конкуренцией за рабочие места расистские настроения, направленные против трудящихся — иммигрантов из стран Азии и Африки. В ФРГ доля опрошенных, считавших, что «иностранные рабочие и их семьи должны вернуться к себе на родину», увеличилась в 1978—1982 годах почти в два раза — с 39 до 68%¹. Во Франции за изгнание иностранных рабочих высказалось в 1983 году 66% опрошенных².

В обстановке обострения международной напряженности, вызванной империалистическими кругами, правые силы используют националистические рефлексy массового сознания, усилившийся страх войны для раздувания антисоветских и антикоммунистических настроений. В неоконсервативной идеологии и в соответствующих ей типах массового сознания консерватизм во внутривполитических вопросах и воинствующий антикоммунизм во

¹ Der Spiegel, 1982, N 15.

² L'Expansion, 1983, N 223, p. 247.

внешней политике взаимно связаны, дополняют и подкрепляют друг друга. Приоритет великодержавных интересов, целей, «отпора коммунизму» позволяет приглушать остроту внутренних экономических и социальных проблем, а апология традиционных устоев капитализма усиливает враждебность к общественному строю, который своим существованием отрицает незыблемость этих устоев. Таков механизм укрепления консервативно-националистических ориентаций в массовом политическом сознании.

Одно из существенных социально-психологических последствий кризиса заключается в том, что он усиливает конкуренцию между рабочими — явление, описанное еще К. Марксом, углубляет различия непосредственных интересов отдельных профессиональных и отраслевых групп трудящихся. Эти различия отражаются в неоднородном, подчас противоположном восприятии трудящимися своего экономического и социального положения. Например, 51% опрошенных в 1983 году французских рабочих определили свою покупательную способность как стабильную или растущую, а 47% заявили, что она уменьшается, 34% сильно обеспокоены угрозой безработицы, а 38% не испытывают опасений потерять рабочее место¹. В этих условиях растущая во всех социальных слоях тревога за будущее нередко оборачивается у тех, кто находится в относительно благополучном положении, своего рода индивидуальным или групповым, корпоративным эгоизмом, стремлением любой ценой «остаться на поверхности». В политическом плане такие настроения порождают негативное отношение к системам социального обеспечения, к практике материальной помощи безработным, беднякам, вообще «неудачникам».

Поддержка более или менее широкими массовыми слоями социально-экономической программы консерва-

¹ L'Expansion, 1983, N 209, p. 39, 43.

торов объясняется также внедрением в массовое сознание определенной системы представлений о кризисе, его причинах, путях и перспективах выхода из него. Прежде всего массам внушается фаталистическое отношение к процессам, происходящим в экономике, всячески затушевывается связь кризиса с характером экономических отношений при капитализме, с экономической политикой правящих кругов. Около половины опрошенных в 1983 году французских рабочих объясняли экономические трудности «мировой конъюнктурой», и только 31% — политикой буржуазного правительства, управлявшего страной до 1981 года¹. Весной 1984 года лишь 19% опрошенных британцев считали правительство ответственным за кризисные явления; их было почти в два раза меньше, чем тех, кто ссылался на «мировой кризис»².

Подобные представления, в сущности, означают признание стихийности естественным и непреодолимым принципом функционирования экономики, неверие в возможность преобразований, ставящих ее под сознательный общественный контроль. Эту установку подкрепляют очевидные массам неэффективность государственно-монополистического регулирования, недовольство ростом государственного аппарата, его бюрократизацией и авторитаризмом. Идеология неоконсерватизма, всячески раздувая подобные настроения, внушает массам идею, что только ничем не скованная стихия рынка является залогом «нормального» экономического развития.

В послевоенные десятилетия значительно возросли интерес масс к проблемам функционирования экономики, стремление осознать ее закономерности и механизмы, взаимосвязь различных экономических явлений. Люди хотят лучше знать пути и возможности реализации своих материальных потребностей, иметь осознанные представ-

¹ L'Expansion, 1983, N 209, p. 40.

² Observer, 1984, May 6.

ления о том, что происходит и может произойти в национальной и мировой экономике. В этом находит выражение растущая интеллектуальная активность, «рационализация» массового сознания. В условиях недоступности для большинства трудящихся последовательно научных экономических знаний нередко получается так, что этот интерес удовлетворяется популяризированными тезисами тенденциозных буржуазных концепций. Рядовой гражданин капиталистической страны, дезориентированный и напуганный экономическими потрясениями, нередко ищет опоры в расхожих истинах, которые внушаются ему средствами массовой информации, вызывающими к его обыденному здравому смыслу. В трудные времена, подсказывал ему этот по видимости «рациональный» тип экономического мышления, лучше всего не насиловать экономику дорогими и рискованными реформами. Лучший способ вывезти ее из болота кризиса — положиться на «естественные» законы: конкуренцию и, главное, на предприимчивость, компетентность, энергию частного бизнеса. В конце концов, в преодолении кризиса заинтересованы и капиталисты, и трудящиеся, поэтому надо не «раскачивать общую лодку», а запустить на полные обороты главный мотор экономического развития — капиталистическую прибыль.

Как показывают массовые опросы, подобную логику разделяют в некоторых капиталистических странах не только сторонники, но и многие политические противники консерваторов. Так, в Англии в 1964 году за расширение национализации высказались 57%, а в 1979 году только 32% избирателей лейбористской партии, до двух третей членов тред-юнионов поддерживали в этот период антипрофсоюзные формулировки опросов¹. Широко распространилось убеждение, что только рост прибылей и

¹ Observer, 1981, March 22; Economist, 1978, vol. 267, N 7019, p. 24.

капиталовложений способен устранить безработицу. В 1983 году большинство опрошенных английских рабочих высказались за предоставление бизнесу возможности решать, какая часть прибыли должна идти на инвестиции и дивиденды, а какая — на оплату их труда¹. Сходные тенденции развивались и в других капиталистических странах.

Можно полагать, что именно представление о предпринимателе-капиталисте как о силе, наиболее компетентной и «эффективной» в вопросах экономической жизни, является основным «рациональным» мотивом поддержки консервативной политики частью трудящихся. Это представление, воспитанное веками капиталистического господства, несомненно, оживает и усиливается в условиях кризиса. Как сказал один западногерманский рабочий, «конечно, богатство создается рабочими... но не будь тех, других... не будь предпринимательского духа, честолубия, то ведь и мы не могли бы работать»².

Важно еще раз подчеркнуть: подобный ложный «рационализм» — прямое следствие той ситуации, при которой антикапиталистические и антимонополистические тенденции психологии масс, их социальные идеалы не подкрепляются подлинно рациональным, научным знанием о возможностях реализации этих идеалов. Весьма характерно, например, что в ходе того же английского опроса, который выявил «доверие» большинства рабочих к экономической деятельности капиталистов, 47% опрошенных всех социальных положений осудили капиталистический строй, отождествив его с материальным неравенством и недемократической системой власти³. Как свидетельствуют французские социологи, люди, имеющие совершенно противоположные идеологические воз-

¹ Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 13—14.

² Kuderer W. u. a. Gesellschaftliches und politisches Bewusstsein von Arbeitern, S. 358—359.

³ Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 12—15.

зрения, высказывают сходные, близкие к консервативным взгляды о путях преодоления экономического кризиса¹. В США одобрение рейганомики нередко сочетается у одних и тех же людей с пониманием и осуждением классового характера политики Рейгана.

Многих избирателей, отдавших свои голоса консервативным силам, привлекало не столько содержание их политической программы, сколько ее определенность. В конце 1979 года 53% опрошенных американских избирателей заявили, что они проголосовали бы за кандидата, имеющего «ясную позицию», даже будучи не согласны с ним по тем или другим вопросам². Усилившиеся под влиянием кризиса дезориентация, противоречивость массового политического сознания интенсифицировали его потребность в ясных идеологических и политических ориентирах. Программы и деятельность наиболее влиятельных противников консерватизма — демократов в США, социал-демократов в ряде западноевропейских стран — не давали таких ориентиров, они отличались расплывчатостью, непоследовательностью, попыткой примирить куцые реформистские меры с уступками «жесткому» курсу в социально-экономических вопросах. Поэтому они не могли хоть в какой-то степени удовлетворить демократические, антимонополистические потребности массового сознания, разнообразные мотивы недовольства и протеста, помочь охваченной неуверенностью и фатализмом части масс осуществить четкий политический выбор. Как отмечал лидер левого крыла лейбористской партии Т. Бенн, «М. Тэтчер и консервативная партия победили при очень незначительной оппозиции проповедуемым ими идеям. Многие лейбористы уступили еще до выборов»³.

¹ Le Monde, 1984, 25 août.

² Frankovic K. A. Public Opinion Trends.— In: The Election at 1980: Reports and Interpretation, Chatham, 1981, p. 118.

³ Marxism Today, 1980, vol. 24, N 10, p. 5.

Ни рейгановской группировке в США, ни тэтчеровскому течению в Англии нельзя отказать в «твердости» и последовательности их воинственно-реакционного курса, и это не могло не повлиять на какую-то часть избирателей, колеблющихся между противоположными политическими установками. На пороге президентских выборов 1980 года 67% опрошенных американцев воспринимали Рейгана как человека, «четко сознающего, в каком направлении он хочет вести страну», а 62% видели в нем «сильного лидера»¹.

Все эти обстоятельства важны для понимания истинных масштабов и устойчивости массовой базы консерватизма, степени влияния его идей на массовое сознание. Как показывают многие данные, «рационалистическое» принятие консервативной социально-экономической политики сплошь и рядом сочетается с оппозицией ее антирабочей и «антисоциальной» направленности, подогреваемый ею воинствующий национализм — с пониманием опасности милитаристского курса. Критические настроения усиливаются по мере того, как массы на собственном опыте испытывают последствия правоконсервативного правления.

Ограниченность массовой поддержки консерватизма весьма рельефно проявляется в мнениях по вопросам социальных расходов государства. Если, как мы видели, политика экономии на этих расходах одно время в принципе положительно воспринималась значительной частью населения, то конкретные меры такой «экономии» вызывают в 80-х годах растущий массовый протест. Так, большинство американцев считает необходимым увеличить затраты правительства на нужды здравоохранения, образования, защиты окружающей среды, на решение проблемы занятости, осуществлять правительственный конт-

¹ *Frankovic K. A. Public Opinion Trends*, p. 113, 115.

роль над ценами¹. В Англии лишь 23% опрошенных в марте 1983 года высказались за сокращение налогов, даже если это приведет к сокращению расходов на здравоохранение, образование и социальное обеспечение, 49% считали необходимым увеличение этих расходов хотя бы ценой увеличения налогов. Доля недовольных политикой правительства тори в области здравоохранения возросла только с июня 1983 года по апрель 1984 года с 44 до 63%, в области образования — с 46 до 51%, в области пенсионного обеспечения — с 32 до 40%². Большинство (57—65%) англичан, опрошенных в 1983 году, считали, что консерваторы действуют в интересах богатых, а не «простых людей», что их политика слишком «жесткая» и «правая»³. Далеко не безоговорочную поддержку вызывает у большинства населения политика «неограниченной свободы» капиталистического бизнеса: 51% англичан высказались в 1983 году за необходимый минимум государственного регулирования экономики⁴. Таким образом, относительное большинство, завоеванное консерваторами на выборах, отнюдь не означает, что это большинство разделяет все основные установки и цели их идеологии и политики.

В 1984—1985 годах происходит заметное сужение избирательной базы правоконсервативных партий в ряде капиталистических стран. Так, в ФРГ социал-демократы добиваются внушительных успехов на ряде земельных выборов, в Великобритании, по данным опросов общественного мнения, впервые за много лет число избирателей, намеренных голосовать за лейбористов, превышает число избирателей консерваторов.

¹ Lipset S. M., Schneider W. The Confidence Gap. N.Y.—L., 1983, p. 234, 347, 350.

² Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 15; Observer, 1984, Apr. 29.

³ Economist, 1983, vol. 289, N 7310, p. 18, 21; Observer, 1984, Apr. 29.

⁴ Public Opinion, 1983, vol. 6, N 3, p. 12.

Важнейшим условием расшатывания консервативных тенденций современного массового сознания является обоснованная и реалистическая политика левых сил. Такая политика предполагает решение острых экономических и социальных проблем в соответствии с насущными интересами трудящихся, теми потребностями и ценностями масс, которые выражают их протест против антигуманности капиталистических порядков и порождаемого ими образа жизни, против социального бесправия и милитаризма. Именно поэтому коммунистические партии, прогрессивные профсоюзы капиталистических стран считают своей первоочередной задачей разработку убедительной для масс рабочей и демократической альтернативы правоконсервативному курсу.

4

Сознательный протест или бегство от разума!

Рост массового сопротивления реакционной политике проявляется в 80-х годах во многих сферах общественно-политической жизни капиталистического общества. Если консервативным силам удастся, используя обстановку кризиса, удерживать под своим влиянием значительную часть масс, то в другой их части нарастает протест против политического курса правящих кругов, зреет решимость к борьбе. В результате углубляются процессы дифференциации и поляризации массового политического сознания.

Очаги наиболее мощного сопротивления реакционной политике капитала возникают в рабочем классе крупной промышленности, прежде всего в тех его отрядах, самому существованию которых угрожает эта политика. Такие события середины 80-х годов, как многомесячная герои-

ческая борьба английских шахтеров, выступления металлургов и машиностроителей ряда стран против свертывания производства и увольнений, вновь показали силу классовых традиций пролетариата, его волю и способность к борьбе. Выступая против политики правящих кругов, эти отряды рабочего класса выражают крепнущее стремление широких масс положить предел наступлению капитала, изменить в свою пользу соотношение классовых сил. Об этом свидетельствует, в частности, та широкая поддержка, которую получила и в самой Англии, и за ее пределами борьба шахтеров; 35% англичан, опрошенных в 1984 году, высказались в поддержку требований Национального профсоюза горняков¹.

Нарастающая в рабочем классе готовность к борьбе с капиталом объединяет все более широкие его слои, противостоит тем тенденциям к разобщенности, которые питает обстановка кризиса. Так, в ФРГ в начале 80-х годов увеличилась даже по сравнению с докризисным периодом доля организованных трудящихся, готовых к участию в забастовках (в 1971—1973 годах такую позицию выражали 80% членов профсоюзов, в 1978 году — 73%, в 1982 году — 82%). Анализируя эти данные, западногерманские марксисты отмечают, что под воздействием кризиса развивается одновременно и критическое и зависимое сознание². В ряде капиталистических стран в первой половине 80-х годов развернулись массовые боевые выступления рабочего класса, далеко выходящие по своим масштабам и значению за рамки интересов отдельных относительно узких профессиональных групп. К числу таких выступлений относится, например, забастовка западногерманских металлистов — самая крупная за всю историю ФРГ, борьба итальянских трудящихся против антирабочих законопроектов.

¹ Economist, 1984, June 30, p. 13.

² Heiseler J. H. von. Zur Bewusstseinsentwicklung der Arbeiter und Angestellten.— Marxistische Blätter, 1983, N 5, S. 51.

В политическом сознании и поведении рабочего класса при всей их противоречивости и разнородности преобладающей все же является тенденция к поддержке левых или во всяком случае оппозиционных консерватизму сил. Так, опрос, проведенный в 1983 году среди французских рабочих, показал разочарование большинства их в итогах деятельности левого правительства. Вместе с тем он свидетельствовал и о том, что в своем большинстве рабочие намеревались голосовать на выборах за левые партии, входящие в это правительство¹. В наиболее закаленных классовый борьбой отрядах рабочего класса противоборство с монополиями пробуждает стремление к коренному преобразованию отношений собственности, к социализму. Эта тенденция наблюдается даже в США, где массам трудящихся совершенно незнакомы социалистические идеи, а их представления о социализме формируются под влиянием антикоммунистической пропаганды. Так, опрос рабочих-сталелитейщиков, проведенный в 1981 году американскими коммунистами, показал, что 28% опрошенных считают хорошим средством предотвращения закрытия заводов и увольнений национализацию предприятий, а 46% — их передачу в собственность трудящихся, 48% согласились с идеей, что «Америка нуждается в новой политической партии, исходящей из интересов рабочих людей»².

Бесспорно, подобные позиции и настроения, принимающие те или иные конкретные формы в различных национальных условиях и культурной среде, далеко не всегда преобразуются в соответствующие им типы и ориентации классового политического сознания, в активное политическое поведение. Они представляют собой важные социально-психологические предпосылки такого сознания и поведения, но для последовательной реализа-

¹ L'Expansion, 1983, N 209, p. 38—41.

² *Berry G. Steel Workers' Class Consciousness: A Survey.*— Political Affairs, 1982, vol. 61, N 1, p. 41.

ции этих предпосылок необходима громадная целеустремленная работа сознательного классового авангарда.

С одним из примеров такой работы я познакомился осенью 1983 года, когда беседовал с группой французских коммунистов — рабочих и техников одного из крупнейших предприятий химической промышленности — завода «Рон-Пулэнк» около Лиона. Разговор наш шел в основном вокруг нового тогда завоевания французского рабочего движения: по инициативе правительства левых сил парламент принял закон, предоставляющий цеховым собраниям трудящихся право обсуждать и высказывать свое мнение по вопросам технической и экономической политики предприятия. Мои собеседники рассказывали, что реализация этого закона проходит в острой классовой борьбе. Дирекция, назначенная еще прежними собственниками (завод в 1981 году был национализирован), пытается навязать собраниям принципы выколачивания капиталистической прибыли и классового сотрудничества, коммунисты и профсоюзные активисты разрабатывают и выдвигают решения, соответствующие интересам трудящихся предприятия, национальной экономики в целом. Например, идущим «сверху» планам сокращения производства под предлогом плохой экономической конъюнктуры они противопоставляют конкретные предложения по расширению сбыта, основанные на изучении рынка, или по повышению рентабельности, которое не требует сокращения персонала. Эти предложения вызывают большой интерес трудящихся, они активно обсуждаются на собраниях, часто воплощаются в рекомендации, направляемые в дирекцию.

Заводские коммунисты подчеркивали, что вся эта работа имеет громадное психологическое значение. Используя экономические трудности, буржуазия сеет среди трудящихся настроения фатализма, пассивного подчинения «обстоятельствам». Вовлекая рабочих в активное размышление о путях преодоления трудностей, удастся в

той или иной мере ломать подобные настроения, преодолевать фатализм и пассивность не только по отношению к проблемам их положения на предприятии, но и к национальной политике, пробуждать в массах политическую активность. Думается, что подобные формы массовой работы коммунистов отражают современный уровень интеллектуального развития рабочего класса: именно удовлетворяя возросшие интеллектуальные потребности рабочего человека, вовлекая его в коллективный процесс самостоятельного общественно-политического мышления, можно добиться формирования у него стойких классовых убеждений и позиций.

Непосредственные интересы трудящихся, ясное осознание ими этих интересов играют первостепенную роль в формировании их политического сознания. Защита этих интересов в условиях наступления на них господствующего класса является мощным фактором развития массового политического протеста.

В современных условиях на формы и масштабы этого протеста существенное влияние оказывает и та сложная гамма психологических и идейных тенденций, которые отражают сдвиги в системе потребностей и ценностей масс, назревавшие в течение последних десятилетий. При всем многообразии и противоречивости этих тенденций и последствий ценностной переориентации в ней заложен немалый потенциал демократической социально-политической активности.

Молодежное движение конца 60 — начала 70-х годов, выступившее против «общества потребления», норм буржуазной культуры и образа жизни, агрессивного милитаризма и колониализма, оставило глубокий след в общественном сознании. Выдвинутые им «новые ценности» при всей их абстрактности и противоречивости сформировали определенную традицию социально-политического протеста с особой присущей ей системой моральных и культурных мотиваций. В 70 — 80-е годы эта традиция

по-разному перерабатывается и развивается новыми поколениями.

Наименее устойчивым элементом наследия «молодых бунтарей» оказался левацкий анархический «революционизм», толкавший к авантюризму в политической сфере, к изоляции от организованного рабочего движения. Левацкие группировки, утратив влияние среди молодежи, распались или превратились в мелкие разрозненные секты. Некоторым из них, вставшим на путь терроризма, удалось внести немалый «вклад» в общую дезорганизацию политической жизни в отдельных капиталистических странах (более всего это относится к Италии). При всей малочисленности «лево»-террористических группировок, их неспособности организовать сколько-нибудь массовое движение их идейная платформа в той или иной мере все же выражает настроения части молодежи. Так, опрос, проведенный в странах Западной Европы в 1980 году, показал, что 43—44% учащейся и трудящейся молодежи считали возможным оправдывать терроризм, «пока существует несправедливое общество»¹. Разумеется, такое «оправдание» не означает готовности участвовать в террористических актах, однако оно показывает, что склонность к «тотальному» бунтарскому протесту превратилась в довольно устойчивую черту сознания части западной молодежи. Психологию людей, наиболее последовательно выражающих эту готовность, сторонников «лево»-экстремистских взглядов характеризуют, как показывают специальные исследования, чувство одиночества и бессмысленности жизни, неуверенность в будущем, терпимость к наркомании и сексуальной «свободе»². Иными словами, это психология одинокого и отча-

¹ Faits et Opinions. The European value system. Report of the pilote study. P., 1980, p. 28. Сходный тип отношения к терроризму был распространен в начале 80-х годов и среди части студенчества США (US News and World Report, 1984, April 16, p. 31).

² Stoetzel J. Op. cit., p. 72—75.

явшегося индивидуалиста — социально-психологический тип, который в расширенных масштабах воспроизводят безработица и «маргинализация», процессы распада социальных связей людей, происходящие в современном капиталистическом обществе.

Современное протестующее сознание, как и общественное сознание в целом, все более нуждается в рациональном обосновании и осмыслении своих идеалов. Неспособность выработать такое обоснование, отсутствие четких идейно-политических ориентиров нередко порождают духовное смятение, побуждают к отталкиванию от всякого рационализма, от общественно-политической активности. Люди, которые не могут найти истину в знании, подчас ограничивают свой протест и неудовлетворенность сферой собственных эмоций, а это создает почву для возрождения мифологических и мистических типов сознания. Сила мифологических образов, мистического экстаза состоит в том, что они позволяют заменить знание непосредственным чувственным переживанием, освобождают от непосильного груза размышления.

Эту тенденцию к «бегству в иррациональное» отразил взлет в 70-е годы так называемых «новых религиозных культов» в США и других капиталистических странах. Какая-то часть неудовлетворенных и растерянных людей искала в подчинении жесткой дисциплине расплодившихся религиозных общин, в диктуемых ими четких нормах поведения моральную опору, спасение от духовного хаоса. «Новым культам» удавалось уловить некоторые настроения, порожденные кризисом буржуазных ценностей: божественное откровение они в той или иной мере сочетали или с «революционной» (даже марксистской) фразеологией, или — чаще — с проповедью «антипотребительства», самореализации личности, погружения ее в собственный внутренний мир¹. Присущее многим из них

¹ См.: Митрохин Л. Н. Религиозные «культы» в США. М., 1984.

апокалипсическое и эсхатологическое видение действительности опирается на трудности и противоречия массового познавательного процесса. Образ близящегося «конца мира» как бы снимает столь обострившуюся в массовом сознании проблему соотношения мотивов протеста и неудовлетворенности с рациональным пониманием способов воздействия на действительность: такое воздействие становится просто излишним, коль скоро все равно неминуема апокалипсическая катастрофа. Но в то же время многих участников «новых культов», например, в США, отличают леводемократические политические взгляды, активное участие в борьбе за мир¹.

Иррационализм, органически присущий как левацкому экстремизму, так и новым религиозным исканиям, не стал и не мог стать основным руслом развития протестующего сознания. По данным эмпирических исследований, сторонники «крайних» форм протеста составляют относительно незначительную часть носителей «протестующего сознания». Они представляют собой, по выражению английского социолога А. Марша, «курьезный альянс малообразованных молодых людей и высокообразованных юных женщин», как правило, плохо политически информированных и неспособных к концептуальному мышлению².

Склонная к активному протесту часть масс в основном ориентирована психологически на рационалистический подход к общественной действительности, на реалистически обоснованную общественную деятельность.

Поиск конкретных форм и направлений такой деятельности становится в 70-е годы центральным направлением эволюции протестующего сознания.

Глубокое влияние на эту эволюцию оказал опыт

¹ См.: Религия в политической жизни США. М., 1985, с. 220.

² Marsh A. The new matrix of political action.—Futures, 1979, vol. 11, N 2, p. 91—103.

предшествующего поколения — неудача «тотальной» конфронтации с буржуазным «обществом потребления», попыток единым ударом подорвать его устои, осуществить ту «революцию сознания», о которой мечтали «новые левые». Кризис «левого» экстремизма значительная часть поколения 70-х годов восприняла как свидетельство бесплодности революционных, вообще направленных на крупные общественные изменения форм протеста. Сомнения в возможности таких изменений, ощущение неясности, непознаваемости ведущих к ним путей присущи многим видам протестующего сознания кризисных лет.

Радикально-демократическое сознание

70—80-е годы стали временем бурного подъема так называемых новых социальных движений — антимилитаристских, в защиту природной среды, интересов потребителей, квартиросъемщиков, женщин, прав национальных меньшинств, культурной самобытности регионов и т. д. Выражая общий рост политической активности масс, протест против конкретных проявлений хозяйничанья монополий, технократически-бюрократических принципов управления обществом, они в то же время делают акцент на борьбе за непосредственно ощутимые, «близлежащие» цели. Если же эти цели связываются с перспективой общественных преобразований, то они выражаются в форме антиэтатистской и анархо-индивидуалистической утопии¹.

Коммунисты капиталистических стран связывают идейно-политические слабости новых социальных движений с непролетарским характером выражаемого ими социального протеста. В то же время они подчеркивают

¹ *Journès. C. Les idées politiques du mouvement écologique.— Revue française de science politique, 1979, vol. 29, N 2, p. 230—254.*

большую положительную роль этих движений в развитии антимонополистической борьбы. Новые социальные движения, пишет, например, член Президиума и Секретариата Правления Германской компартии В. Гернс, «помогли миллионам людей осознать опасность, связанную с решением НАТО о так называемых евроракетах, понять социальные последствия разрушения окружающей среды, урезывания демократических прав, плачевного положения в области образования, постоянного роста квартплаты, спекуляций земельными участками и жилыми домами. Они выразили возмущение дискриминацией женщин... Организованные против всего этого акции протеста наложили отпечаток на общий ход политической борьбы в ФРГ»¹.

Не являясь идеологически и политически выразителями непосредственных и коренных интересов рабочего класса, новые социальные движения выдвигают вместе с тем цели, в осуществлении которых заинтересованы широкие массы трудящихся, принадлежащие как к пролетарским, так и непролетарским слоям. Это дает основание считать их движениями общедемократическими. Их идеология и практика, вопросы их отношений с рабочим классом обстоятельно анализировались в советской литературе². Нас здесь будут интересовать прежде всего социально-психологические предпосылки подъема новых социальных движений, их связь с процессами, происходящими в массовом сознании.

Сопоставление результатов ряда эмпирических исследований и опросов общественного мнения показывает, что в 70—80-е годы в ряде капиталистических стран сложил-

¹ Гернс В. Антимонополистический потенциал новых социальных движений.— Коммунист, 1983, № 11, с. 108.

² См., напр.: Не соперничество, а сотрудничество. Коммунисты и новое в социальных движениях. М., 1984; Красин Ю., Лейбзон Б. Коммунисты и новые движения общественного протеста.— Коммунист, 1984, № 5.

ся относительно широкий слой политически активных людей, который при всей своей внутренней неоднородности и межстрановых различиях обладает определенными общими социальными и социально-психологическими характеристиками. Показательны в этом отношении результаты сравнительного исследования политической активности, проведенного в Великобритании, США, ФРГ, Австрии и Голландии. Оно обнаружило, что по меньшей мере половина, а в некоторых странах значительно большая часть опрошенных готова участвовать в тех или иных действиях, выражающих общественно-политический протест: демонстрациях, несанкционированных профсоюзом забастовках, стачках против квартирных хозяев, блокировании транспорта¹.

В тех исследованиях, в которых применяются иные, более узкие критерии определения «потенциала протеста» (например, готовность к «неконвенциональным», в том числе выходящим за рамки закона, действиям, враждебность к существующим партиям и т. д.)², фигурируют более скромные количественные данные, но во всех случаях численность носителей такого «потенциала» достигает 10 и более процентов взрослого населения.

В некоторых работах устанавливается корреляция между склонностью к активному политическому протесту и высоким уровнем образования, а в качестве основного социального источника такого протеста соответственно определяются новые средние слои³. В то же время данный вывод, отражающий реальную тенденцию роста политической активности образованных людей из числа интеллигенции и служащих, существенно корректируется

¹ Marsh A. The new matrix..., p. 91—103.

² Rühle H. Protest gegen die Etablierten? Eine Untersuchung zum Parteiengefüge.— Politische Meinung, 1978, N 180, S. 5—16; Nach dem Radicalismus-Potential gefragt.— Frankfurter Allgemeine Zeitung, 19. Juni, 1976, S. 7.

³ Rühle H. Protest gegen die Etablierten?, S. 11—12.

рядом данных. Так, в ФРГ сходными особенностями сознания и поведения обладают многие рабочие-социал-демократы¹, в Англии — рабочая молодежь². Политически активных людей больше всего среди молодежи, но немалая их часть принадлежит к средним возрастным группам.

Типичная идейно-политическая особенность сознания данной группы — сочетание левых, демократических взглядов с приверженностью к «новым ценностям». Они чаще всего голосуют за левые партии, ставят личную свободу, возможность принимать участие в политических решениях выше экономического роста и «общественного порядка», выступают сторонниками такого типа общественного устройства, при котором «идеи важнее денег». Впрочем, меньшая, но довольно значительная их часть связана с правыми партиями³.

Во всех исследованиях, посвященных «потенциалу политического протеста», констатируется, наконец, еще одна важная черта этого типа сознания: способность к концептуализации, то есть к обобщенно-идеологическому суждению об общих политических проблемах. Так, Г. Рюле отмечает, что, в отличие от основной массы населения, выдвигающей конкретные социально-политические требования (типа ликвидации безработицы, повышения пенсий и т. д.), «активисты» вписывают те же требования в контекст общих принципов: «социальных гарантий», «равенства», «справедливости» и т. д.⁴

Анализируя совокупность такого рода данных, правомерно сделать вывод, что современная массовая тен-

¹ Rabe B. Der sozial-demokratische Charakter: Drei Generationen aktiver Parteimitglieder in einem Arbeiterviertel. Frankfurt a. M., 1978, S. 150 flg.

² Marsh A. Protest and Political Consciousness. Beverly Hills. L., 1977.

³ Marsh A. Op. cit.; Muraz R. La parole aux français, p. 50.

⁴ Rühle H. Protest gegen die Etablierten?, S. 10.

денция к активному «протестующему» общественно-политическому действию несет на себе явную печать всех основных социально-психологических сдвигов последних десятилетий. Она связана и с ростом образованности, политической информированности, интереса к политике, и с развитием потребности в участии в общественной жизни, и с ценностной переориентацией, и со стремлением женщин к эмансипации.

Новой — и весьма существенной — особенностью активности этого типа является ее расхождение с существующей партийно-политической структурой и со структурой политических ориентаций. С одной стороны, это выражается, как уже отмечалось, в принадлежности его представителей к массовой базе различных политических течений; с другой стороны, в негативном восприятии ими существующих партий. Так, среди 10% «протестующих» западных немцев, выделяемых Г. Рюле, большинство отвергают эти партии и являются сторонниками «абсолютно новой партии». Но в то же время многие активные члены «старых» левых партий обладают сходным типом сознания. Так, описанные другим западногерманским исследователем — Б. Рабе — представители младшего и отчасти среднего поколения членов СДПГ выступают за право трудящихся на определение содержания, форм и результатов трудового процесса, против авторитарных форм господства, за развитие межчеловеческих связей и солидарность. Эти социал-демократы считают ФРГ недемократическим и несправедливым классовым обществом, критикуют политику руководства СДПГ как «приспособленческую», занимают боевые классовые позиции в производственных конфликтах¹. Среди «протестующих» английских рабочих подавляющее большинство голосует за лейбористскую партию, но лишь небольшая часть их считает выборы средством влияния на полити-

¹ *Rabe B. Der sozial-demokratische Charakter...*

ку, 60% не видит разницы для простых людей между лейбористским и консервативным правительством¹.

Конечно, радикальный демократический протест еще не является последовательным, выводящим за рамки существующих отношений политическим мировоззрением. Однако его носителей характеризует оппозиционный настрой, несводимый к недовольству каким-то отдельным аспектом действительности. Отвечая на соответствующие вопросы социологов, они не придают большого значения конкретной цели протеста, готовность к протесту выступает в данном случае как устойчивая установка.

Каковы же социальные и психологические источники этой установки? В буржуазной литературе на данный вопрос нередко даются весьма тенденциозные ответы. Характерный пример — концепция Р. Инглхарта, в соответствии с которой современной социальной базой политического протеста являются относительно зажиточные «постматериалисты». Поскольку неудовлетворенность материальными условиями жизни теряет свою былую роль главного источника протеста, считает Инглхарт, его центр смещается от рабочего класса к средним слоям. Эти привилегированные слои начинают, по его мнению, объединяться в некий «новый класс», являющийся носителем «культуры протеста»².

Ниже мы еще коснемся вопроса об особенностях общественно-политического сознания рабочего класса и новых средних слоев. Здесь же необходимо подчеркнуть бездоказательность «привязки» процесса ценностной переориентации только к этим слоям, равно как и протеста к «зажиточности». Во-первых, острота материальных проблем и их отражения в сознании, требованиях и т. д.

¹ Chamberlain C. W., Moorhouse H. F. Lower class attitudes towards the British political System, p. 510.

² Inglehart R. The silent revolution, p. 162 sqq.; *idem*. Post-materialism in an environment of insecurity, p. 895.

не исключает принятия «нематериальных» социальных ценностей и приоритетов. Так, активисты рабочего движения придают важное значение таким целям, как оздоровление экономики, борьба с инфляцией и т. д., и в то же время участием трудящихся в управлении производством; они чаще, чем население в среднем, считают необходимой борьбу за такое общество, «в котором идеи важнее денег»¹.

Во-вторых, та или иная часть средних слоев проявляет склонность к социально-политическому протесту не под влиянием своей «зажиточности», а в силу объективных особенностей своего положения, динамики этого положения в условиях современного капитализма — утраты былых социальных, а частично и материальных привилегий, превращения в объект капиталистической эксплуатации, отношений господства — подчинения и т. д.

В условиях современного государственно-монополистического капитализма подавляющее большинство субъектов массового сознания — как пролетариат, так и полупролетарские и средние слои — имеют основания для социального протеста. Поэтому внутри этого общества вообще невозможно провести такой водораздел между «активно протестующими», с одной стороны, пассивными, или «конформными», с другой, который целиком совпадал бы с социально-классовыми границами: он все более явно пересекает эти границы. Рост активного социально-политического протеста — процесс, который невозможно «привязать» к каким-либо определенным социальным группам: он происходит во всех массовых слоях капиталистического общества.

Вместе с тем несомненно, что этот процесс принимает различные формы и направления в зависимости от кон-

¹ Cotgrove S., Duff A. Environmentalism, values and social change, p. 96.

кретного социально-экономического положения порождающей его социальной среды, устойчивых характеристик групповой психологии и культуры. Здесь в немалой мере сказываются различия между промышленным рабочим классом, с одной стороны, служащими и новыми средними слоями — с другой.

Общественная активность рабочего формируется главным образом на почве отношений, существующих в сфере материального производства: классового антагонизма между трудящимися и капиталистами, коллективной борьбы и солидарности. Социальный протест возникает в рабочей среде чаще всего по поводу проблем, связанных с производством: занятости, зарплаты, организации производственного процесса, прав трудящихся и их организаций. Для современного рабочего класса характерен широкий интерес и к непроизводственным социально-политическим проблемам, но все же политический, государственный уровень классовых отношений рабочий «осваивает» прежде всего на основе опыта производственной жизни. Поэтому для рабочей политической культуры характерна ее связь с массовыми организациями, объединяющими трудящихся по профессиям и по месту работы.

В «нерабочих» слоях населения наибольшую общественно-политическую активность проявляют группы, не связанные с материальным производством: представители научной и творческой интеллигенции, преподаватели, студенты. В силу особенностей их положения и сознания, характера деятельности и общественного кругозора их интересы в большей мере сосредоточены на внепроизводственных проблемах: культурных, экологических, на проблемах последствий и противоречий капиталистической урбанизации и т. д. Их протест направляется против произвола монополий, последствий политики государственно-монополистического капитализма именно в этих сферах общественной жизни. В 70-е годы в связи с акти-

визацией общественно-политической деятельности этих слоев наметилась тенденция к формированию особой политической субкультуры, обладающей значительным антимонополистическим потенциалом. В ее орбиту в значительной мере вовлекаются и более широкие слои трудящихся, связанные с интеллигенцией сходным характером труда, культуры, образования. Это относится прежде всего к растущему слою рядовых служащих.

Очевидно, что между мотивами социально-политического протеста различных слоев наемных трудящихся не существует какой-либо «несовместимости»: они имеют общий «адрес» — систему государственно-монополистического господства — и в принципе взаимно дополняют друг друга. Тем не менее различия в типах политических культур и традиций порождают известную разобщенность процессов общественно-политической активизации рабочих и «белых воротничков»: у первых она проявляется прежде всего в рамках их традиционных классовых организаций — партий, профсоюзов; вторые тяготеют к формированию особых «внепартийных» движений. Именно они образуют основную массу участников новых социальных движений (которые называют также «альтернативными», «гражданскими инициативами») ¹.

Активный политический протест в рядах организованного рабочего класса развивался в 70—80-х годах как бы параллельно с подъемом новых социальных движений. В ряде стран, например в тех же Великобритании и ФРГ, эта тенденция выразилась в радикализации низового и части среднего актива рабочих организаций, что привело к сдвигу влево в позициях профсоюзов и социал-демократических партий (СДПГ, лейбористов). Этот

¹ *Steigerwald R.* Protestbewegung: Streitfragen und Gemeinsamkeiten. Frankfurt a. M., 1982, S. 18; *Rönsch H. D.* Die Grünen: Wahlbasis, politische Entwicklung, Programmatik.— Gewerkschaftliche Monatshefte, 1983, Jg. 34, N 2, S. 101; *Cotgrove S., Duff A.* Environmentalism, values and social change, p. 103.

параллелизм, синхронность достаточно симптоматичны: нарастание политического протеста при всей неоднородности его непосредственных источников и проявлений — единый процесс, отражающий сдвиги в сознании общественно активной части масс, ее реакцию на кризис, на наступление правоконсервативных сил. О том же говорит и сочувствие, которое современные формы этого протеста вызывают в самых широких социальных слоях, особенно в младших возрастных группах. Уже в 1976 году 66% населения ФРГ, в том числе 82,5% молодежи, выражало готовность участвовать в «гражданских инициативах»¹. В Англии, по данным опросов середины 70-х годов, большинство одобряло формы политической активности (марши и митинги протеста, «сидячие» забастовки и т. д.), минующие «нормальные» каналы партийной системы².

Непролетарский характер новых социальных движений проявляется более всего в их идеологической платформе. Для нее, как подчеркивает западногерманский марксист Р. Штайгервальд, характерны сочетание острой критики капитализма с реакционными социально-экономическими воззрениями: апологией мелкого производства, враждебностью к научно-техническому прогрессу, подменой классовых проблем глобальными³. Рабочие, будучи связаны с крупным производством, относятся с естественным недоверием к проектам экологистов «разрушить» это производство. Критикуя профсоюзы и социал-демократические партии за оппортунизм и бюрократизм, идеологи «зеленых» распространяют эту критику на рабочее движение в целом, отрицают его преобразовательную роль в обществе. Платформе новых социальных движений присущи индивидуалистические установ-

¹ Radlke G. D. Teilnahme an der Politik. Leverkusen, 1976, S. 19.

² Crewe O. Party and the Public.— American Enterprise Institute Conference, 1981, May, p. 18.

³ Steigerwald R. Protestbewegung..., S. 115, 121.

ки, проповедь стихийности, подчас и антикоммунистические мотивы.

Тем не менее коммунистические партии капиталистических стран считают возможным и необходимым преодолеть отчужденность между рабочим движением и новыми социальными движениями, добиться союза между ними. В 80-х годах такой союз — не только теоретическая перспектива; сама практика протеста против политики монополистического капитала все более сближает различные его потоки. Средние слои и учащаяся молодежь все чаще страдают в условиях кризиса от тех же бед, что и рабочие: от безработицы; неуверенности в будущем, сокращения расходов на социальные нужды; эти проблемы занимают все большее место в требованиях новых социальных движений. Например, в США «альтернативные» движения выдвигают на местном уровне планы повышения уровня занятости и пытаются организовать безработных¹. Как показывает одно из исследований, проведенных в ФРГ, молодые сторонники «зеленых» придают первостепенное значение таким общественно-политическим приоритетам, как борьба с безработицей, создание ученических и рабочих мест для молодых трудящихся².

При всей разнородности социальных источников и конкретных мотивов современного социально-политического протеста, при всей противоречивости идеологического облика выражающих его движений развитие его создает предпосылки формирования нового типа массовой социально-психологической общности. Объективная основа такой общности выявлена марксистско-ленинским анализом: это — углубляющееся противоречие между государственно-монополистической системой и подавляю-

¹ Gross B. Entre le fascisme à visage humain et la démocratie.— Monde diplomatique, 1982, N 342, p. 4—5.

² Behr W. Jugendkrise und Jugendprotest. Stuttgart, 1982, S. 118—119.

щим большинством общественных групп и слоев. Ее субъективно-психологическая основа — оппозиция конкретным проявлениям реакционных и милитаристских тенденций в политике правящих кругов, стремление к активному воздействию на эту политику в интересах массовых групп. На этой основе формируется особый тип массового политического сознания, который, не будучи еще классовым, пролетарским и социалистическим сознанием, существенно отличается в то же время от «обычного» демократически-реформистского и тем более либерального сознания; оно может быть определено как радикально-демократическое¹. Такой тип сознания характерен как для многих участников и сторонников новых социальных движений, так и для рядовых членов и активистов левого крыла реформистских партий и профсоюзов, критикующих оппортунистически-прагматическую ограниченность «традиционного» реформизма.

Против военной угрозы

Действительность последних лет убедительно показывает, что слабости демократической оппозиции — прежде всего ее «фрагментарность», рассредоточение политической активности по отдельным проблемам и интересам — отнюдь не являются ее органической чертой. Подобные слабости — прежде всего следствие разочарования в реформистском курсе 60 — 70-х годов, неудач левых сил, неясности для части масс крупномасштабных, затрагивающих центральные проблемы общественного развития политических целей. В то же время протестующее сознание испытывает потребность в таких целях, ибо гуманистический и демократический характер вдохнов-

¹ В советской литературе этот термин применялся для характеристики соответствующих явлений в политической жизни США (см.: Современное политическое сознание в США. М., 1980, с. 269).

ляющих его ценностей обуславливает его нетерпимость не только к отдельным проявлениям монополистического господства, но ко всему присущему ему духу авторитаризма, социальной несправедливости, империалистической агрессивности.

Целью, действительно объединившей разнородные потоки демократического социально-политического протеста, стала в 80-е годы борьба против возросшей угрозы термоядерной войны. Обострение международной обстановки с конца 70-х годов, вызванное усилением агрессивно-милитаристских тенденций в политике империализма, выдвинуло проблему предотвращения войны в центр общественно-политической жизни. Опросы общественного мнения показывают, что во всех капиталистических странах растет в этот период ощущение военной опасности, страх перед войной.

Сам по себе этот страх далеко не всегда означает готовность активно сопротивляться военной угрозе, нередко сочетается с фатализмом и пассивностью. Так, 72% британцев, опрошенных в конце 1982 года, были обеспокоены распространением ядерного оружия, но 56% не видели практических возможностей борьбы против него, а 46% (в апреле 1983 года) даже считали, что движение антиядерного протеста затрудняет достижение мира¹. Однако в начале 80-х годов в странах НАТО явно усилилась оппозиция милитаристскому внешнеполитическому курсу правящих кругов. В США она выразилась в поддержке подавляющим большинством населения идеи замораживания ядерных вооружений, в настороженно-критическом отношении к внешней политике Рейгана. В Западной Европе усилились нейтралистские и антинатовские настроения. Так, в январе 1983 года 57% опрошенных западных немцев, 53% голландцев, 45% британцев, 43% французов высказались за нейтралитет их стран в

¹ Public Opinion Quarterly, 1985, vol. 49, N 1, p. 122.

случае военного конфликта между Востоком и Западом. Значительная часть западноевропейцев (51% французов, 42% итальянцев, 18% западных немцев) выступала за выход их стран из НАТО. В Греции доля сторонников такого выхода возросла только в 1979—1982 годах с 30 до 53%¹. По данному вопросу взгляды широких масс населения фактически резко разошлись с внешнеполитическими установками не только правящих кругов, но и всех крупных партий большинства стран НАТО. Еще более четкую антиимпериалистическую, антинатовскую направленность приобрело массовое движение против размещения американских ракет в Западной Европе.

В данной связи весьма показательно, что широчайшие слои населения, симпатизирующие антиракетному движению, оказались невосприимчивыми к клеветническим утверждениям натовской пропаганды. Так, лишь 10% жителей ФРГ, опрошенных в конце 1983 года, согласились с тезисом, что антиракетное движение связано с коммунистами, «которые хотят ослабить оборону Запада», и 63% выразили убеждение, что это движение выступает в защиту безопасности ФРГ².

В мощном антимилитаристском движении 80-х годов, в усилении оппозиционности масс внешнеполитическому курсу правящих сил проявилось не только растущее осознание военной опасности, но и потенциал политического протеста, накопившийся в массовом сознании. Ясная и большая политическая цель — отпор милитаризму — дала выход этому потенциалу, обусловила его направленность против агрессивной политики империализма, против ракетно-ядерного «довооружения» Западной Европы. Не случайно наиболее массовый характер антимилитаристское движение приобрело в тех странах северо-западной Европы, где крупные левые партии проводили

¹ Public Opinion, 1983, vol 6, N 1, p. 6, 15.

² Public Opinion Quarterly, 1985, vol. 49, N 1, p. 124.

в 70-х годах откровенно оппортунистическую политику, проявляли неспособность выразить массовую оппозиционность существующим порядкам: такая ситуация особенно сильно стимулировала «внепартийные» формы этой оппозиционности, их развитие в борьбу против милитаризма.

Преемственную связь между антивоенным движением и развитием новых форм политического протеста доказывает состав и социально-психологический облик наиболее активных участников антимилитаристских акций. Костяк этого движения составил тот самый слой политически активных людей, формирование которого зафиксировали исследования «потенциала протеста» 70-х годов¹. Эмпирически доказана также связь между активным антимилитаризмом и поддержкой «альтернативных» движений². Наиболее широкую поддержку движение за мир, так же как и «альтернативные» движения, имеет среди молодежи: 21% западных немцев в возрасте 18—21 года и 25% — в возрасте 22—25 лет заявляют о своем активном участии в борьбе за мир³.

Разумеется, не одни лишь «протестующие» представители новых средних слоев и тяготеющая к новым социальным движениям молодежь определяют социальный и психологический облик массового движения в защиту мира. В ряде капиталистических стран оно является подлинно массовой силой. В 1981 году солидарность с ним выразили 59% опрошенных в ФРГ, 52% — в Англии, 50% — во Франции, 79% — в Нидерландах⁴. В ФРГ только с весны 1982 года по осень 1983 года чис-

¹ *Schmid G.* Zur Soziologie des Friedensbewegung und des Jugend-sprotestes.— Aus Politik und Zeitgeschichte, 1982, 19. Juni, S. 18—19.

² *Behr W.* Jugendkrise und Jugendprotest, S. 146—147; Die Grünen: Regierungspartner von Morgen? Hrsg. Von Mettke J. R., Reinbek bei. Hamburg, 1982, S. 39.

³ *Behr W.* Jugendkrise und Jugendprotest..., S. 155.

⁴ *Le Nouvel Observateur*, 1981, 21 Nov., N 889, p. 33.

ло участников антиракетных акций (маршей, демонстраций, митингов) возросло с полумиллиона до двух с половиной миллионов человек. Сотни тысяч людей участвовали в антивоенных демонстрациях 80-х годов в Англии, Италии, Японии, Франции, Испании, Португалии. Уже эти факты свидетельствуют о том, что по характеру своей базы и масштабам влияния антивоенное движение вышло далеко за рамки какого-либо одного социального слоя или группы населения, охватило широчайшие массы трудящихся, значительную часть рабочего класса.

Промышленный пролетариат все активнее включается в борьбу за мир, вырабатывает специфические, соответствующие его культуре и сознанию формы такой борьбы. Их особенностью является, во-первых, организация антимилитаристской деятельности непосредственно на производстве. Так, в ФРГ к началу 1984 года действовало более 400 антивоенных организаций на предприятиях. Во-вторых, борьба за мир непосредственно увязывается с проблемами производства и социально-экономическими интересами трудящихся: с разработкой конкретных планов реконверсии — перевода предприятий военного комплекса на производство мирной продукции, с обеспечением таким образом роста занятости. Такие планы выдвинуты, например, английскими судостроителями, трудящимися танкостроительных и судостроительных заводов ФРГ¹. В-третьих, антимилитаристские устремления и активность рабочего класса выражаются в деятельности его классовых организаций, в их все более весомой роли в антивоенном движении. В первую очередь это относится к коммунистическим партиям и профсоюзам, стоящим на позициях классовой борьбы, но в последние годы в ФРГ, Англии, многих других капиталистических странах против милитаризма все чаще

¹ Die Mitbestimmung, 1982, N 12, S. 125; Blätter für deutsche und internationale Politik, 1981, N 12, S. 1460; Unsere Zeit, 1983, 20. Jan.; Antikriegstag 1981, Düsseldorf, 1981.

выступают низовые, отраслевые и национальные организации реформистских профсоюзов. Даже в США, где реакционное руководство АФТ — КПП поддерживало антисоветские и милитаристские тенденции в политике правящих кругов, крупнейшие отраслевые профсоюзы — автомобилестроителей, рабочих электро-, радио- и машиностроительной промышленности, авиационной и аэрокосмической промышленности — выступают против гонки вооружений, за реконверсию военной промышленности.

Таким образом, в антивоенном движении взаимодействуют и сливаются те же два главных источника массовой политической активности, которые питают оппозицию реакционному социальному курсу. Это, с одной стороны, сознание общественно активной и организованной части рабочего класса, с другой — радикально-демократический протест представителей интеллигенции и других социальных слоев. В то же время масштабы движения свидетельствуют о том, что в него вовлекается значительная часть прежде политически пассивных групп населения. Таким образом, вокруг активного ядра сформировалась массовая общность, реально действующая на политической арене, оказывающая весомое влияние на ход событий.

Вместе с массами

«Действительное воспитание масс,— писал В. И. Ленин,— никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

В современных условиях эти ленинские слова звучат особенно актуально. С ростом культуры и интеллектуального уровня масс, с усложнением их опыта и структуры сознания возрастает и роль их собственных действий, общественной инициативы и самостоятельности в формировании их идейно-политических позиций. Одной из немаловажных причин влияния новых социальных движений, очевидно, является тот факт, что они выразили потребность людей в общественной самодеятельности, привлекли многих из тех, кого отталкивает бюрократизированная структура социал-реформистских партий и профсоюзов. Английские женщины из Гринэм-Коммон, знаменитого «лагеря мира» в районе американской ракетной базы, говорили, что их движение не имеет ничего общего с «обычной» политикой, с ее «комитетами, председателями, письменными резолюциями, безличными дискуссиями и заранее запланированной повесткой дня»; «у нас нет председателя», «нет директив сверху», «нет официальной политики»¹. Как отмечают марксисты ФРГ, в среде рабочей молодежи ФРГ одновременно растут боевитость, готовность к участию в забастовках и критическое отношение к профсоюзам, падает профсоюзная активность².

Разумеется, принцип «стихийности», провозглашаемый идеологами многих новых социальных движений, не имеет ничего общего с интересами подлинно массовой борьбы за крупные позитивные политические цели — такая борьба невозможна без прочной организации. Но в то же время практика этих движений показывает, насколько важен вопрос о *современных* формах участия масс в общественно-политической деятельности.

Анализу и решению этого вопроса придают все боль-

¹ Cook A., Rirk G. Greenham Women Everywhere: dreams, ideas and actions from the women's peace movement. L., 1983, p. 81, 84.

² Helseher J. H. von. Zur Bewusstseinentwicklung der Arbeiter und Angestellten, S. 53.

шее значение коммунистические партии капиталистических стран. В этом отношении весьма показателен опыт Французской коммунистической партии, ее борьбы за широкий демократический союз, способный осуществить коренные общественные преобразования. Образованный в начале 70-х годов по инициативе ФКП Союз левых сил — коммунистов, социалистов, левых радикалов, выдвинутая им совместная правительственная программа открыли реальную перспективу отстранения от власти буржуазных партий, осуществления глубоких экономических, социальных и политических преобразований. Это позволило левым силам привлечь на свою сторону большинство нации, добиться победы на президентских и парламентских выборах 1981 года.

Однако в дальнейшем «дрейф вправо» правительства, возглавляемого социалистами, его неспособность покончить с безработицей и другими кризисными явлениями вызвали недовольство и разочарование масс в его деятельности. Правда, это недовольство не привело к росту массового движения за прогрессивные общественные преобразования. В стране усилились аполитичные и консервативные настроения, падает влияние левых партий, активизировались и расширили свои позиции ультраправые, фашистские силы.

Анализируя причины этой ситуации, французские коммунисты пришли к выводу: во многом она результат такой организации борьбы за преобразования, которая не была ориентирована на вовлечение в нее самих масс. Компартия самокритично вскрыла недостатки и слабости проводимого в 70-е годы курса на союз с социалистической партией. В резолюции XXV съезда ФКП (февраль 1985 года) отвергается прежняя концепция, «которая отводит народному движению роль простого орудия давления, содействующего заключению, а затем применению соглашения между партиями»¹. Отсутствие должного

¹ L'Humanité, 1985, 12 février, p. VIII.

внимания к развитию движения самих трудящихся, сведение их политической активности к голосованию на выборах привели, считают французские коммунисты, к демобилизации масс; между тем только такое движение могло придать необратимый, устойчивый характер их стремлению к прогрессивным изменениям. «Решающая роль в том, чтобы вывести Францию из кризиса,— говорится в резолюции XXV съезда,— и построить социализм... принадлежит народному движению...» Межпартийные соглашения «не должны ни в коем случае заменять, ограничивать, подчинять себе это движение... которому в любой ситуации мы отдаем первенство»¹.

В целом современный опыт классовой борьбы подтверждает значение активной общественно-политической практики самих масс в развитии их сознания. Только такая практика может преодолеть влияние буржуазной идеологии и антикоммунистической пропаганды, трудности познания массами общественной действительности, подготовить их к глубокому освоению научного мировоззрения. Только на ее основе возможно самопознание масс как субъекта исторического процесса: осознание ими общности своих интересов, перерастание их во многом еще разрозненного и неустойчивого протеста в развитое революционное, социалистическое сознание. Деятельность передового отряда рабочего класса и всех демократических сил капиталистических стран — коммунистических партий направлена на вовлечение масс в активную борьбу за их коренные интересы, за мир, демократию, социальный прогресс. Коммунисты все теснее связывают свою работу по внесению в массы социалистического сознания с развитием и обогащением массовых форм политической борьбы.

Эта работа требует от коммунистических партий решения ряда сложных проблем, которые ставят перед

¹ L'Humanité, 1985, 12 février, p. VIII.

ними кризисные экономические и социальные процессы, происходящие в капиталистическом обществе, обострение идейно-политической борьбы внутри капиталистических стран и на международной арене, состояние и динамика массового сознания. К числу первоочередных относится, например, проблема обоснования рабочей и демократической антикризисной социально-экономической политики, дающей убедительную альтернативу «неоконсервативному» курсу монополистического капитала.

Все более важное место в теоретической и практической деятельности компартий занимают проблемы образа жизни — творческий поиск таких форм и способов организации труда и управления, культурной и общественной деятельности, которые могли бы воплотить возросшие духовные, интеллектуальные и социальные потребности масс, содействовать преодолению буржуазного индивидуализма и общественной пассивности, развитию коллективистских тенденций массового сознания.

Борьба за гуманистический образ жизни, за удовлетворение назревших общественных потребностей является в современных условиях одним из важнейших путей развития массовой борьбы за демократию, активизации демократического политического сознания трудящихся, его перерастания в сознание социалистическое. Как считают коммунисты капиталистических стран, политика раскола масс, особенно широко практикуемая господствующим классом в условиях кризиса, настоятельно требует разработки таких политических программ, которые были бы способны объединить во многом разнородные непосредственные интересы и устремления различных массовых социальных слоев, содействовать развитию их солидарности, укрепить их веру в свои силы. Центральное место в таких программах, бесспорно, занимает борьба против милитаризма и гонки вооружений, за политику прочного мира и международного сотрудничества. Активизация этой борьбы необходима и важна не только для

решения главной проблемы современности — предотвращения мировой термоядерной катастрофы, но и для преодоления политической пассивности и фатализма, насаждаемых в массах капитализмом.

В решении всех этих взаимосвязанных задач коммунисты капиталистических стран опираются на творческое развитие марксистско-ленинской революционной теории, на всемирно-исторический опыт революционной борьбы рабочего класса и строительства социализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовое сознание современного капиталистического общества — это сознание эпохи общего кризиса капитализма. Его многообразные и противоречивые тенденции, о которых шла речь в этой книге, отражают историческую обреченность капиталистического строя, его неспособность решить проблемы, поставленные развитием общества, удовлетворить потребности и жизненные притязания народных масс. Массовый протест против эксплуатации и социального гнета не является чем-то новым в истории капитализма: уже на относительно ранних ее этапах сложился пролетарский тип массового сознания, органичивавший и подрывавший идейную гегемонию буржуазии. Однако в наше время конфликт трудящихся с капиталистической системой обостряется, приобретает принципиально новые черты, в растущей мере определяет состояние и ведущие тенденции массового сознания.

Борьба рабочего класса и других слоев общества против всевластия и произвола капитала долгое время вдохновлялась главным образом протестом против непосредственно материальных проявлений эксплуатации — бедности и нищеты, бесчеловечных условий труда и необеспеченности существования, против социального и политического бесправия. Те же мотивы социального протеста выступали в качестве основного источника массовой революционности.

В современных условиях, особенно в период кризисных потрясений 70—80-х годов, значение этих мотивов не только не ослабевает, но возрастает, они становятся характерными для все более широких, в том числе относительно привилегированных, социальных слоев. Но в то же время эти мотивы все теснее переплетаются с общей неудовлетворенностью всеми сторонами образа жизни,

диктуемого законами капитализма, созданной им системой жизненных и ценностных ориентаций, содержанием повседневного бытия. Социальное неравенство все чаще воспринимается не только как неравенство материальное, но и как отстраненность подавляющего большинства людей от подлинно человеческой жизни — осмысленной, интересной, духовно содержательной, дающей простор развитию личности. Протест против экономической и политической власти капитала, против бесправия трудящихся на производстве все чаще сочетается с протестом против порождаемой капитализмом системы социальных ролей и норм, против тех узких рамок, в которые она втискивает индивидуальную жизнь. Этот протест выражает, в сущности, потребность в принципиально иных нормах и ценностях, иначе говоря, в иной культуре — в культуре, которая означает свободный от социальных ограничений и неравенства, творчески-созидательный образ жизни, свободное развитие духовных потенций людей.

Общечеловеческая культура, постоянно обогащаемая развитием производства, научных знаний и художественного творчества, развитием рабочего и демократических движений, по сути, находится в состоянии конфликта с капитализмом. Представляя собой сферу реализации духовных потребностей людей, она может создаваться и усваиваться лишь в процессе «самоценной» деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей. Капитализму присуща тенденция к всемерному подчинению духовной деятельности и превращению ее в функциональную единицу товарно-денежных отношений, системы наращивания прибыли. Он отчуждает общечеловеческую культуру от народных масс, втискивает их духовные потребности в узкие рамки культурных норм, соответствующих условиям жизни отдельных профессиональных или локальных групп. Ослабление этих рамок под влиянием социальных сдвигов современной эпохи

становится предпосылкой распространения коммерческой антиинтеллектуальной «массовой культуры».

В условиях роста духовных потребностей и культурного уровня масс стремление к подлинной гуманистической культуре становится новым источником их неудовлетворенности и протеста, сливается со стремлением к свободе и равенству. Конфликт культуры с капитализмом приобретает поэтому характер массового социального явления. Старое требование свободы наполняется новым содержанием, капиталистическое отчуждение, бывшее некогда понятием, доступным лишь теоретическому сознанию, вызывает все более сильный и осознанный протест масс.

Все эти явления свидетельствуют о том, что человеческое, индивидуальное развитие, возвышение потребностей масс перерастают в современных условиях рамки ценностно-нормативной системы, определяемой капиталистическими общественными отношениями, вступают во все более обостряющееся антагонистическое противоречие с принципами буржуазного образа жизни. В этом можно видеть одно из наиболее характерных проявлений общего кризиса капитализма, его опосредованное выражение в общественном сознании.

Развитию и углублению данного противоречия в огромной мере способствуют существование противоположной капитализму общественной системы, утверждаемые ею новые принципы образа жизни и культуры, общественной и личной морали. Независимо от конкретного восприятия массовым сознанием капиталистических стран тех или иных сторон жизни социалистического общества, сама реальность социалистических отношений служит доказательством исторической ограниченности буржуазного образа жизни, возможности замены его иным, более высоким, подлинно гуманистическим типом общественно-го и личного бытия.

Новые явления в массовом сознании и поведении, о

которых шла речь в книге, имеют некий «общий знаменатель»: напряженный поиск личных и общественных ориентиров, отвечающих современным потребностям и запросам масс, меняющимся условиям их жизни в обществе. Такие ориентиры нужны людям, живущим в капиталистических странах, потому что окружающий их мир все больше превращается в хаос, в своего рода бессмысленное «броуново движение» экономических и социальных, культурных и политических изменений. А также и потому, что не менее сложные сдвиги происходят в их собственном духовном мире.

...Роботы в цехах и очереди за бесплатным супом за углом; видеосистема в гостиной и вооруженные ограбления на улице; отпуск на Ривьере и призрак атомного «гриба» над планетой; 10—11 лет в школе для большинства и восьмизначные цифры безработицы; автомобиль в «среднестатистической» семье и полицейская бомба, сброшенная на жилой дом; небывалый расцвет материальной цивилизации и недостаток кислорода в атмосфере... В этом мире вчера все казалось возможным, сегодняшний день грозит бедой, а завтрашнего, может быть, вообще не будет. Ценности и нормы, столетиями регулировавшие жизнь и отношения людей, вдруг устаревают, девальвируются. Они не отвечают потребностям и запросам нового поколения. Но проходит еще несколько лет, и «традиционные ценности» начинают казаться единственным спасением от хаоса и вседозволенности.

На идейно-политическом горизонте еще вчера сияли перспективы «всеобщего благоденствия», стирания всех и всяческих социальных границ и барьеров. И сам Дэвид Рокфеллер убеждал бизнесменов, что главное в их деятельности — «социальная ответственность», а президенты и премьер-министры призывали допустить рядовых граждан в «комнату с кнопками». Но вот сгустились тучи кризиса, и политический пейзаж резко меняется: все громче звучат голоса, призывающие восстановить послу-

шание и порядок, напоминающие, что в обществе, в сущности, царит биологический закон борьбы за существование. Пусть каждый заботится о самом себе и выживают сильнейшие! В этом-де и состоит «общее благо».

Таков в принципе опыт поколения, отражаемый массовым сознанием. Все, что происходит в мире, окружающем рядового жителя капиталистической страны, в его психике и сознании, обостряет его потребность понять, чего он может хотеть и добиваться, как общественная действительность и ее движение связаны с его личным бытием. Эта потребность и порождает тот поиск целей и смысла, который стал примечательной чертой массового сознания капиталистического общества, одной из важнейших движущих сил его эволюции в последние десятилетия.

Куда же ведет этот поиск? Мы видели, что его направления и результаты крайне неоднородны.

Одни люди и группы через отрицание потребительских, стяжательских ценностей приходят к общественной активности, к участию в борьбе за высокие общественные цели и идеалы. Среди них наиболее боевые, сознательные представители рабочего класса, участники демократических движений, борцы за мир и разоружение.

Другие видят выход в психологическом «разрыве» с непонятным и враждебным «большим обществом»: воздавая «кесарю кесарево», выполняя свои обязанности на заводах, в магазинах и конторах, они концентрируют свои потребности и интересы в узком мирке частной жизни.

Третьи находят опору в мистическом экстазе религиозных сект или в утопических «экспериментах» различных «коммун», в субкультуре молодежных гетто.

Многие, особенно те, кто становится жертвой безработицы, бедности, необеспеченного будущего, впадают в отчаяние и фатализм, мечтают лишь о том, чтобы как-то выжить, удержаться на поверхности. Существуют и массовые социальные группы, озабоченные главным образом сохранением своего относительного благополучия, под-

линных или иллюзорных социальных привилегий. Столь же разнородны и тенденции массового общественно-политического сознания и поведения.

Многообразие типов массового сознания, его поляризация — естественные явления для капиталистического общества с присущим ему антагонизмом классовых интересов, борьбой идеологий, охватывающей в современных условиях все уровни и сферы общественного сознания. Но при всем этом многообразии поиск подлинных, осмысленных целей, ценностей общественной и личной жизни ведет к глубоким необратимым изменениям в сознании масс. Ныне все более очевидно, что его результатом становится осознание неполноценности и нелепости господствующих принципов социально-экономической и политической жизни, не разрешенных и усугубленных современным капитализмом проблем войны и мира, взаимоотношений человека и природы, положения и прав личности, подлинно человеческих связей между людьми, «качества жизни». Через какие бы противоречия и трансформации ни проходила дальнейшая эволюция массового сознания, она неизбежно будет направляться стремлением решить эти проблемы. А это стремление ведет к обострению конфликта масс с капитализмом. Оно создает перспективу слияния борьбы трудящихся против капиталистической эксплуатации с протестом против буржуазного образа жизни, культуры и морали, против антидемократических и милитаристских устремлений империализма. Именно через такое соединение различных, во многом еще разрозненных источников протеста проходит путь к революционизированию массового сознания.

Все, о чем говорилось в книге, показывает, насколько труден этот путь. Резервы влияния буржуазной идеологии на массы все еще велики: оно опирается не только на мощь изощенного пропагандистского аппарата капитализма, но и на противоречия самого массового сознания. Усложнение системы мотивов и знаний масс усиливает

как их оппозиционность капитализму, так и дезориентацию, растерянность, утрату ясных идейных ориентиров. Сама усложнившаяся структура потребностей, рост личностных притязаний и запросов людей затрудняют осознание связей между причинами их неудовлетворенности и капиталистическими общественными отношениями. Социальный протест масс все больше направляется против «внеэкономических» аспектов капиталистического отчуждения, которые нередко отрываются от их основы — производственных отношений капитализма. Непонимание этой связи питает искаженные, ложные представления о современных общественных процессах, подчас направляет протест в русло антиэтатистских, антитехницистских и консервативных идей, усиливает фаталистические и индивидуалистические тенденции сознания, различные социальные патологии.

Антигуманная идеология современного капитализма, отмечается в новой редакции Программы КПСС, наносит все больший ущерб духовному миру людей. Культ индивидуализма и вседозволенности, злобный антикоммунизм, эксплуатация культуры в качестве источника наживы ведут к насаждению бездуховности и моральной деградации общества.

Столь же противоречива по своим проявлениям и последствиям присущая современным массам тенденция к рациональному осознанию экономических, социальных и политических отношений, к самостоятельному поиску соответствующих их интересам целей и средств общественно-политической деятельности. С одной стороны, расширение интеллектуальных горизонтов массового сознания, его «рационализация» открывают новые перспективы перед научной социалистической идеологией, перед деятельностью марксистско-ленинских партий. С другой стороны, самостоятельное рациональное осознание действительности намного труднее, чем принятие готовых оценок и выводов. В процессе такого осознания яснее выступа-

ют реальные противоречия жизни: новые, не решенные еще теоретические и практические проблемы могут нарушать цельность мировоззрения, усиливать колебания между разными решениями и выводами.

Все эти особенности современного массового сознания широко используются буржуазной политикой и идеологией. В прошлом капитализм духовно подчинял массы, опираясь на их невежество, на страх перед якобы всемогущей и неодолимой системой классового господства. В наши дни буржуазная идеология чаще всего прибегает к рационализированному оправданию этой системы: изображает ее как способную к улучшению, реформированию и в то же время как условие экономического прогресса и демократии. Важным средством в таком оправдании служит клевета на реальный социализм. В идеологической борьбе с прогрессивными силами монополистическая реакция наряду с «традиционными» стереотипами, черпаемыми из арсенала антикоммунизма (противопоставление коммунизма свободе, демократии, национальной независимости и т. п.), все шире применяет наукообразную, в особенности «экономическую» критику их программных требований (якобы нереалистичных, ведущих к развалу экономики и т. д.). Рационализация сознания может в этих условиях выступать как фактор, усиливающий чисто эмоциональный страх перед неопределенным будущим, опасение «потерять то, что есть», и закреплять, таким образом, в массе консервативные политические установки.

Своеобразное, типичное для массового сознания в развитых капиталистических странах сочетание высокого уровня материальных и духовных потребностей с тенденцией к трезвой, осторожной оценке политической деятельности предъясняет особо важные и сложные требования к революционной политике и идеологии. Формирование современного революционного, социалистического сознания масс предполагает максимальный учет уровня

потребностей трудящихся, их интеллектуального и культурного развития. Представление о целях революции, о социализме как о некой абстрактной антитезе капитализму, характерное для многих форм массового сознания в прошлом, в условиях современного капиталистического общества не может быть действенной альтернативой буржуазному и реформистскому сознанию. На первый план выступает конкретное позитивное содержание, обоснованность революционных программ, предлагаемых ими решений волнующих массы проблем экономического, социального и политического развития.

Убежденность в реальности, достижимости, обоснованности программ, выдвигаемых революционными силами,— необходимый элемент современной революционности масс, но такая убежденность не формируется одной лишь «просветительской», пропагандистской деятельностью, как бы ни были разумны ее аргументы. Борьба с монополистической властью, с капитализмом — не академический диспут. Глубоко укорененные в психологии масс веками капиталистического господства страх, реакционные предубеждения, политическая апатия, наконец, просто парализующая волю неуверенность могут преодолеть лишь их активное участие в этой борьбе. Но такое участие возможно лишь в том случае, если цели борьбы ощущаются массой на каждом этапе как затрагивающие действительно коренные проблемы их жизни.

Путь к преодолению современных противоречий массового сознания, к его революционизированию проходит через осознание массой реальных возможностей коренного общественного переустройства в соответствии с теми стремлениями, которые характеризует нынешний уровень ее духовного и интеллектуального развития. Такие возможности обосновываются научной социалистической идеологией, подтверждаются опытом реального социализма, практикой коммунистических партий капиталистических стран, их успешной борьбой за конкретные цели, выражающие современные потребности трудящихся.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
--------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИЧНОСТЬ И ГРУППА

В СИСТЕМЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	16
---------------------------------------	----

1

Двойное отчуждение	17
Семья у голубого бассейна	22
Под властью стандарта	30
Агрессивные «лидеры» и потребители наслаждений	36

2

Ориентация на выживание	39
«Борьба дает смысл нашей жизни»	50
«Я» и «мы»	58

3

Уровни групповой общности	63
Дифференциация массового сознания	68
Единство истории в зеркале сознания	81

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

89

1

Надежды и страхи послевоенных лет	—
Блеск и нищета «общества потребления»	96
В поисках новых ценностей	106
Жить иначе... Но как?	110
«Менее безличное общество»	121

2

От роста потребностей к кризису личности	126
«Императивы экономики» или капризы погоды?	139
«Революция падающих ожиданий»	148
Жизнь без надежды	153
От «стратегии кошки» к «стратегии лисы»	160

Массы и политика	165
Требовательное сознание	176
Трудные пути познания	182
«Никто не понимает, что происходит»	186
Кризис массового политического сознания	192
«Консервативная волна»: источники и пределы	200

Сознательный протест или бегство от разума?	216
Радикально-демократическое сознание	224
Против военной угрозы	235
Вместе с массами	240
Заключение	246

Герман Германович Дилигенский

В ПОИСКАХ СМЫСЛА И ЦЕЛИ

Проблемы массового сознания
современного капиталистического общества

Заведующий редакцией *Л. И. Греков*

Редактор *В. И. Дмитриев*

Младший редактор *В. В. Калина*

Художник *В. Н. Суханов*

Художественный редактор *В. А. Бондарев*

Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 5083

Сдано в набор 22.11.85. Подписано в печать 10.02.86. А00031. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,2. Усл. кр.-отт. 11,55. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 55 тыс. экз.
Заказ 1295. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

71339/87

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Создаваемая объединенными усилиями издательств социалистических стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике и идеологии.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА